ВНУШЕНІЕ

И ЕГО РОЛЬ

ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Акад. В. М. Бехтерева,

заслуж. профессора Императорской Военно-Медицинской Академіи,
Директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

Третье значительно дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера
Невскій просп., 14.
1908.

ВНУШЕНІЕ

И ЕГО РОЛЬ

ВЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Акад. В. М. Бехтерева,

заслуж. профессора Императорской Военно-Медицинской Академіи,
Директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

Третье значительно дополненное изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе К. Л. Риккера.
Невскій просп., 14.
1908.

Предисловіе ко 2-му изданію.

Терминъ „внушеніе“, заимствованный изъ обыденной жизни и введенный первоначально въ кругъ врачебной спеціальности подъ видомъ гипнотическаго или послѣгипнотическаго внушенія, въ настоящее время вмѣстѣ съ болѣе близкимъ изученіемъ предмета получилъ болѣе широкое значеніе. Дѣло въ томъ, что дѣйствіе внушенія ничуть не связывается обязательнымъ образомъ съ особымъ состояніемъ душевной дѣятельности, извѣстнымъ подъ названіемъ гипноза, какъ то доказываютъ случаи осуществленія внушенія, производимаго въ бодрственномъ состояніи. Болѣе того—внушеніе, понимаемое въ широкомъ смыслѣ слова, является однимъ изъ способовъ воздѣйствія одного лица на другое даже при обыденныхъ условіяхъ жизни.

Въ виду этого внушеніе служитъ важнымъ факторомъ нашей общественной жизни и должно быть предметомъ изученія не однихъ только врачей, но и всѣхъ вообще лицъ, изучающихъ условія общественной жизни и законы ея проявленія. Здѣсь во всякомъ случаѣ открывается одна изъ важныхъ страницъ общественной психологіи, которая представляетъ собою обширное и мало еще разработанное поле научныхъ изслѣдованій.

Настоящее сочиненіе въ первомъ своемъ изданіи представляло собою рѣчь, произнесенную въ актовомъ собраніи Военно-Медицинской Академіи въ декабрѣ 1897 года, и потому было ограничено опредѣленными размѣрами. Но интересъ и важность затронутой темы побудили автора существенно расширить рамки своего труда, вслѣдствіе чего это второе изданіе выходитъ значительно пополненнымъ противъ перваго и уже не въ формѣ рѣчи.

Не претендуя и въ настоящемъ изданіи на желательную полноту изложенія затрогиваемаго предмета, авторъ полагаетъ, что уже правильное его освѣщеніе можетъ быть небезполезнымъ для лицъ, интересующихся ролью внушенія въ общественной жизни.

В. Бехтеревъ.

Предисловіе къ 3-му изданію.

Второе, какъ и первое, изданіе настоящаго сочиненія разошлось сравнительно быстро, что доказываетъ интересъ читателя къ вопросамъ общественной психологіи. Этотъ интересъ повидимому еще болѣе возрастаетъ за послѣднее время вмѣстѣ съ пережитыми русскимъ обществомъ важными общественными событіями.

Новое изданіе книги „Внушеніе и его роль въ общественной жизни“ дополнено въ цѣломъ рядѣ страницъ, причемъ въ него вошло описаніе нѣсколькихъ психическихъ эпидемій, не вошедшихъ во второе изданіе сочиненія, и собраны относящіеся къ предмету изложенія нѣкоторые факты изъ недавняго прошлаго русской революціи. Вмѣстѣ съ этимъ и другіе отдѣлы этого сочиненія пополнены на основаніи новѣйшихъ литературныхъ данныхъ. Вслѣдствіе этого новое изданіе настоящаго сочиненія, сохраняя прежнее направленіе мыслей автора, несомнѣнно, выигрываетъ въ своей полнотѣ по сравненію съ прошлымъ изданіемъ того же сочиненія.

В. Бехтеревъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Различные взгляды на природу внушенія.

Въ настоящее время такъ много вообще говорятъ о физической заразѣ при посредствѣ „живого контагія“ (contagium vivum) или т. наз. микробовъ, что на мой взглядъ нелишнее вспомнить и о „психическомъ контагіѣ“ („contagium psychicum“), приводящемъ къ психической заразѣ, микробы которой, хотя и невидимы подъ микроскопомъ, но тѣмъ не менѣе подобно настоящимъ физическимъ микробамъ дѣйствуютъ вездѣ и всюду и передаются чрезъ слова, жесты и движенія окружающихъ лицъ, чрезъ книги, газеты и пр., словомъ, гдѣ бы мы ни находились въ окружающемъ насъ обществѣ, мы подвергаемся уже дѣйствію психическихъ микробовъ и слѣдовательно находимся въ опасности быть психически зараженными.

Вотъ почему мнѣ представляется не только своевременнымъ, но и небезъинтереснымъ остановиться на внушеніи, какъ факторѣ, играющемъ видную роль въ нашей общественной жизни,—факторѣ, полномъ глубокаго значенія, какъ въ повседневной жизни отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ соціальной жизни народовъ.

Правда, этотъ вопросъ еще не въ достаточной мѣрѣ освѣщенъ наукой и потому я не могу скрыть опасенія, что въ краткомъ изложеніи врядъ ли мнѣ удастся дать полное представленіе о затрогиваемомъ здѣсь предметѣ; но такова уже природа человѣческой мысли: пока вопросъ недостаточно изученъ, онъ представляетъ живой интересъ для всѣхъ и каждаго, но, какъ только тотъ же самый вопросъ разсмотрѣнъ всесторонне въ наукѣ и сдѣлался достояніемъ обширнаго круга лицъ, онъ уже значительно утрачиваетъ долю своего интереса. Руководясь этимъ, я полагаю, что не заслужу со стороны читателя большого упрека, если я остановлю его вниманіе на вопросѣ о такъ называемомъ внушеніи и психической заразѣ.

Прежде всего мы должны выяснить, что такое само по себѣ внушеніе?

Вопросъ о природѣ внушенія есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ психологіи, получившій въ послѣднее время огромное практическое значеніе, благодаря въ особенности изученію гипнотизма,

хотя теперь можно опредѣленно утверждать, что внушеніе вообще является актомъ гораздо болѣе распространеннымъ, нежели собственно гипнотическое внушеніе, такъ какъ оно проявляется въ бодрственномъ состояніи и при томъ въ жизни наблюдается вездѣ и всюду, т. е. при весьма различныхъ условіяхъ.

Несмотря однако на огромную практическую важность внушенія его психологическая природа до сихъ поръ представляется еще крайне мало изученной.

Еще недавно этотъ терминъ не имѣлъ особаго научнаго значенія и употреблялся лишь въ просторѣчіи, главнымъ образомъ для обозначенія наущеній, съ той или другой цѣлью производимыхъ одними лицами другимъ. Лишь въ новѣйшее время этотъ терминъ получилъ совершенно спеціальное научное значеніе, вмѣстѣ съ расширеніемъ нашихъ знаній о психическомъ вліяніи однихъ лицъ на другихъ. Но этимъ терминомъ стали уже злоупотреблять, прилагая его къ тѣмъ явленіямъ, къ которымъ онъ вовсе не относится, и нерѣдко прикрывая имъ факты, остающіеся еще недостаточно выясненными.

Несомнѣнно, что отъ такого злоупотребленія научнымъ терминомъ происходитъ немало путаницы въ освѣщеніи тѣхъ психологическихъ явленій, которыя относятся къ области внушенія, а потому прежде всего мы должны подумать объ опредѣленіи и точномъ ограниченіи этого термина.

Нужно замѣтить, что уже многіе авторы давали этому термину то или другое обозначеніе. Если мы обратимся къ литературѣ предмета, то мы встрѣтимся съ самыми разнообразными опредѣленіями внушенія.

Liébeault подъ внушеніемъ признаетъ вызываніе словомъ или жестами въ гипнотизируемомъ лицѣ представленія, слѣдствіемъ котораго возникаетъ то или иное физическое или психическое явленіе.

По Bernheim'у внушеніе есть такое воздѣйствіе, при посредствѣ котораго вводится въ мозгъ представленіе, которое имъ и принимается.

Löwenfeld подъ внушеніемъ понимаетъ представленіе психическаго или психо-физическаго характера, которое своимъ осуществленіемъ проявляетъ необыкновенное дѣйствіе, вслѣдствіе ограниченія или прекращенія ассоціаціонной дѣятельности [1]).

---

[1]) См. Löwenfeld. Гипнотизмъ. Пер. д-ра Ляса. Сарато

Тотъ же авторъ въ своей книгѣ приводитъ и цѣлый рядъ опредѣленій внушенія, сдѣланныхъ другими авторами.

Forel подъ внушеніемъ понимаетъ вызываніе такого динамическаго измѣненія нервной системы, когда возникаетъ представленіе, что это измѣненіе наступило, наступаетъ или наступитъ.

Moll даетъ сходственное этому опредѣленіе: по нему внушеніемъ называется тотъ случай, когда результатъ обусловливается тѣмъ, что вызываютъ представленіе объ его наступленіи.

По Wundt'у внушеніе есть ассоціація съ сопутствующимъ ей суженіемъ сознанія по отношенію къ представленіямъ, которыя, возникая, не даютъ проявиться противоположнымъ ассоціаціямъ.

По Schrenk-Notzing'у внушеніе выражается ограниченіемъ ассоціацій въ отношеніи опредѣленнаго содержанія сознанія.

По Binet внушеніе есть нравственное давленіе, которое одна личность производитъ на другую при посредствѣ интеллекта, эмоцій и воли.

Vincent говоритъ, что подъ внушеніемъ слѣдуетъ понимать совѣтъ или приказаніе; „въ состояніи же гипноза внушеніе есть произведенное на психику впечатлѣніе, которое вызываетъ за собою непосредственное приспособленіе мозга и всего отъ него зависящаго“.

По взгляду д-ра Lefèvre'а [1]) явленія внушенія и самовнушенія состоятъ въ ассимиляціи мыслей, вообще какихъ-либо идей, допущенныхъ имъ безъ мотива и случайно, въ ихъ быстромъ превращеніи въ движенія, въ ощущенія или въ акты задержки.

По Hirschlaff'у [2]) подъ внушеніемъ слѣдуетъ понимать со стороны гипнотизирующаго немотированное и несоотвѣтствующее дѣйствительности утвержденіе, со стороны же гипнотизируемаго реализацію этого утвержденія.

Если предыдущія опредѣленія представляются болѣе или менѣе односторонними, противорѣчивыми и неточными, то послѣднее опредѣленіе представляется крайне узкимъ и Löwenfeld справедливо возстаетъ противъ него, такъ какъ согласно этому опредѣленію пришлось бы исключить, не только всѣ терапевтическія внушенія, которыя по Hirschlaff'у должны быть разсматриваемы не какъ внушенія, а какъ совѣты, надежды и пр., но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть

---

[1]) Dr. L. Lefévre. Les phénomènes de suggestion et d'auto-suggestion etc. Paris, 1903, стр. 101 и 102.

[2]) См. Löwenfeld, loco cit., стр. 31.

исключенъ изъ области внушенія и цѣлый разрядъ явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ противовнушеній, такъ какъ они стоятъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Да и сколько неопредѣленнаго въ самомъ понятіи: „несоотвѣтствующій дѣйствительности“. Напр. дается спящему внушеніе: проснувшись, взять со стола папироску и закурить и онъ безпрекословно выполняетъ это внушеніе. Спрашивается, много ли тутъ несоотвѣтствующаго дѣйствительности? а между тѣмъ безспорно. что мы здѣсь также имѣемъ дѣло съ внушеніемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ.

Приведеніе другихъ опредѣленій здѣсь излишне и безполезно, такъ какъ и вышеизложеннаго вполнѣ достаточно, чтобы видѣть, какъ много путаницы, неяснаго и неопредѣленнаго вводится въ понятіе о внушеніи.

Очень характерно по этому поводу начинаетъ свою книгу Б. Сидисъ [1]): „Психологи употребляютъ терминъ «внушеніе» такъ безпорядочно, что читатель часто не уясняетъ себѣ его настоящаго значенія. Иногда этимъ названіемъ пользуются для означенія тѣхъ случаевъ, когда одна идея ведетъ за собою другую и такимъ образомъ отождествляютъ внушеніе съ ассоціаціей. Нѣкоторые настолько расширяютъ область внушенія, что включаютъ въ нее всякое вліяніе человѣка на своихъ собратій. Другіе суживаютъ внушеніе и внушаемость до простыхъ симптомовъ истерическаго невроза. Такъ поступаютъ сторонники Сальпетріерской школы. Нансійская же школа называетъ внушеніемъ причину, вызывающую то особое состояніе духа, при которомъ явленіе внушаемости чрезвычайно выступаетъ впередъ“.

Само собою разумѣется, что столь неясное положеніе вопроса о внушеніи приводитъ по Б. Сидису къ большой путаницѣ въ психологическихъ изслѣдованіяхъ, относящихся до внушенія, о чемъ мы уже и говорили выше. Самъ Б. Сидисъ, поясняя внушеніе на нѣсколькихъ примѣрахъ, останавливается между прочимъ на опредѣленіи Болдвина [2]), по которому «подъ внушеніемъ понимается большой классъ явленій, типическимъ представителемъ которыхъ служитъ внезапное вторженіе въ сознаніе извнѣ идеи или образа, становящихся частью потока мысли и стремящихся вызвать мышечныя и волевыя усилія—свои обычныя послѣдствія». Б. Сидисъ считаетъ однако его недостаточнымъ; онъ находитъ во

:дисъ. Психологія внушенія. Русск. пер. 1902.
vin. Psychology. Vol. II.

внушеніи еще другія важныя черты, которыя сост...
внушеніе воспринимается субъектомъ безъ крит...
няется имъ почти автоматически.

Но независимо отъ того по Б. Сидису во внуше...
еще элементъ, безъ котораго опредѣленіе является неполны...
элементъ или факторъ составляетъ преодолѣніе или обхо...
тиводѣйствія субъекта. Внушенная идея насильно вводится в...
токъ сознанія, она нѣчто чуждое, нежеланный гость, паразитъ,
котораго сознаніе субъекта стремится избавиться. Потокъ сознан...
индивидуума борется съ внушаемыми идеями, какъ организмъ съ
бактеріями, стремящимися разрушить устойчивость равновѣсія. Этотъ
элементъ противодѣйствія имѣетъ въ виду д-ръ I. Гроссманъ, опредѣляя внушеніе, какъ „процессъ, въ которомъ какое-нибудь представленіе пытается навязаться мозгу“ [1]).

Въ концѣ концовъ Б. Сидисъ останавливается на такомъ опредѣленіи внушенія: «Подъ внушеніемъ понимается вторженіе въ умъ какой-либо идеи; встрѣченная большимъ или меньшимъ сопротивленіемъ личности, она наконецъ принимается безъ критики и выполняется безъ обсужденія, почти автоматично» [2]).

Опредѣленіе это, выраженное въ такой формѣ, стоитъ довольно близко къ сдѣланному мною ранѣе опредѣленію внушенія, еще въ первомъ изданіи настоящей книги [3]), но все же, благодаря нѣкоторымъ вводнымъ указаніямъ, оно не можетъ быть признано вполнѣ достаточнымъ. Прежде всего, далеко не всегда, внушеніе встрѣчается тѣмъ или другимъ сопротивленіемъ со стороны личности внушаемаго лица. Это наблюдается чаще въ тѣхъ гипнотическихъ внушеніяхъ, которыя касаются нравственной сферы внушаемаго лица или же противорѣчатъ установившимся отношеніямъ даннаго лица къ тѣмъ явленіямъ, которыя служатъ предметомъ внушенія; въ большинствѣ же другихъ случаевъ внушеніе входитъ въ психическую сферу безъ всякаго сопротивленія со стороны внушаемаго лица, при чемъ нерѣдко оно проникаетъ въ его психическую сферу совершенно незамѣтно для него самого, несмотря даже на то, что дѣйствуетъ во время бодрственнаго состоянія.

---

[1]) S. Grossmann. Zeitschrift f. Hypnotismus, апрѣль, 1893.

[2]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія, перев. д-ра М. Колоколова. Спб. 1902 г., стр. 2.

[3]) См. В. Бехтеревъ. Роль внушенія въ общественной жизни. Спб. 1898, стр. 2.

, доказываетъ примѣръ, заимствованный изъ книги мысленномъ внушеніи", приводимый самимъ Б. Си-

ругъ П., человѣкъ столь же разсѣянный, сколь и остро-ралъ въ шахматы въ сосѣдней комнатѣ, а мы остальные ривали около двери. Я замѣтилъ, что мой другъ, когда со-погружался въ игру, имѣлъ обыкновеніе насвистывать арію „Madame Angot". Я уже собирался ему въ аккомпаниментъ бивать ритмъ на столѣ; но въ этотъ разъ онъ сталъ насвистывать маршъ изъ „Пророка".

Послушайте, сказалъ я товарищамъ, мы сдѣлаемъ съ П. штуку: мы прикажемъ ему (мысленно) перейти съ „Пророка" на „La fille de madame Angot".

Сначала я сталъ отбивать маршъ, потомъ, воспользовавшись нѣсколькими нотами, общими обѣимъ пьесамъ, немедленно перешелъ на болѣе быстрый темпъ любимой аріи моего пріятеля. П. со своей стороны внезапно перемѣнилъ мотивъ и началъ насвистывать „Madame Angot". Всѣ разсмѣялись. Мой другъ былъ слишкомъ занятъ шахомъ королевы, чтобы замѣтить что-нибудь. Начнемъ опять сказалъ я, и вернемся къ „Пророку". Немедленно мы опять услыхали замѣчательную фугу Мейербера. Все, что мой другъ зналъ, было только то, что онъ что-то насвистывалъ".

Нѣтъ надобности пояснять, что здѣсь не было мысленнаго внушенія, а было внушеніе слуховое, которое проникало въ психическую сферу совершенно незамѣтно для внушаемаго лица и безъ всякаго съ его стороны сопротивленія.

То же самое мы имѣемъ и въ другихъ случаяхъ. Возьмемъ еще примѣры изъ Б. Сидиса:

„У меня въ рукахъ газета и я начинаю ее свертывать; вскорѣ я замѣчаю, что мой другъ, сидящій противъ меня, свернулъ свою такимъ же образомъ; мы говоримъ, что это случай внушенія" [1]).

Мы можемъ привести и много другихъ аналогичныхъ примѣровъ, гдѣ внушеніе входитъ въ психическую сферу незамѣтно для самого лица и безъ всякой борьбы и сопротивленія съ его стороны.

Вообще можно сказать, что внушеніе по крайней мѣрѣ въ бодрственномъ состояніи гораздо чаще проникаетъ въ психическую сферу именно такимъ незамѣтнымъ образомъ и во всякомъ случаѣ безъ особой борьбы и сопротивленія со стороны внушаемаго лица.

---

[1]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія, русск., пер. стр. 10.

Въ этомъ и заключается общественная сила внушенія. Возьмемъ еще примѣръ изъ того же Б. Сидиса:

Среди улицы на площади, на тротуарѣ останавливается торговецъ и начинаетъ изливать цѣлые потоки болтовни, льстя публикѣ и восхваляя свой товаръ. Любопытство прохожихъ возбуждено: они останавливаются. Скоро нашъ герой становится центромъ толпы, которая тупо глазѣетъ на „чудесные“ предметы, выставленные ей на удивленіе. Еще нѣсколько минутъ и толпа начинаетъ покупать вещи, про которыя торговецъ внушаетъ, что онѣ „прекрасныя, дешевыя“.

„Уличный ораторъ взлѣзаетъ на полѣно или на повозку и начинаетъ разглагольствовать передъ толпой. Грубѣйшимъ образомъ онъ прославляетъ великій умъ и честность народа, доблесть гражданъ, ловко заявляя своимъ слушателямъ, что съ такими дарованіями они должны ясно видѣть, какъ зависитъ процвѣтаніе страны отъ той политики, которую онъ одобряетъ, отъ той партіи, доблестнымъ поборникомъ которой онъ состоитъ. Его доказательства нелѣпы, его мотивы презрѣнны и однако онъ обыкновенно увлекаетъ за собой массу, если только не подвернется другой ораторъ и не увлечетъ въ другомъ направленіи. Рѣчь Антонія въ „Юліи Цезарѣ“ представляетъ превосходный примѣръ внушенія“.

Очевидно, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствіе внушенія не осуществилось бы, какъ скоро было бы замѣчено всѣми, что торговецъ не въ мѣру расхваливаетъ свои товары, что уличный ораторъ преувеличиваетъ значеніе своей партіи, вздорнымъ образомъ восхваляя ея заслуги. По крайней мѣрѣ всѣ, для которыхъ ясны вздорность и лживость увѣреній въ такихъ случаяхъ, тотчасъ же отходятъ въ сторону отъ такихъ ораторовъ, вокругъ которыхъ остается только довѣрчивая толпа слушателей, мало понимающая въ дѣлѣ, незамѣчающая ни грубой лести, ни лживыхъ заявленій и потому легко поддающаяся внушенію.

Итакъ, въ дѣйствіи послѣдняго по крайней мѣрѣ въ приведенныхъ случаяхъ нѣтъ ничего „насильственнаго, нѣтъ ничего такого, что должно быть „преодолѣваемо“, наконецъ нѣтъ и ничего такого, отъ чего „сознаніе субъекта стремится избавиться“.

Все происходитъ самымъ обычнымъ, естественнымъ порядкомъ и однако это есть настоящее внушеніе, которое вторгается въ психическую сферу, какъ тать, и производитъ въ ней роковыя послѣдствія.

Нѣтъ конечно надобности доказывать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ внушеніе дѣйствительно встрѣчаетъ сопротивленіе со стороны

внушаемаго лица и тѣмъ не менѣе оно проникаетъ въ психику, какъ паразитъ, послѣ извѣстной борьбы, почти насильственнымъ способомъ.

Одинъ изъ прекрасныхъ примѣровъ внушенія, проникающаго въ психику послѣ извѣстной борьбы, представляетъ внушеніе со стороны Яго, направленное на Отелло, который встрѣчаетъ это внушеніе первоначально нѣкоторымъ сопротивленіемъ, но затѣмъ постепенно поддается ему, когда «ядъ ревности» начинаетъ совершать въ душѣ Отелло свою губительную работу. Точно также и нѣкоторые изъ внушеній, производимыхъ въ гипнозѣ, иногда встрѣчаются извѣстнымъ противодѣйствіемъ со стороны внушаемаго лица. Особенно часто это случается съ лицами, которымъ внушаютъ произвести поступокъ, противорѣчащій ихъ наиболѣе сокровеннымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Какъ извѣстно, нѣкоторые изъ французскихъ авторовъ по степени сопротивленія лица, которому производятся внушенія, противорѣчащія общепринятымъ нравственнымъ понятіямъ, находили возможнымъ даже опредѣлять нравственность даннаго субъекта.

Очевидно, что даже въ гипнозѣ личность не вполнѣ устраняется, она только потухаетъ въ извѣстной мѣрѣ и, встрѣчая внушеніе, противное убѣжденію, противодѣйствуетъ ему въ той или другой мѣрѣ.

Тѣмъ не менѣе ничего обязательнаго и даже характернаго для внушенія въ противодѣйствіи со стороны внушаемаго лица мы не имѣемъ, такъ какъ множество внушеній вступаетъ въ психическую сферу безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны внушаемаго лица. Одному лицу, находящемуся въ бодрственномъ состояніи, я говорю, что у него начинаетъ стягивать руку въ кулакъ, что всю его руку охватываетъ судорога и притягиваетъ къ плечу и это внушеніе тотчасъ же осуществляется. Другому я говорю, что онъ не можетъ брать рукой окружающихъ предметовъ, что она у него парализована и оказывается, что съ этихъ поръ на самомъ дѣлѣ онъ не употребляетъ руки и все это продолжается впредь до того времени, пока я не скажу тому и другому лицу, что они вновь по-прежнему владѣютъ своей рукой. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, нѣтъ и тѣни сопротивленія.

Поэтому мы не можемъ согласиться съ Б. Сидисомъ, когда онъ говоритъ, что черта сопротивленія есть основная часть внушенія или что потокъ сознанія индивидуума борется съ внушаемыми идеями, какъ организмъ съ бактеріями, стремящимися

разрушить устойчивость. Въ этой борьбѣ и въ сопротивленіи для внушенія нѣтъ никакой необходимости, вслѣдствіе чего сопротивленіе личности не можетъ и не должно входить въ опредѣленіе внушенія.

Нельзя также думать, что внушеніе не допускаетъ критики. Сопротивленіе внушенію, гдѣ оно имѣется, вѣдь и основано на критикѣ, на уясненіи внутренняго противорѣчія внушаемаго съ убѣжденіями даннаго лица, на несогласіи съ нимъ его „я“, когда это „я“ невполнѣ исключено. Иначе вѣдь не было бы и сопротивленія. Отсюда очевидно, что внушеніе въ извѣстныхъ случаяхъ не исключаетъ даже критики, не переставая быть въ то же время внушеніемъ. Это обычно замѣчается въ слабыхъ степеняхъ гипноза, когда личность, не будучи вполнѣ устраненной, относится еще съ критикой ко всему окружающему и въ томъ числѣ къ внушенію.

Одному лицу я внушаю въ гипнозѣ, что по пробужденіи онъ долженъ взять со стола фотографическую карточку, которую онъ увидитъ. По пробужденіи онъ почти тотчасъ же осматриваетъ поверхность стола и останавливаетъ свой взоръ на опредѣленномъ мѣстѣ. „Вы что-нибудь видите?“ спрашиваю я. „Вижу карточку“. Я прощаюсь съ нимъ, намѣреваясь уйти; но онъ все еще обращаетъ свой взоръ на столъ. „Не нужно ли Вамъ что-нибудь сдѣлать?“ спрашиваю я. „Мнѣ хотѣлось взять эту карточку, но мнѣ ее не надо!“ отвѣчаетъ онъ и уходитъ, не выполнивъ внушенія и очевидно борясь съ нимъ.

Очень хорошій примѣръ мы находимъ также у Б. Сидиса. Человѣку, находящемуся въ слабой степени гипноза, дѣлается внушеніе, что онъ, услышавъ стукъ, возьметъ сигаретку и зажжетъ ее. „Пробудившись онъ помнилъ все. Я быстро стукнулъ нѣсколько разъ. Онъ всталъ со стула, но сейчасъ же сѣлъ опять и, смѣясь, воскликнулъ; „нѣтъ я не стану этого дѣлать!“ „Что дѣлать?“ спросилъ я.

„Зажечь сигаретку, это безсмыслица!!!“—„А вамъ очень хотѣлось это сдѣлать?“ спросилъ я, представляя желаніе прошедшимъ, хотя было ясно, что онъ теперь съ нимъ борется. Онъ не отвѣтилъ. Я снова спросилъ: „Вы очень желали это сдѣлать“? „Не очень“, отвѣтилъ онъ коротко и уклончиво.

Такимъ образомъ „принятіе безъ критики внушенныхъ идей и дѣйствія“ также не составляетъ безусловной необходимости для внушенія, хотя и безспорно, что большинство внушеній входитъ въ психическую сферу, какъ о томъ говорилось ранѣе, безъ всякаго сопротивленія.

Равнымъ образомъ полнаго автоматизма мы не находимъ и въ осуществленіи внушенія. Извѣстно, какъ часто мы встрѣчаемъ даже у лицъ, погруженныхъ въ гипнозъ, что внушеніе осуществляется не безъ нѣкоторой борьбы. Тоже мы наблюдаемъ и въ случаяхъ послѣгипнотическаго внушенія. Иногда эта борьба кончается тѣмъ, что внушеніе, бывшее на пути къ осуществленію, въ концѣ концовъ остается неосуществленнымъ вовсе, какъ это было въ только что приведенномъ примѣрѣ. Правда это противодѣйствіе бываетъ различно, смотря по силѣ внушенія, по его характеру, по тѣмъ или другимъ внѣшнимъ условіямъ; тѣмъ не менѣе оно возможно и во многихъ случаяхъ существуетъ. Слѣдовательно, двигательный автоматизмъ далеко не можетъ считаться неотъемлемой принадлежностью внушенія.

Итакъ внушеніе входитъ часто въ психическую сферу незамѣтно, безъ всякаго насилія, иногда вызываетъ борьбу со стороны личности внушаемаго субъекта, подвергается съ его стороны даже критикѣ и выполняется, хотя и насильственно, но далеко не всегда автоматично.

Надо впрочемъ замѣтить, что въ иныхъ случаяхъ внушеніе дѣйствительно входитъ въ психическую сферу какъ бы насильственнымъ образомъ и, будучи принято безъ всякой критики и внутренней борьбы, выполняется вполнѣ автоматически.

Примѣромъ такихъ внушеній можетъ служить способъ внушенія аббата Faria, дѣйствовавшаго однимъ повелительнымъ словомъ. Къ этому же порядку внушенія относится и всѣмъ извѣстная команда, которая основана вездѣ и всюду не столько на силѣ страха за непослушаніе и сознаніи раціональности подчиненія, сколько на дѣйствительности внушенія, которое въ этомъ случаѣ врывается въ психическую сферу насильственно и внезапно и, не давая времени для обдумыванія и критики, приводитъ къ автоматическому выполненію внушенія.

Опредѣленіе внушенія.

Очевидно, что сущность внушенія заключается не въ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ его особенностяхъ, а въ особомъ отношеніи внушеннаго къ личности субъекта во время воспріятія внушенія и его осуществленія.

Вообще говоря, внушеніе есть одинъ изъ способовъ воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ, которое производится намѣренно или ненамѣренно со стороны воздѣйствующаго лица и которое можетъ

происходитъ или незамѣтно для внушаемаго лица, или даже съ его вѣдома и согласія.

Для выясненія сущности внушенія мы должны имѣть въ виду, что такъ называемое воспріятіе или запечатлѣніе можетъ быть активнымъ и пассивнымъ. При первомъ обязательно участвуетъ личная сфера психики субъекта, которая направляетъ вниманіе, иначе говоря, сообразуясь съ ходомъ мышленія и окружающихъ условій, возбуждаетъ сосредоточеніе на тѣ или другія внѣшнія впечатлѣнія. Послѣднія, входя въ психическую сферу при участіи активнаго вниманія ассоціацій и усваиваясь путемъ обдумыванія и размышленія, становятся прочнымъ достояніемъ личной сферы психики [1]).

Этотъ родъ воспріятія, приводя къ обогащенію личной сферы, лежитъ въ основѣ личныхъ взглядовъ и убѣжденій, такъ какъ дальнѣйшимъ результатомъ активнаго воспріятія является работа мысли, приводящая къ выработкѣ болѣе или менѣе прочныхъ убѣжденій. Послѣднія, входя въ содержаніе психики, временно могутъ исчезать изъ нея, но такъ, что каждую минуту по желанію они вновь могутъ быть оживлены путемъ воспроизведенія пережитыхъ впечатлѣній.

Но кромѣ активнаго воспріятія многое изъ окружающаго міра мы воспринимаемъ пассивно, безъ всякаго участія личности, когда вниманіе чѣмъ-либо занято, напр. при сосредоточеніи на какой-либо мысли или когда вниманіе, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, ослаблено, какъ это наблюдается напр. въ состояніи разсѣянности.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ предметъ воспріятія не входитъ въ личную или индивидуальную сферу психики, а проникаетъ въ тѣ ея области, которыя мы можемъ назвать общей сферой. Эта послѣдняя является въ извѣстной мѣрѣ независимой отъ личной сферы психики, благодаря чему все, что входитъ въ общую сферу психики, не можетъ быть по произволу вводимо въ личную сферу психики. Но тѣмъ не менѣе продукты общей сферы при извѣстныхъ условіяхъ могутъ входить и дѣйствительно входятъ въ личную сферу психики, при чемъ источникъ ихъ первоначальнаго возникновенія не всегда даже и распознается.

Цѣлый рядъ разнородныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, входящихъ

---

[1]) См. мою работу объ общемъ и личномъ сознаніи въ „Вѣстникѣ Психологіи" 1905 Journ. f. Psychologie 1905.

въ психическую сферу при пассивномъ воспріятіи безъ всякаго участія вниманія и проникающихъ непосредственно въ общую сферу психики помимо личной сферы, представляютъ тѣ неуловимыя для насъ самихъ воздѣйствія окружающаго міра, которыя отражаются на чувственномъ тонѣ или т. наз. самочувствіи и которыя лежатъ въ основѣ неясныхъ мотивовъ и побужденій, нерѣдко нами испытываемыхъ при тѣхъ или другихъ случаяхъ.

Общая сфера психики вообще играетъ особую роль въ дѣятельности каждаго лица. Иногда впечатлѣніе, воспринятое пассивно, входитъ затѣмъ, благодаря случайному сцѣпленію ассоціацій, и въ личную сферу психики въ видѣ умственнаго образа, новизна котораго насъ поражаетъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ образъ этотъ, принимая пластическія формы, возникаетъ въ видѣ особаго внутренняго голоса, напоминающаго навязчивую идею, или даже въ видѣ сновидѣнія или настоящей галлюцинаціи, происхожденіе которой обычно лежитъ въ сферѣ дѣятельности общей сферы. Когда личная сфера устраняется, какъ это мы наблюдаемъ во снѣ или въ глубокомъ гипнозѣ, то естественно выдвигается работа общей сферы, совершенно не считающейся ни со взглядами, ни съ условіями дѣятельности личной сферы, вслѣдствіе чего въ сновидѣніяхъ, какъ и въ глубокомъ гипнозѣ, представляется возможнымъ все то, чего мы не можемъ даже и представить себѣ въ личной сферѣ.

Такимъ образомъ для выясненія способа внушенія необходимо имѣть въ виду раздѣленіе нашей психической сферы на личную и общую сферу. Личная сфера при посредствѣ активнаго вниманія обнаруживаетъ существенное вліяніе на воспріятіе внѣшнихъ впечатлѣній; она же регулируетъ теченіе ассоціацій и опредѣляетъ выполненіе произвольныхъ или т. наз. психо-индивидуальныхъ дѣйствій. Все, что входитъ въ психическую сферу при посредствѣ активнаго вниманія, обычно подвергается большей или меньшей критикѣ и переработкѣ, приводя къ развитію нашихъ взглядовъ и убѣжденій.

Этотъ путь воздѣйствія окружающей среды на нашу психическую сферу можетъ быть названъ путемъ „логическаго убѣжденія“, такъ какъ конечнымъ результатомъ упомянутой переработки всегда является въ насъ убѣжденіе: „мы убѣдились въ истинѣ, мы убѣдились въ пользѣ, мы убѣдились въ неизбѣжности того или другого“ — вотъ что мы внутренно можемъ сказать себѣ послѣ того, какъ въ насъ совершилась упомянутая переработка внѣшнихъ впечатлѣній, воспринимаемыхъ при посредствѣ активнаго вниманія. Но независимо отъ того въ психическую сферу, какъ мы уже гово-

рили, могутъ входить разнородныя впечатлѣнія при отсутствіи къ нимъ какого-либо вниманія, иначе говоря, въ состояніи разсѣянности, когда активное вниманіе поглощено какой-либо работой. Въ такомъ случаѣ внѣшнія впечатлѣнія входятъ въ общую психическую сферу. Они проникаютъ въ психику уже не съ „парадпаго хода“, а, если можно такъ выразиться, съ „задняго крыльца“, ведущаго непосредственно во внутренніе ея покои. Это и есть то, что мы называемъ внушеніемъ.

Такимъ образомъ внушеніе представляетъ собою непосредственное прививаніе тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица другому при посредствѣ словъ, мимики или жестовъ. Результатъ же внушенія есть ничто иное, какъ вторженіе въ психическую сферу посторонней идеи безъ прямого непосредственнаго участія въ этомъ актѣ личной сферы, вслѣдствіе чего послѣдняя въ большинствѣ случаевъ является или совершенно, или почти безвластной его отринуть и изгнать изъ сферы личности даже при томъ условіи, когда представляется ясной его нелѣпость. Проникая въ психику безъ активнаго вниманія, внушеніе остается внѣ личной сферы психики, благодаря чему и всѣ дальнѣйшія его послѣдствія происходятъ безъ контроля личной сферы и безъ соотвѣтственной задержки. Благодаря этому, внушеніе приводитъ къ появленію той или другой навязчивой идеи, къ осуществленію положительныхъ и отрицательныхъ галлюцинацій или же вызываетъ развитіе психически обусловленной судороги, контрактуры, паралича и т. п.

Врядъ ли есть какая-либо возможность сомнѣваться въ томъ, что внушеніе относится именно къ порядку тѣхъ воздѣйствій на психическую сферу, которыя происходятъ помимо личной сферы и проникаютъ непосредственно въ общую сферу психики. Если нужно опредѣленіе внушенія въ нѣсколькихъ словахъ, то я долженъ повторить здѣсь то, что я сказалъ уже въ первомъ изданіи своей брошюры: „Роль внушенія въ общественной жизни“ (Спб. 1898 г.):

„Внушеніе сводится къ непосредственному прививанію тѣхъ или другихъ психическихъ состояній отъ одного лица къ другому, — прививанію, происходящему безъ участія воли (вниманія) воспринимающаго лица и нерѣдко даже безъ яснаго съ его стороны сознанія“.

Ясно, что въ этомъ опредѣленіи содержится существенное отличіе внушенія, какъ способа непосредственнаго психическаго воздѣйствія одного лица на другое, отъ убѣжденія, производимаго всегда не иначе, какъ при посредствѣ активнаго вниманія и логическаго мышленія и съ у ч а с т і е м ъ л и ч н о й с ф е р ы п с и х и к и.

Все, что входитъ въ психику при посредствѣ активнаго вниманія, вступаетъ въ соотношеніе съ личной ея сферой, а такъ какъ все въ личной сферѣ находится въ строгомъ соотвѣтствіи и сочетаніи, служащемъ выраженіемъ единства личности, то очевидно, что все входящее въ личную сферу должно подвергаться соотвѣтственной критикѣ и переработкѣ.

Но также очевидно, что кромѣ этого способа вліянія, дѣйствующаго на другое лицо при посредствѣ активнаго вниманія, есть другой способъ воздѣйствія въ формѣ внушенія, дѣйствующаго на психическую сферу путемъ непосредственнаго прививанія психическихъ состояній, т. е. идей, чувствованій и ощущеній и не требуя участія активнаго вниманія и логики.

Очевидно, что внушеніе въ отличіе отъ убѣжденія проникаетъ въ психическую сферу безъ активнаго вниманія, входя безъ особой переработки непосредственно въ общую сферу и укрѣпляясь здѣсь, какъ всякій вообще предметъ пассивнаго воспріятія.

Когда по внушенію у человѣка развивается судорога въ рукѣ или наоборотъ рука совершенно парализуется, спрашивается, что обусловливаетъ осуществленіе этого внушенія? Очевидно, ничто другое, какъ непосредственное проникновеніе внушаемой идеи въ общую сферу психики, некоординированную съ личной сферой, вслѣдствіе чего послѣднее невластно надъ этимъ внушеніемъ и не можетъ ему противодѣйствовать.

Но что мѣшаетъ личной сферѣ съ ея активнымъ вниманіемъ допустить внушеніе проникнуть въ общую сферу? Отчего она не вводитъ его при указанныхъ условіяхъ въ личную сферу психики?

Оттого, что человѣкъ не можетъ на внушеніи сосредоточить активнаго вниманія, почему внушеніе и входитъ въ общую, а не личную сферу, давая тѣмъ самымъ полный просторъ автоматизму.

Такимъ образомъ, если бы подъ внушеніемъ мы понимали всякое вообще непосредственное вліяніе на человѣка помимо его активнаго вниманія, то мы могли бы отождествить эту форму воздѣйствія на насъ окружающихъ условій съ формой пассивнаго воспріятія, происходящаго безъ всякаго участія личной сферы психики.

Но подъ внушеніемъ обыкновенно принято понимать воздѣйствіе не всѣхъ вообще окружающихъ условій, а воздѣйствіе одного лица на другое, которое происходитъ при посредствѣ пассивнаго воспріятія, т. е. помимо участія личной сферы психики, въ отличіе отъ воздѣйствій иного рода, происходящихъ всегда при посредствѣ активнаго вниманія съ участіемъ личной сферы и состоящихъ въ логи-

ческомъ убѣжденіи, приводящемъ къ выработкѣ тѣхъ или другихъ взглядовъ.

Löwenfeld между прочимъ настаиваетъ на различіи въ опредѣленіяхъ самого процесса внушенія (suggeriren) отъ результата его, извѣстнаго подъ названіемъ собственно внушенія (suggestion). Само собою разумѣется, что это два различные процесса, которые не должны быть смѣшиваемы другъ съ другомъ. Но по нашему убѣжденію только такое опредѣленіе и можетъ быть признано наиболѣе подходящимъ и болѣе правильнымъ, которое обнимаетъ и самый способъ воздѣйствія, характерный для процесса внушенія, и результатъ этого воздѣйствія.

Дѣло въ томъ, что для внушенія характерны не только самый процессъ или способъ воздѣйствія на психическую сферу, но и результатъ этого воздѣйствія. Поэтому-то и въ словѣ „внушать“ мы подразумѣваемъ не только особый способъ воздѣйствія на то или другое лицо, но и возможный результатъ этого воздѣйствія и съ другой стороны въ словѣ „внушеніе“ мы подразумѣваемъ не только извѣстный достигнутый результатъ въ психической сферѣ даннаго лица, но и въ извѣстной мѣрѣ тотъ способъ, который привелъ къ этому результату.

Какъ уже ранѣе было выяснено, въ понятіи внушенія прежде всего содержится элементъ непосредственности воздѣйствія. Будетъ ли внушеніе производиться постороннимъ лицомъ при посредствѣ слова или воздѣйствія, или оно будетъ производиться при посредствѣ какого-либо впечатлѣнія или дѣйствія, т. е. имѣемъ ли мы словесное или конкретное внушеніе, вездѣ оно вліяетъ не путемъ логическаго убѣжденія, а непосредственно воздѣйствуетъ на психическую сферу помимо личной ея сферы или по крайней мѣрѣ безъ соотвѣтствующей ея переработки, благодаря чему происходитъ настоящее прививаніе идеи, чувства, эмоціи, или того или иного психо-физическаго состоянія.

Равнымъ образомъ и тѣ состоянія, которыя извѣстны подъ названіемъ самовнушенія и которыя не требуютъ постороннихъ воздѣйствій, обычно возникаютъ непосредственно въ психической сферѣ, когда напр. то или другое представленіе проникло въ психику, какъ нѣчто готовое, въ формѣ внезапно явившейся мысли, въ формѣ того или иного сновидѣнія, въ формѣ видѣннаго примѣра и т. п.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ внѣшнія воздѣйствія, возникающія помимо посторонняго вмѣшательства, прививаются къ психической сферѣ также непосредственно въ обходъ критикующей и

логически перерабатывающей личной сферы или того, что мы называемъ, становясь на субъективную точку зрѣнія, личнымъ сознаніемъ.

Такимъ образомъ внушать — значитъ болѣе или менѣе непосредственно прививать къ психической сферѣ другого лица идеи, чувства, эмоціи и другія психо-физическія состоянія, иначе говоря, воздѣйствовать такъ, чтобы по возможности не было мѣста критикѣ и сужденію; подъ внушеніемъ же слѣдуетъ понимать непосредственное прививаніе большею частью путемъ слова и жестовъ къ психической сферѣ даннаго лица идеи, чувства, эмоціи и другихъ психофизическихъ состояній, помимо его активнаго вниманія, т. е. въ обходъ его критикующей личности.

Здѣсь мы замѣтимъ, что нѣкоторые изъ авторовъ, особенно во Франціи, вмѣстѣ съ понятіемъ внушенія допускаютъ еще понятіе „психическаго контагія", подъ которымъ понимается нѣчто иное, какъ невольное подражаніе. Разсматривая однако понятіе внушенія въ болѣе широкомъ смыслѣ и принявъ во вниманіе возможность невольнаго внушенія путемъ примѣра и подражанія, нетрудно убѣдиться, что понятія внушенія и психическаго контагія такъ тѣсно сплетаются другъ съ другомъ, что не могутъ быть строго обособляемы одно отъ другого.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что между психическимъ контагіемъ и внушеніемъ часто не существуетъ строгой демаркаціонной линіи, на что совершенно справедливо указывюатъ въ своемъ сочиненіи и A. Vigouroux et P. Iuquelier [1]).

Внушеніе и убѣжденіе.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что какъ подражаніе, такъ и внушеніе съ одной стороны и убѣжденіе съ другой являются основными формами воздѣйствія одного лица на другое. Хотя въ числѣ способовъ психическаго воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ кромѣ убѣжденія и внушенія мы можемъ различать еще приказаніе и примѣръ, дѣйствующій путемъ подражанія, а также совѣты, пожеланія и т. п.; но несомнѣнно, что въ извѣстной мѣрѣ и приказаніе и примѣръ дѣйствуютъ совершенно подобно внушенію и даже не могутъ быть отъ него отличаемы; въ остальномъ же какъ приказаніе, такъ и примѣръ, дѣйствуя на разумъ человѣка, могутъ быть

---

[1]) A. Vigouroux et Iuquelier. La contagion mentale. Paris. 1905.

вполнѣ уподоблены логическому убѣжденію. Такъ приказъ дѣйствуетъ прежде всего силой страха за возможныя послѣдствія непослушанія, чрезъ сознаніе необходимости выполненія, въ силу разумности подчиненія въ данномъ случаѣ и т. п. Въ этомъ отношеніи приказаніе дѣйствуетъ подобно убѣжденію.

Но независимо отъ того приказаніе дѣйствуетъ по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ и непосредственно на психическую сферу, какъ внушеніе. Лучшимъ примѣромъ вліянія приказа, какъ внушенія, служитъ команда. Послѣдняя безспорно есть форма приказанія, а кто не знаетъ, что команда дѣйствуетъ не только силой страха за непослушаніе, но и путемъ внушенія или прививанія извѣстной идеи. Съ другой стороны и примѣръ помимо своего вліянія на разумъ путемъ убѣжденія въ полезности того или другого можетъ еще дѣйствовать на подобіе психической заразы, иначе говоря, путемъ внушенія, какъ совершенно невольное и безотчетное подражаніе.

Кто не знаетъ заразительнаго дѣйствія публичныхъ казней? Кому неизвѣстно заразительное вліяніе самоубійства?

Не трудно вспомнить здѣсь всѣмъ извѣстный разсказъ о будкѣ часового въ Наполеоновскія времена во Франціи, въ которой повѣсились одинъ за другимъ нѣсколько часовыхъ. Въ наши времена роль такой будки играютъ другія излюбленныя мѣста самоубійства, къ числу которыхъ принадлежитъ, напримѣръ, столь часто посѣщаемый водопадъ Иматра. Еще болѣе банальными являются примѣры заразительнаго дѣйствія зѣвоты, кашля, смѣха, слезъ, привычныхъ жестовъ, повторныхъ движеній и т. п.

Всѣмъ извѣстна также передача судорожныхъ болѣзненныхъ состояній путемъ прямого подражанія.

Такимъ образомъ, какъ приказаніе, такъ и примѣръ, возбуждающій подражаніе, дѣйствуютъ въ однихъ случаяхъ путемъ убѣжденія, въ другихъ случаяхъ путемъ внушенія; чаще же всего они дѣйствуютъ одновременно и какъ убѣжденіе, и какъ внушеніе. Въ силу этого онѣ не могутъ быть разсматриваемы, какъ самостоятельные способы воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ, подобно убѣжденію и внушенію.

Равнымъ образомъ и совѣты, и пожеланія, а равно и иныя формы психическаго воздѣйствія однихъ лицъ на другихъ такж[illegible] гутъ дѣйствовать на психику или въ формѣ внушенія, [illegible] убѣжденія, смотря по отношенію къ нимъ того лица, [illegible] высказываются.

Итакъ очевидно, что въ то время какъ словесное убѣжденіе обыкновенно дѣйствуетъ на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушеніе, какъ и подражаніе, дѣйствуетъ путемъ непосредственнаго прививанія психическихъ состояній, т. е. идей, чувствованій и ощущеній, не требуя вообще никакихъ доказательствъ, но не нуждаясь въ логикѣ. Оно дѣйствуетъ прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путемъ приказа или уговора, путемъ увлекательной и взволнованной рѣчи, путемъ жестовъ, мимики, движеній и знаковъ или символовъ иного рода.

Легко видѣть отсюда, что пути для передачи психическихъ состояній съ помощью внушенія гораздо болѣе многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путемъ убѣжденія. Вотъ почему внушеніе въ общемъ представляетъ собою болѣе распространенный факторъ, нежели убѣжденіе.

Послѣднее можетъ дѣйствовать преимущественно на лицъ, обладающихъ здравой логикой, тогда какъ внушеніе дѣйствуетъ не только на лицъ съ здравой логикой, но еще въ большей мѣрѣ и на лицъ, обладающихъ недостаточной логикой, какъ напримѣръ дѣтей и простолюдиновъ.

Несомнѣнно поэтому, что внушеніе или прививаніе психическихъ состояній играетъ особо видную роль въ нашемъ воспитаніи, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока логическій аппаратъ ребенка не достигнетъ извѣстной степени своего развитія, позволяющаго ему усвоивать логическіе выводы не менѣе, нежели готовые продукты умственной работы другихъ, усвоиваемые съ помощью такъ называемаго механическаго заучиванія и подражанія, въ которыхъ не малую роль играетъ внушеніе или психическая прививка со стороны воспитателей и окружающихъ лицъ.

Равнымъ образомъ и въ простомъ классѣ населенія внушеніе или прививка идей играетъ немаловажную роль, какъ факторъ, существенно вліяющій на міровоззрѣніе отдѣльныхъ лицъ и даже цѣлыхъ обществъ.

Всякій, обращавшійся съ народомъ, знаетъ это хорошо по собственному опыту и знаетъ цѣну логическихъ убѣжденій, которыя если имѣютъ успѣхъ, то лишь путемъ медленнаго усвоиванія ихъ ... такъ внушеніе въ формѣ уговора или приказанія здѣсь почти

всегда дѣйствуютъ быстро и вѣрно, въ случаѣ конечно, если они не противорѣчатъ вкоренившимся убѣжденіямъ народа.

Вліяніе команды въ войскахъ, какъ мы уже упоминали, сводится также преимущественно къ внушенію, которое дѣйствуетъ сильнѣе всякаго убѣжденія. Но и на интеллигентныхъ лицъ, обладающихъ вполнѣ развитой логикой, внушеніе дѣйствуетъ иногда врядъ ли менѣе сильно, нежели на дѣтей и простолюдиновъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не противорѣчитъ установившемуся міровоззрѣнію.

Даже наука не дѣлаетъ исключенія изъ общаго правила и отдаетъ свою дань внушенію и взаимовнушенію. Это не покажется преувеличеннымъ, если вспомнимъ хотя бы исторію съ бывшими когда-то въ большомъ ходу кровопусканіями, а также съ переливаніемъ крови, для котораго предлагалось даже водить за войсками цѣлыя стада барановъ, исторію съ Коховскимъ туберкулиномъ, исцѣлявшимъ, какъ первоначально казалось многимъ, чахоточныхъ, въ дѣйствительности же приносившимъ имъ несомнѣнный вредъ. А что сталось съ лучами Blondlot и Charpentier, по поводу которыхъ было въ свое время сдѣлано столько докладовъ въ Парижской академіи наукъ. При изслѣдованіяхъ въ нашей лабораторіи можно было воочію показать, что въ развитіе ученія объ N—лучахъ игралъ извѣстную роль и психическій факторъ въ формѣ внушенія и самовнушенія [1]).

Если внушеніе, какъ было выяснено выше, есть нѣчто иное, какъ воздѣйствіе одного лица на другое путемъ непосредственнаго прививанія идеи, чувства, эмоціи и другихъ психофизическихъ состояній безъ участія активнаго вниманія внушаемаго лица, то очевидно, что оно можетъ проявляться легче всего въ томъ случаѣ, когда оно проникаетъ въ психическую сферу незамѣтно, вкрадчиво, при отсутствіи сопротивленія со стороны личной сферы даннаго лица или по крайней мѣрѣ при пассивномъ отношеніи послѣдняго къ предмету внушенія или же, когда оно сразу подавляетъ личность субъекта, устраняя всякое сопротивленіе со стороны послѣдняго. Опытъ дѣйствительно подтверждаетъ это, такъ какъ внушеніе можетъ быть вводимо въ психическую сферу или мало по малу путемъ постоянныхъ заявленій и уговоровъ одного и того же рода, или же сразу въ формѣ повелительнаго приказа.

---

[1]) См. д-ръ Никитинъ Матеріалы къ вопросу о лучахъ Blondlot. Обозр. психіатріи 1904 № 11.

Внушеніе въ гипнозѣ.

Хотя все вышеуказанное достаточно точно опредѣляетъ самый предметъ, тѣмъ не менѣе нельзя не упомянуть, что о дѣйствіи внушенія и о распространеніи психической инфекціи или заразы мы не могли составить себѣ ясна̄го представленія до тѣхъ поръ, пока не были выяснены болѣе точно условія, необходимыя для осуществленія внушенія и распространія психической заразы.

Эти условія мы получили возможность выяснить лишь въ позднѣйшее время вмѣстѣ съ развитіемъ ученія о намѣренномъ внушеніи, производимомъ въ гипнозѣ. Какъ о распространеніи физической заразы еще такъ недавно господствовали самыя смутныя представленія до тѣхъ поръ, пока не явилась возможность производить чистыя культуры микробовъ и съ помощью ихъ производить искусственныя прививки болѣзней, такъ точно и въ вопросѣ о внушеніи и психической заразѣ существовало множество самыхъ сбивчивыхъ и неясныхъ представленій до тѣхъ поръ, пока не явилась возможность ближе изучить условія прививанія тѣхъ или другихъ психическихъ состояній съ помощью намѣреннаго внушенія.

Опытъ показываетъ, что такое состояніе большею частью удается лучше всего въ особомъ состояніи психической сферы, которое мы называемъ гипнозомъ и которое на мой взглядъ есть ничто иное, какъ вызванное опредѣленными пріемами видоизмѣненіе обыкновеннаго сна [1]).

Какъ извѣстно, въ гипнозѣ легко удаются самыя разнородныя внушенія. Впрочемъ вопросъ можемъ ли мы внушить въ гипнозѣ все, что мы пожелаемъ, до сихъ поръ еще остается не вполнѣ выясненнымъ.

По нѣкоторымъ авторамъ нѣтъ вообще никакихъ границъ для внушенія, другіе, напротивъ того, держатся взгляда, что въ гипнозѣ можетъ быть внушаемо только то, что отвѣчаетъ психической природѣ человѣка. Практически вопросъ сводится главнымъ образомъ къ возможности внушать тѣ или другія противонравственные поступки и преступленія, при чемъ одни авторы были склонны утверждать, что гипнотикъ способенъ подъ вліяніемъ внушенія выполнить какое угодно преступленіе, тогда какъ другіе авторы видѣли въ этихъ

[1]) См. В. Бехтеревъ. Гипнозъ и его значеніе, какъ врачеб... Нервныя болѣзни въ отдѣльныхъ наблюденіяхъ. Спб. 18... ...значеніе гипноза. Спб. 1900.

утвержденіяхъ лишь простое увлеченіе лабораторными преступленіями, совершаемыми въ гипнозѣ, справедливо замѣчая, что гипнотикъ не лишенъ вполнѣ сознанія и потому, когда ему внушаютъ то или другое преступленіе, то онъ отлично сознаетъ, что это преступленіе—дѣло не серьезное, что оно на самомъ дѣлѣ есть только воображаемое преступленіе и что все это дѣлается для его испытанія и потому онъ выполняетъ его безъ большого сопротивленія, какъ невинную шутку.

Что касается меня, то, руководствуясь своимъ опытомъ, я ничуть не становлюсь на сторону тѣхъ авторовъ, которые приписываютъ внушенію въ гипнозѣ роль всесильнаго фактора, могущаго изъ гипнотика сдѣлать все, что угодно. Сила внушенія въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, зависитъ безспорно не отъ одного лишь умѣнья внушить и поддержать внушеніе, но еще въ извѣстной мѣрѣ и отъ той почвы, на которую дѣйствуетъ внушеніе, иначе говоря, отъ психической натуры лица, подвергаемаго внушенію. Такимъ образомъ психическое противодѣйствіе внушенію, производимому въ гипнозѣ, въ значительной мѣрѣ зависитъ какъ отъ большей или меньшей глубины гипноза, такъ и отъ того, въ какой мѣрѣ это внушеніе находится въ противорѣчіи съ идеями, склонностями и убѣжденіями лица, подвергающагося внушенію. При отсутствіи такого противорѣчія внушеніе дѣйствуетъ и вѣрно, и могущественно, какъ непреодолимая сила; напротивъ того, при встрѣчѣ съ сильной натурой, держащейся противоположныхъ взглядовъ, внушеніе можетъ оказаться безсильнымъ или же вызоветъ бурныя послѣдствія въ нравственной сферѣ даннаго лица.

Но умаляется ли отсюда значеніе внушенія, какъ важнаго психическаго фактора? Ничуть. Вѣдь людей съ сильнымъ характеромъ и стойкими идеями далеко немного. Да и мало ли есть настолько нравственно невоспитанныхъ, что они не дѣлаютъ нѣкоторыхъ преступленій, напр. противъ нравственности и имущественной собственности, только въ силу страха за отвѣтственность передъ обществомъ и закономъ. Не достаточно ли поэтому тѣмъ или другимъ способомъ усыпить въ нихъ путемъ внушенія въ гипнозѣ этотъ страхъ и вселить вѣру въ возможность избѣгнуть отвѣтственности, усиливъ въ то же время въ ихъ воображеніи выгодныя послѣдствія преступленія, чтобы склонить ихъ на совершеніе этого преступленія, котораго при другихъ условіяхъ они никогда бы не сдѣлали.

Но мы отвлеклись бы очень далеко, если бы подробнѣе стали развивать этотъ вопросъ. Поэтому, не касаясь болѣе чисто практи-

ческой стороны вопроса о значеніи гипнотическаго внушенія, какъ фактора для вызова преступленій, мы замѣтимъ здѣсь, что гипнозъ представляетъ для насъ глубокій интересъ не съ одной только практической стороны, но и въ отношеніи изученія вопроса о наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ внушенія. Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ объясняется то обстоятельство, что въ гипнозѣ хорошо удаются внушенія? Можно думать, что гипнозъ, какъ состояніе близкое или родственное нормальному сну, самъ по себѣ уже составляетъ благопріятное условіе для внушенія. Но опытъ показываетъ, что не всегда степень внушаемости идетъ рука объ руку съ глубиною сна. Есть очень глубокія степени гипноза, какъ напр. летаргическая фаза Charcot, которыя совершенно недоступны внушенію. Напротивъ того, въ другихъ случаяхъ уже слабыя степени гипноза отличаются необычайною внушаемостью.

Извѣстно также, что и обыкновенный сонъ большею частью не составляетъ благопріятнаго условія для внушенія, хотя въ нѣкоторыхъ состояніяхъ естественнаго сна имѣются условія, столь же благопріятныя для внушенія, какъ и въ гипнозѣ.

Отсюда ясно, что степень внушаемости опредѣляется не самимъ гипнозомъ или сномъ, а тѣмъ особымъ состояніемъ сознанія или психической дѣятельности, которое мы имѣемъ въ гипнозѣ, а иногда и въ обыкновенномъ снѣ.

Эти условія, благопріятствующія внушенію въ гипнозѣ, заключаются въ томъ, что при измѣненіи нормальнаго психическаго состоянія, выражающемся большимъ или меньшимъ засыпаніемъ личной сферы и не исключающимъ общенія съ внѣшнимъ міромъ или по крайней мѣрѣ не исключающимъ общенія съ гипнотизаторомъ, производимыя послѣднимъ внушенія входятъ въ психическую сферу непосредственно и независимо отъ личной сферы гипнотизируемаго субъекта, иначе говоря, помимо его активнаго вниманія. Закрѣпляясь въ тѣхъ глубинахъ души, которыя нерѣдко называли и называютъ безсознательными или подсознательными и которыя правильнѣе называть общей сферой психики, эти внушенія впослѣдствіи входятъ сами собой въ личную сферу и, не будучи распознанными, какъ постороннія внушенія, такъ какъ первоисточникъ ихъ для личной сферы остается скрытымъ, подчиняютъ себѣ послѣднюю въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ.

Такимъ образомъ вся сущность гипнотическихъ внушеній заключается въ томъ, что у загипнотизированнаго наступаетъ особое со-

стояніе пассивности, въ силу чего внушенія и дѣйствуютъ на него столь подавляющимъ образомъ.

Не подлежитъ однако сомнѣнію, что состояніе пассивности представляетъ собою лишь одно изъ благопріятныхъ условій для введенія внушенія въ общую сферу психики. Оно составляетъ лишь подходящую обстановку для внушенія, устраняя въ большей или меньшей мѣрѣ вмѣшательство личной сферы. Такъ какъ однако это состояніе пассивности ничуть не идетъ рука объ руку съ глубиною сна, а зависитъ въ значительной степени также отъ индивидуальныхъ условій, то отсюда очевидно, что и степень воспріимчивости къ внушенію не стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ глубиною гипноза.

Внушеніе въ бодрственномъ состояніи.

Опытъ показываетъ далѣе, что есть лица, для которыхъ бодрственное состояніе представляетъ почти столь же благопріятное условіе для внушенія, какъ и гипнозъ. У такого рода лицъ удается всякое вообще внушеніе и въ совершенно бодрственномъ состояніи, слѣдовательно при наличности того, что извѣстно подъ названіемъ воли. Словомъ, у этихъ лицъ внушенія могутъ быть производимы въ бодрственномъ состояніи такъ же легко и просто, какъ у другихъ въ состояніи гипноза.

Для дѣйствительности внушенія отъ такого лица не требуется ничего кромѣ того, чтобы онъ слушалъ и не противодѣйствовалъ. Если онъ начинаетъ противодѣйствовать внушенію, достаточно усилить послѣднее, а если этого недостаточно, то стоитъ только внушить, что сопротивленіе невозможно и внушенію открывается полный просторъ.

Вся особенность психики этихъ лицъ сводится къ тому, что они, какъ носители психопатическаго предрасположенія, выражающагося извѣстной слабостью активнаго вниманія, допускаютъ въ свою психику вторгнуться посторонней идеѣ пассивно, безъ личнаго вмѣшательства въ сущность этой идеи и безъ ея критики, иначе говоря, пропуская ее въ свою психику безъ активнаго вниманія подобно тому, какъ человѣкъ воспринимаетъ что-либо въ разсѣянности.

Всякій знаетъ, что, будучи разсѣянными и невнимательными, мы можемъ давать на задаваемые вопросы совершенно неподходящіе для нихъ отвѣты; можемъ признавать то, что мы несомнѣнно

отвергнули бы, если бы отнеслись къ вопросу съ вниманіемъ; нерѣдко мы даже не знаемъ, что данный вопросъ былъ намъ задаваемъ, иначе говоря, мы имѣемъ настоящую амнезію. Съ другой стороны при отвлеченіи вниманія мы не замѣчаемъ нерѣдко сильныхъ раздраженій и могутъ быть даже заглушены рѣзкія болѣзненныя ощущенія. Въ другихъ случаяхъ мы испытываемъ безъ всякой видимой причины безотчетную тоску или душевную боль или же намъ совершенно незамѣтно можетъ быть навязанъ тотъ или другой мотивъ, привита та или другая идея и т. п.

Словомъ въ состояніи разсѣянности, а равно и въ тѣхъ случаяхъ, когда наша личная сфера чѣмъ-нибудь занята или отвлечена въ извѣстномъ направленіи, мы получаемъ состояніе, благопріятствующее внушенію, вслѣдствіе чего, будучи введено въ психическую сферу, оно проникаетъ въ него безъ участія вниманія или по крайней мѣрѣ безъ его активнаго участія и не можетъ быть подвергнуто соотвѣтствующей критикѣ и переработкѣ.

Такимъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что облегченная воспріимчивость къ внушеніямъ наблюдается иногда и въ нормальномъ психическомъ состояніи, а у нѣкоторыхъ лицъ она вообще представляется повышенной, благодаря тому, что эти лица по отношенію къ производимымъ внушеніямъ, вѣря въ ихъ магическую силу, не въ состояніи обнаружить никакого психическаго противодѣйствія и подчиняются имъ совершенно пассивно.

Благодаря этому, внушенія легко входятъ въ ихъ психическую сферу помимо ихъ вниманія, слѣдовательно прививаются непосредственно, входя непосредственно такъ сказать въ самыя нѣдра психической сферы, и вслѣдствіе того дѣйствуютъ также неотразимо на субъекта, какъ и внушенія, производимыя въ гипнозѣ.

Само собой разумѣется, что у такого рода лицъ внушеніемъ въ бодрственномъ состояніи можно пользоваться для лѣченія также легко, какъ и внушеніями, производимыми въ гипнозѣ.

Примѣромъ дѣйствительности подобнаго рода внушеній, производимыхъ въ бодрственномъ состояніи, можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай:

Осенью 1896 г. мы приняли въ клинику молодого человѣка, который страдалъ тяжелыми судорожными истерическими приступами и полнымъ параличомъ нижнихъ конечностей, развившимся въ одномъ изъ истерическихъ приступовъ.

Этотъ параличъ длился уже болѣе $1^1/_2$ мѣсяца, не поддаваясь никакимъ вообще терапевтическимъ пріемамъ и грозилъ такимъ об-

разомъ перейти въ тѣ хроническіе параличи, которые длятся годами, не поддаваясь излѣченію.

Но во время изслѣдованія этого больного совмѣстно съ врачами клиники онъ былъ загипнотизированъ и затѣмъ путемъ внушенія онъ былъ тотчасъ же совершенно излѣченъ отъ паралича и уже въ гипнозѣ началъ ходить. Когда онъ былъ разбуженъ, то къ удивленію своему убѣдился, что онъ стоитъ на ногахъ и можетъ свободно ходить. Больной въ восторгѣ отправился самъ въ свою палату и привелъ въ изумленіе всѣхъ тѣхъ, которые за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ видѣли его въ креслѣ-коляскѣ въ состояніи полнаго паралича нижнихъ конечностей.

Съ этихъ поръ у больного оставались одни истеро-эпилептическіе припадки, которые случались съ больнымъ довольно часто и продолжались нерѣдко весьма продолжательное время, если они своевременно не были останавливаемы соотвѣтствующими внушеніями. Передъ тѣмъ, какъ демонстрировать больного на лекціи предъ студентами, я изслѣдовалъ его вновь и убѣдился, что внушенія свободно можно производить ему въ бодрственномъ состояніи. Тотчасъ же ему было произведено внушеніе о прекращеніи судорожныхъ приступовъ и о его выздоровленіи.

Внушеніе подѣйствовало на больного такъ, что онъ совершенно поправился и припадки прекратились.

На другой день на лекціи можно было больному въ совершенно бодрственномъ состояніи внушать разнообразныя судороги, контрактуры, параличи, иллюзіи и галлюцинаціи, словомъ все, что угодно.

Я много разъ спрашивалъ больного, какъ онъ можетъ объяснить себѣ дѣйствіе внушенія на яву, но онъ на это выражалъ только удивленіе вмѣстѣ съ другими присутствовавшими лицами. У этого больного со временемъ, правда, проявилось еще два или три слабыхъ истерическихъ припадка подъ вліяніемъ особыхъ поводовъ, но это были изолированные припадки, которые затѣмъ послѣ новыхъ внушеній были окончательно устранены и болѣе уже не повторялись.

Въ другомъ случаѣ у наборщика, страдавшаго ясными признаками свинцоваго отравленія, имѣлось наряду съ правосторонней геміанэстезіей и болями лѣвой части головы гемихорея правой же стороны тѣла, особенно выраженная въ правой рукѣ. Больной д[illegible] женъ былъ постоянно поддерживать эту руку лѣвой рукой, какъ она его сильно безпокоила постоянными судорожным[illegible] ніями, еще болѣе усиливавшимися при всякомъ волненіи[illegible] ніи. Будучи человѣкомъ несостоятельнымъ, больной

сяцевъ оставался безъ всякой работы, представляясь въ полномъ смыслѣ слова безпомощнымъ лицомъ. Но достаточно было ему однажды внушить, не прибѣгая къ гипнозу, что судороги его прекратились и онъ снова владѣетъ рукой свободно, и оказалось, что судороги сразу исчезли совершенно. Съ тѣхъ поръ у больного въ любое время можно было вызывать судорогу по произволу, благодаря простому внушенію, и также просто ее уничтожать. То же самое оказалось возможнымъ сдѣлать съ его болями и съ геміанэстезіей, которыя исчезли по одному слову внушенія и могли быть вызываемы вновь въ бодрственномъ состояніи любое число разъ. Субъектъ этотъ по выздоровленіи былъ демонстрированъ мною на лекціи студентамъ, гдѣ онъ воспроизвелъ подъ вліяніемъ внушенія всѣ свои болѣзненныя разстройства и путемъ внушенія же на той же лекціи былъ отъ нихъ избавленъ.

Нѣтъ надобности говорить, что мы имѣли въ клиникѣ и въ ея амбулаторіи много и другихъ больныхъ, у которыхъ въ бодрственномъ состояніи также легко осуществляются разнообразныя внушенія, какъ напримѣръ иллюзіи, галлюцинаціи и проч., и которые внушеніями въ бодрственномъ состояніи легко излечивались отъ разнообразныхъ нервныхъ припадковъ. Обыкновенно ежегодно на лекціяхъ, читаемыхъ мною о гипнозѣ студентамъ В. М. Академіи, слушательницамъ Ж. М. Института и врачамъ, я демонстрирую цѣлый рядъ больныхъ съ прекрасной внушаемостью въ бодрственномъ состояніи.

Вышеприведенные примѣры, подобныхъ которымъ можно было бы привести многое множество, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что внушенія въ бодрственномъ состояніи въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть столь же просто осуществляемы и столь же дѣйствительны, какъ и внушенія въ состояніи гипноза. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда не имѣется подобной внушаемости въ бодрственномъ состояніи, для воздѣйствія внушенія часто нѣтъ существенной необходимости во снѣ. Нужна лишь вѣра въ силу производимаго внушенія, чтобы субъектъ могъ отдаться дѣйствію этого внушенія вполнѣ. Когда врачъ достигнетъ этихъ условій въ бодрственномъ состояніи, тогда онъ свободно можетъ обходиться при леченіи внушеніемъ безъ гипнотическаго сна, который въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже мѣшаетъ внушенію, если напр. больной, вѣря въ ма-ескую силу лишь внушеній, производимыхъ въ гипнозѣ, не засы- въ достаточной мѣрѣ глубоко.

ъ образомъ для внушенія въ сущности не нужно сна, не никакого подчиненія воли внушаемаго лица, все мо- какъ обыкновенно, и тѣмъ не менѣе внушеніе,

входящее въ психическую сферу помимо активнаго участія личности даннаго лица, дѣйствуетъ на послѣдняго какъ бы магически, подчиняя его внушенной идеѣ.

Для доказательства этой истины нѣтъ надобности даже обращаться къ тѣмъ или другимъ патологическимъ примѣрамъ, такъ какъ подобные же и при томъ не менѣе яркіе примѣры мы можемъ почерпнуть и внѣ клиникъ. Извѣстно, какую магическую силу имѣютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ заговоры знахарей, быстро останавливающіе кровотеченія, не менѣе извѣстно и цѣлительное значеніе такъ называемыхъ симпатическихъ средствъ, къ которымъ такъ охотно прибѣгали въ особенности въ старое время при сильномъ распространеніи вѣры въ эти средства. На этомъ внушеніи въ бодрственномъ состояніи основано извѣстное цѣлебное значеніе королевской руки, магическое дѣйствіе хлѣбныхъ пилюль, леченіе желтымъ и краснымъ электричествомъ Маттея, извѣстное нѣкогда въ Петербургѣ шарлатанское леченіе барона Вревскаго съ помощью простой невской воды и другихъ индифферентныхъ средствъ, магическое слово аббата Faria, однимъ повелѣніемъ исцѣлявшаго больныхъ, извѣстное въ Парижѣ лѣченіе параличныхъ больныхъ однимъ зуавомъ, пользовавшимся для этой цѣли лишь повелительнымъ внушеніемъ и т. п.

Однимъ изъ хорошихъ примѣровъ внушенія въ бодрственномъ состояніи, производимаго на массу лицъ одновременно, представляютъ извѣстные сеансы месмеризма въ періодъ славы его основателя Месмера. Послѣдній устроилъ особую лохань, вокругъ которой одновременно магнетизировалось свыше тридцати лицъ. Больные, размѣстившись вокругъ лохани въ нѣсколько рядовъ и держась за подвижныя резиновыя ручки, связывались другъ съ другомъ веревкой вокругъ туловища или соединялись другъ съ другомъ руками. Затѣмъ больные оставались въ ожиданіи. При этихъ сеансахъ наблюдалась полная тишина, но изъ сосѣдней комнаты раздавались обыкновенно звуки гармоники, фортепьяно или пѣніе человѣческаго голоса. Явленія, которыя наблюдались у больныхъ и которыя объяснялись особыми магнетическими токами, по описанію очевидца Бальи заключались въ слѣдующемъ: „нѣкоторые больные совершенно спокойны и ничего не испытываютъ, другіе же кашляютъ, харкаютъ, чувствуютъ легкую боль, мѣстную или общую теплоту и потѣютъ; третьи ажитируются и впадаютъ въ конвульсіи, необыкновенныя по своей численности, продолжительности и силѣ; иногда эти конвульсіи продолжаются болѣе трехъ часовъ и характеризуются невольными порывистыми движеніями всѣхъ членовъ, всего тѣла, спаз-

мами горла, вздрагиваніями подвздошія и надчревія, помутнѣніемъ и блужданіемъ взора, пронзительными криками, слезами, икотою и неудержимымъ смѣхомъ. Имъ предшествуетъ или затѣмъ слѣдуетъ состояніе утомленія или сонливости, особаго рода изнеможеніе и даже сонъ.

При малѣйшемъ неожиданномъ звукѣ больные вздрагивали, всякое измѣненіе тона или темпа въ игрѣ на фортепьяно вліяло до того, что одно какое-нибудь болѣе интенсивное движеніе дѣйствовало потрясающимъ образомъ и возобновляло усиленныя конвульсіи.

Правда, находились и такіе субъекты, которые, стараясь подавить въ себѣ это состояніе, обращались другъ къ другу, аффектированно болтали, смѣялись, благодаря чему имъ естественно удавалось предотвратить кризисъ. Подчинившіеся же всецѣло магнетизеру быстро поддавались мнимому усыпленію, его голосъ, жестъ и даже взглядъ приводилъ ихъ въ себя.

Въ виду постоянства такихъ явленій нельзя воздержаться отъ признанія могущественной силы, властвующей надъ больными и какъ бы исходящей отъ магнетизера. Это конвульсивное состояніе называется кризисомъ. Замѣчено, что изъ больныхъ, впадающихъ въ кризисъ, большинство женщины, мужчинъ мало. Замѣчено также, что кризисъ наступаетъ въ теченіе одного или двухъ часовъ и что, появившись у одного, онъ затѣмъ постепенно, спустя немного времени, обнаруживается и у всѣхъ остальныхъ [1])“.

Аналогичные примѣры возможны и нынѣ. Такъ еще недавно въ Берлинѣ сильно обезпокоило власти распространеніе оккультизма, выразившееся между прочимъ въ своеобразныхъ способахъ врачеванія. По словамъ газетъ двумя англичанками, учительницами англійскаго языка, въ одномъ берлинскомъ женскомъ лицеѣ была устроена своего рода клиника, въ которой больныхъ лечили безъ лекарствъ одними таинственными заклинаніями. Эти заклинанія будто бы направляли на больного цѣлительное вѣяніе какихъ-то тайныхъ силъ, при чемъ даже невѣрующіе больные выздоравливали. Между прочимъ очень многія дамы высшаго берлинскаго общества увѣровали въ таинственный даръ упомянутыхъ англичанокъ. Успѣхъ ихъ былъ чрезвычайный какъ въ отношеніи славы, такъ и въ отношеніи денегъ.

Равнымъ образомъ и понынѣ являются то тамъ, то здѣсь цѣлители, которые пользуютъ приходящихъ къ нимъ паціентовъ молитвою или

---

[1]) Бине и Фере. Животный магнетизмъ. Спб., 1890, стр. 15 и 16.

наложеніемъ рукъ, воображая, что они обладаютъ особою магнетическою силою, въ чемъ настойчиво просятъ удостовѣриться всѣмъ желающимъ, тогда какъ эта сила основывается лишь на внушеніи и вѣрѣ.

Значеніе вѣры.

Вѣра вообще играетъ особенную роль, какъ факторъ, способствующій внушенію. Поэтому во всѣ времена являлись цѣлители, которые однимъ взглядомъ; словомъ и даже простымъ мановеніемъ руки или жестомъ, а въ иныхъ случаяхъ ничего незначущими и при томъ несложными дѣйствіями заставляли прозрѣвать слѣпыхъ, ходить паралитичныхъ или немощныхъ, исцѣлять прокаженныхъ и „бѣсноватыхъ“ и даже воскрешать умершихъ. Само собою разумѣется, что дѣло идетъ здѣсь о слѣпотѣ и параличахъ функціональнаго происхожденія, о слѣпотѣ нервнаго происхожденія, объ истерической одержимости и о такъ называемыхъ мнимо-умершихъ. Не останавливаясь на всѣмъ извѣстныхъ примѣрахъ въ библейскія и евангельскія времена и на тѣхъ примѣрахъ, которыя легко заимствовать изъ жизнеописанія святыхъ (четь-минеи), мы приведемъ здѣсь лишь болѣе современные намъ случаи. Одинъ изъ яркихъ примѣровъ подобнаго вліянія вѣры представляютъ недавніе подвиги въ Америкѣ нѣмецкаго эмигранта Шлятера, который, начавъ башмачникомъ въ Данверѣ, вообразилъ, что его призваніе заключается въ томъ, чтобы просвѣтить всю Америку евангельскимъ ученіемъ. Съ этихъ поръ онъ закрываетъ свою торговлю и, превращаясь въ странника, выдаетъ себя за Мессію и исцѣляетъ многихъ наложеніемъ своей руки. Вскорѣ молва о производимыхъ имъ чудесахъ повлекла за нимъ толпы приверженцевъ, на глазахъ которыхъ совершались чудесныя исцѣленія. Къ нему стало стекаться множество больныхъ, жаждущихъ наложенія его руки, такъ что онъ уже не успѣвалъ удовлетворять всѣхъ, ищущихъ его помощи.

Заимствуемъ описаніе одной сцены, сдѣланное репортеромъ и характеризующее яркими штрихами вліяніе Шлятера на толпу: „со всѣхъ сторонъ были видны мужчины, женщины и дѣти съ печатью душевнаго страданія на лицѣ; съ каждой минутой толпа увеличивалась и скоро вся мѣстность представляла море головъ, насколько можно было охватить взглядомъ. Потомъ внезапное движеніе прошло по собранію и всякій даже малѣйшій шопотъ затихъ... пришелъ Schlater. Когда я приблизился къ нему, мной овладѣлъ сверхъ-

естественный страхъ, который было трудно проанализировать. Моя вѣра въ этого человѣка росла вопреки моему разуму. Бодрствующее, контролирующее, мыслящее, разсуждающее „я“ стало колебаться, терять свою силу, а рефлектерное, подбодрствующее начало укрѣпляться. Когда онъ отпустилъ мои руки, моя душа признала какую-то силу въ этомъ человѣкѣ, чему повидимому противились мой умъ и мой мозгъ. Когда онъ раскрылъ мои руки, я почувствовалъ, что могъ бы упасть предъ нимъ на колѣни и назвать его владыкой“ [1]).

Особенной славой Шлятеръ пользовался въ штатѣ Колорадо. Затѣмъ онъ отправился въ Мексику, послѣ чего вскорѣ исчезъ и никто не зналъ, что съ нимъ сталось. Его приверженцы увѣряли, что онъ отправился въ другія страны для проповѣди, другіе—что онъ вознесся на небо. Пользуясь этимъ, то тамъ, то сямъ стали являться его подражатели—лже-Шлятеры.

Въ концѣ концовъ скелетъ настоящаго Шлятера былъ найденъ совершенно случайно подъ однимъ деревомъ двумя изслѣдователями Сьера-Мадре въ 50 миляхъ отъ casas grandes въ провинціи Чигуагуе. Этотъ поражающій примѣръ, взятый изъ жизни современнаго общества, показываетъ намъ со всею яркостью, каково можетъ быть дѣйствіе внушенія въ бодрственномъ состояніи при условіи слѣпой вѣры въ силу производимаго вліянія.

Изстари извѣстное цѣлительное вліяніе вѣры, которому между прочимъ посвящены изслѣдованія Н. Tuke'a, Regnard'a, Littré Bourneville'a, Charcot (La foie qui guerit) и др. здѣсь сказалось со всею яркостью. Помимо всего прочаго вѣра является столь благопріятной почвой для самовнушенія, что она нерѣдко совершаетъ этимъ путемъ чудесныя исцѣленія и тамъ, гдѣ обыкновенное внушеніе оказывается безсильнымъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ Шлятера дѣлаетъ намъ понятными многія изъ тѣхъ внезапныхъ исцѣленій во время религіознаго воодушевленія, которыя извѣстны были уже въ древности (напр. въ древнихъ храмахъ, посвященныхъ Эскулапу, въ египетскихъ храмахъ Сераписа, особенно Мемфисскомъ и Александрійскомъ или въ храмахъ Асклепія древней Греціи), которыя случались во всѣ времена и которыя повторяются еще и понынѣ. Особенно извѣстны исцѣленія, происходившія въ началѣ нашей эры въ Палестинѣ, а также въ періодъ среднихъ вѣковъ (исцѣленія на могилѣ Людовика IX, въ базиликѣ С.-Дени и пр.), позд-

[1]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія loco cit. стр. 302.

піе—т. наз. Сенъ-Медарскія явленія. Для этого рода исцѣленій требуется тотъ или другой объектъ поклоненія и вѣры. Поэтому эти исцѣленія чаще всего происходятъ въ храмахъ, но они также могутъ происходить на мѣстѣ религіозныхъ видѣній и на могилахъ лицъ, прославленныхъ своимъ подвижничествомъ, предъ т. наз. „чудодѣйствующими“ иконами и изваяніями, наконецъ просто при какомъ-либо объектѣ, связанномъ съ жизнью и дѣятельностью лица, прославленнаго своею „святостью“ и близостью къ божеству, а тѣмъ болѣе при видѣ самаго лица, за которымъ народная молва упрочила славу святости. Прекраснымъ примѣромъ такого рода исцѣленій могутъ служить многочисленныя исцѣленія въ Лурдѣ, происходившія на мѣстѣ прославленныхъ видѣній Богородицы простой дѣвушкѣ и описанныя въ книгѣ Henri Lasserr'a, въ Annales de Lourdes и въ Iournal de Lourdes и извѣстныя также по роману E. Zola.

Не менѣе поучительны многочисленныя исцѣленія въ мѣстечкѣ Кнокъ, вблизи Клареморри въ Ирландіи, исторія которыхъ начинается съ 79 года, т. е. со времени имѣвшаго здѣсь мѣсто видѣнія Пресвятой Богородицы.

Подобныя же исцѣленія происходятъ и во всѣхъ вообще мѣстахъ религіознаго поклоненія народныхъ массъ, когда религіозное воодушевленіе стекающагося народа достигаетъ необычайной степени. Еще недавно во время бывшихъ религіозныхъ торжествъ въ мѣстечкѣ Саровѣ такія исцѣленія происходили массами. Нѣкоторыя изъ этихъ случаевъ исцѣленія были изслѣдованы съ разрѣшенія мѣстныхъ властей врачемъ нашей клиники д-ромъ Никитинымъ [1]), при чемъ всѣ они, какъ и должно было ожидать, оказались случаями разнообразныхъ проявленій истерическаго невроза.

Мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ исцѣленія, гдѣ тяжелый недугъ во время религіознаго воодушевленія исчезалъ, какъ по мановенію жезла.

Иллюстраціи ради я приведу здѣсь случай чудеснаго исцѣленія, случившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ.

Мальчикъ Г. страдалъ параличемъ истерическаго происхожденія, природа котораго къ сожалѣнію осталась нераспознанною со стороны извѣстнаго въ Петербургѣ психіатра, признавшаго его неизлечимымъ. Парализованный мальчикъ оставался безпомощнымъ уже много лѣтъ, какъ вдругъ однажды во снѣ онъ увидѣлъ ликъ Божьей Матери,

[1]) См. Никитинъ. Религіозное чувство, какъ исцѣляющій факторъ Обозрѣніе психіатріи 1904, стр. 1 и 100.

приказавшей ему поклониться св. иконѣ, находящейся въ часовнѣ по Шлиссельбургскому тракту у Стекляннаго Завода и извѣстной тѣмъ, что ударомъ молніи въ 1888 г. было разрушено все внутри часовни, но сохранился лишь образъ Божьей Матери, при чемъ ликъ ея оказался усѣяннымъ въ формѣ вѣнца мѣдными монетами изъ сборной народной кружки. Только что указанное обстоятельство сдѣлало эту икону особенно почитаемой въ населеніи и она уже давно славилась и славится, какъ чудотворная, привлекая къ себѣ толпы народа для слушанія предъ ней молебновъ. Проснувшись, послѣ замѣчательнаго сна, Г. настойчиво началъ просить себя повезти къ упомянутой иконѣ и, когда желаніе его было исполнено, то оказалось, что уже во время молебна онъ получилъ возможность стоять на ногахъ и съ этихъ поръ началъ ходить.

Другой извѣстный мнѣ случай подобнаго же рода заключается въ слѣдующемъ:

Больная А., происходящая изъ невропатической семьи, никогда ранѣе ничѣмъ не страдавшая, въ періодъ сформированія на 12—13 году заболѣла послѣ сильнаго нравственнаго волненія т. наз. истерической астазіей-абазіей, выразившейся полной невозможностью ходить, хотя отдѣльныя движенія ногами и производились. Она не могла вставать съ постели и, хотя могла двигать своими ногами, но была лишена возможности удерживаться на нихъ стоя и не могла вовсе ходить. Однажды, когда ея болѣзненное состояніе приводило уже въ отчаяніе ея родныхъ, она вдругъ, проснувшись отъ сна, заявляетъ: „мама, не плачь о моемъ здоровьѣ, я поправлюсь; мнѣ нужно быть у тетки и помолиться Спасителю!“ Надо замѣтить, что въ томъ домѣ, гдѣ жила ея тетка, имѣлась почитаемая жильцами икона Спасителя. Эту икону больная наканунѣ видѣла во снѣ и вмѣстѣ съ ней связала въ мысляхъ свое исцѣленіе. Послѣ настойчивыхъ просьбъ она была доставлена въ домъ тетки, къ иконѣ Спасителя. Она была оставлена на нѣкоторое время у этой иконы, предъ которой она молилась на колѣняхъ въ религіозномъ изступленіи въ теченіе около получаса, послѣ чего она встала на ноги и до такой степени почувствовала себя хорошо здоровой, что пріѣхавшую къ ней мать вскорѣ же послѣ бывшаго происшествія она встрѣчаетъ уже совершенно здоровой и для полной убѣдительности своего здоровья показываетъ ей извѣстныя па изъ венгерки.

Третій извѣстный мнѣ случай относится къ женщинѣ, страдавшей истерическимъ безрѣчіемъ (Aphasia hysterica). Эта больная, вслѣдствіе продолжительности тяжелаго недуга, лишившаго

ее возможности говорить, была помѣщена въ клинику. Здѣсь леченіе недуга больной, происходящей изъ простого класса, оставалось нѣкоторое время безуспѣшнымъ. Но однажды она видитъ во снѣ образъ Богородицы и слышитъ голосъ, призывающій ее помолиться для ея исцѣленія. Пробудившись, больная усердно молится, и получаетъ исцѣленіе.

Не менѣе поучительный случай произошелъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ съ однимъ приватъ-доцентомъ Д., у котораго извѣстнымъ спеціалистомъ былъ поставленъ діагнозъ неизлѣчимой кожной болѣзни на головѣ въ формѣ sycosis. Оказалось, что для исцѣленія его было достаточно, чтобы одна старуха повела его въ церковь и тамъ усердно помолилась вмѣстѣ съ нимъ. Нечего говорить, что ошибка въ діагнозѣ, допущенная извѣстнымъ спеціалистомъ по кожнымъ болѣзнямъ, послужила поводомъ къ обсужденію этого случая въ обществахъ и печати.

Еще ранѣе того въ Москвѣ же былъ случай чудеснаго исцѣленія слѣпоты, очевидно истерическаго характера, при одномъ прикосновеніи рукою къ образу, бывшему въ серебряной ризѣ, вслѣдствіе чего въ періодъ тогдашняго увлеченія металлотерапіей была склонность у нѣкоторыхъ врачей объяснять этотъ случай дѣйствіемъ металла, тогда какъ онъ проще всего объяснялся цѣлительнымъ вліяніемъ вѣры.

Но не обнаруживается ли въ большей или меньшей мѣрѣ цѣлительное вліяніе вѣры и во врача, подходящаго къ кровати больного? Всякій знаетъ, какое магическое оздоровляющее дѣйствіе можетъ пріобрѣсти одно утѣшительное слово со стороны врача и наоборотъ, какъ иногда убійственно въ буквальномъ смыслѣ слова дѣйствуетъ на такого же больного суровый холодный приговоръ врача, не знающаго или не желающаго знать силы внушенія.

Сколько паціентовъ, обращаясь къ врачу для леченія своей зубной боли, должны сознаться уже въ пріемной врача, что помощь имъ становится излишней вслѣдствіе того, что зубная боль исчезла какъ разъ предъ тѣмъ моментомъ, когда больной могъ увидѣть своего врача.

Надо впрочемъ замѣтить, что далеко не всѣ лица вѣрятъ слѣпо въ могущество того или другого врача по отношенію къ своей болѣзни, а потому и психическое вліяніе врача на своихъ паціентовъ въ различныхъ случаяхъ бываетъ неодинаковымъ.

Нѣкоторые признавали, что цѣлительное вліяніе вѣры ограни-ывается лишь тѣми разстройствами, которыя находятся въ зави-отъ представленій (dependant on idea), какъ это допуск-

Reynolde. Въ такомъ случаѣ вліяніе вѣры приходится ограничивать лишь пораженіями функціональнаго характера; тѣмъ не менѣе, хотя несомнѣнно, что случаи истеріи представляютъ наиболѣе поразительные примѣры подобнаго рода исцѣленій, однако есть и другіе случаи исцѣленія вѣрой, которые не укладываются въ рамки истеріи, какъ это было напр. въ приведенныхъ выше случаяхъ съ мнимымъ „sycosis", представлявшимъ по всей вѣроятности ничто иное, какъ т. наз. нервную экзему. Мы полагаемъ поэтому, что было бы правильнѣе сказать, что цѣлительное вліяніе вѣры простирается на всѣ болѣзненныя разстройства, которыхъ теченіе можетъ подвергаться измѣненію подъ вліяніемъ психическихъ импульсовъ.

Извѣстно далѣе, что вліянію внушенія поддаются не только истерическія состоянія, но въ извѣстной мѣрѣ и органическія пораженія. Между прочимъ мной былъ описанъ случай туберкулезнаго пораженія позвоночника, въ которомъ рѣзкія боли легко устранялись путемъ внушенія въ гипнозѣ. Я наблюдалъ также подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія устраненіе болей ревматическаго происхожденія и даже уменьшеніе ревматическаго опуханія суставовъ. Недавно одинъ изъ врачей нашей клиники (д-ръ Агаджанянцъ) съ успѣхомъ пользовался гипнотическимъ внушеніемъ для леченія сыпей нервнаго происхожденія (экзема и др.). Даже анэстезія кожи, наблюдающаяся при тяжеломъ спинно-мозговомъ пораженіи, извѣстномъ подъ названіемъ сирингоміэліи, значительно улучшалась подъ вліяніемъ гипнотическаго внушенія, какъ показываютъ случаи, описанные изъ нашей клиники (д-ръ Пѣвницкій). Далѣе изстари извѣстно успѣшное леченіе бородавокъ т. наз. симпатическими средствами. Съ другой стороны кровотеченія подъ вліяніемъ внушенія исчезаютъ иногда на глазахъ, какъ по мановенію жезла, какъ въ томъ я могъ убѣдиться и лично на нѣсколькихъ случаяхъ. Всѣ эти факты, наряду съ возможностью вызыванія въ нѣкоторыхъ случаяхъ путемъ гипнотическаго внушенія кожныхъ сыпей и даже пузырей, въ пользу чего говорятъ опубликованные въ литературѣ случаи и въ томъ числѣ одно изъ моихъ наблюденій [1]), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что психическое вліяніе далеко не ограничивается лишь истерическими разстройствами, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что и религіозныя исцѣленія выходятъ далеко за предѣлы однихъ истерическихъ состояній.

Въ отношеніи случаевъ леченія вѣрой весьма существеннымъ

---

[1]) В. Бехтеревъ. Значеніе гипноза, какъ врачебнаго средства. Вопросы нервно-психической медицины... болѣзни, вып. 1.

является вопросъ, какіе факторы должны быть принимаемы во вниманіе при объясненіи цѣлительнаго значенія вѣры. Врядъ ли можетъ быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что здѣсь прежде всего выдвигается роль внушенія и самовнушенія. Когда дѣло идетъ о чудесныхъ исцѣленіяхъ, то цѣлительная сила слова часто выражается въ формѣ внушенія („Встань, возьми одръ свой и иди за мною!" говорилъ Іисусъ больному). Съ другой стороны, когда дѣло идетъ о самостоятельныхъ исцѣленіяхъ подъ вліяніемъ вѣры, то извѣстную роль здѣсь играетъ всегда самовнушеніе, возникающее подъ дѣйствіемъ извѣстной святыни.

При всемъ томъ нѣтъ достаточныхъ основаній допускать, что цѣлительное вліяніе вѣры исчерпывается однимъ внушеніемъ или самовнушеніемъ. Противъ этого говорятъ уже тѣ случаи исцѣленія вѣрой, въ которыхъ ранѣе примѣнявшееся леченіе внушеніемъ оказывалось безуспѣшнымъ. И дѣйствительно, анализируя случаи леченія вѣрой, мы должны признать, что здѣсь немалую роль играетъ та подготовка настроенія, которая является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ возбужденія религіознаго чувства. Эта подготовка настроенія, начинающаяся малоощутимымъ волненіемъ, возбуждаемымъ надеждой на исцѣленіе, постепенно наростаетъ до степени религіознаго экстаза. Послѣдній и является тѣмъ спасительнымъ чувствомъ, въ присутствіи котораго подъ вліяніемъ самовнушенія, зародившагося вмѣстѣ съ надеждой на излеченіе при мысли объ исцѣляющей святынѣ, и осуществляется леченіе вѣрой. Кто не вѣритъ, тотъ не можетъ разсчитывать и на леченіе вѣрой, кто считаетъ себя вѣрующимъ, но не проникся чувствомъ вѣры, тотъ не въ состояніи развить въ себѣ религіознаго экстаза при соотвѣтствующемъ случаѣ и потому также не можетъ разсчитывать на леченіе вѣрой.

Вотъ почему для леченія вѣрой имѣетъ большое значеніе обстановка, создаваемая въ храмахъ, и соотвѣтствующая внѣшняя и внутренняя подготовка даннаго лица къ исцѣленію, способствующая развитію въ немъ религіознаго чувства (паломничество, посты, различнаго рода религіозныя церемоніи и т. п.). „Чѣмъ больше слава святыни, чѣмъ шире распространена о ней молва, тѣмъ благопріятнѣе условія для наступленія исцѣленія. Подготовленіе почвы для будущаго исцѣленія начинается съ того момента, когда молва о чудодѣйственной силѣ святыни достигаетъ въ первый разъ слуха больного и въ его душѣ вспыхиваетъ первая искра надежды. Онъ рѣшаетъ совершить паломничество. Мысль о возможности исцѣленія не покидаетъ его. Она растетъ по мѣрѣ того, какъ уменьшается разстояніе,

*

дѣляющее его отъ цѣли путешествія и постепенно становится увѣренностью. Эта увѣренность въ своемъ исцѣленіи заставляетъ больного забывать всѣ трудности путешествія, усталость, свои физическія страданія. Онъ живетъ только ей одной. Наконецъ путешествіе кончено. Больной находится возлѣ святыни. Здѣсь ждетъ его рядъ подготовительныхъ церемоній, въ числѣ которыхъ почти никогда не отсутствуетъ купаніе въ источникѣ. Во время ихъ волненіе начинаетъ расти, онъ съ жадностью ждетъ наступленія благодатной минуты, которая большей частью является строго опредѣленной заранѣе. Сосѣдство массы другихъ вѣрующихъ, чувствующихъ то же, что и онъ, также страстно ждущихъ момента наступленія исцѣленія, также твердо увѣренныхъ, что этотъ моментъ наступитъ, еще болѣе увеличиваетъ то состояніе религіознаго экстаза, въ которомъ находится больной. Наконецъ наступаетъ давно желаемый моментъ. Экстазъ больного достигаетъ необычайныхъ размѣровъ и мечта объ исцѣленіи становится дѣйствительностью.“ Такъ пишетъ врачъ нашей клиники д-ръ Никитинъ, самъ видѣвшій исцѣленія во время религіозныхъ торжествъ въ Саровѣ, и нельзя не согласиться съ тѣмъ, что подготовка въ дѣлѣ леченія вѣрой играетъ, если не наиболѣе существенную, то во всякомъ случаѣ необходимую составную часть этого леченія на ряду съ тѣмъ психическимъ воздѣйствіемъ, которое можетъ быть уподоблено самовнушенію или внушенію. Какъ бы ни мѣнялись формы религіознаго культа, какъ бы ни мѣнялись внѣшнія формы поклоненія, но психическія условія для леченія вѣрой остаются вездѣ и всюду одними и тѣми же и сводятся къ двумъ основнымъ факторамъ: 1) къ религіозному воодушевленію, достигающему нерѣдко степени экстаза, и 2) къ психическому воздѣйствію на этой почвѣ въ формѣ самовнушенія или внушенія.

Безъ этихъ основныхъ факторовъ не обходится ни одно чудесное исцѣленіе и въ нихъ именно заключается сущность лечебнаго вліянія вѣры.

Невольное внушеніе и взаимовнушеніе.

Вообще надо признать, что такъ какъ большинство лицъ не можетъ удержать себя отъ невольнаго сопротивленія постороннимъ психическимъ воздѣйствіямъ, то естественно, что дѣйствіе внушенія въ бодрственномъ состояніи въ болѣе или менѣе рѣзко выраженной степени удается далеко не у всѣхъ. Для осуществленія внушенія въ

этихъ случаяхъ именно и нужна та упомянутая выше подготовляющая обстановка, которая устраняетъ невольное сопротивленіе со стороны лица, подвергающагося внушенію.

Тѣмъ не менѣе въ обыденной жизни мы встрѣчаемся нерѣдко съ дѣйствіемъ невольнаго внушенія, производимаго при естественномъ общеніи одного лица съ другимъ.

Это внушеніе происходитъ незамѣтно для лица, на которое оно дѣйствуетъ, а потому обыкновенно и не вызываетъ съ его стороны никакого сопротивленія. Правда, оно дѣйствуетъ рѣдко сразу, чаще же медленно, но за то вѣрно укрѣпляется въ психической сферѣ.

Чтобы пояснить этотъ фактъ примѣромъ, я напомню здѣсь, какое магическое вліяніе на всѣхъ производитъ напримѣръ появленіе одного веселаго господина въ скучающемъ обществѣ. Всѣ тотчасъ же невольно, не замѣчая того сами, заражаются его весельемъ, пріободряются духомъ и общество изъ скучнаго, монотоннаго дѣлается очень веселымъ и оживленнымъ.

Въ свою очередь оживленіе общества дѣйствуетъ заразительно и на лицо, внесшее это оживленіе, въ силу чего его душевный тонъ еще болѣе приподнимается.

Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ дѣйствія невольнаго внушенія или естественнаго прививанія психическихъ состояній отъ однихъ лицъ къ другимъ.

Такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о взаимномъ психическомъ вліяніи однихъ лицъ на другихъ и обратно, то правильнѣе всего это состояніе называть невольнымъ взаимовнушеніемъ.

Нужно при этомъ имѣть въ виду, что дѣйствіе невольнаго внушенія и взаимовнушенія гораздо шире, чѣмъ можно было бы думать съ самаго начала.

Оно не ограничивается только отдѣльными болѣе или менѣе исключительными лицами подобно намѣренному внушенію, производимому въ бодрственномъ состояніи, и также не требуетъ для себя никакихъ особыхъ необычныхъ условій подобно внушенію, производимому въ гипнозѣ, а дѣйствуетъ на всѣхъ и каждаго при тѣхъ или иныхъ условіяхъ.

Само собою разумѣется, что и въ отношеніи непроизвольнаго прививанія психическихъ состояній существуютъ большія различія между отдѣльными лицами въ томъ смыслѣ, что одни, какъ болѣе впечатлительныя, болѣе пассивныя и слѣдовательно болѣе довѣрчивыя натуры, легче поддаются непроизвольному психическому внуше-

нію, другіе же менѣе; но разница между отдѣльными лицами существуетъ лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь въ степени воспріимчивости къ ненамѣренному или невольному внушенію со стороны другихъ лицъ, но не болѣе.

Невольное внушеніе и взаимовнушеніе такимъ образомъ, какъ мы его понимаемъ, есть явленіе болѣе или менѣе всеобщее.

Возникаетъ однако вопросъ, какимъ способомъ могутъ прививаться къ намъ идеи и вообще психическія состоянія другихъ лицъ и подчинять насъ своему вліянію?

Въ наукѣ неоднократно высказывалось мнѣніе о мысленномъ вліяніи на разстояніи со стороны одного лица на другое, но всѣ попытки доказать этотъ способъ передачи мыслей на разстояніи болѣе или менѣе непреложнымъ образомъ рушатся тотчасъ же, какъ только его подвергаютъ экспериментальной провѣркѣ, и въ настоящее время не можетъ быть приведено въ сущности ни одного строго провѣреннаго факта, который бы говорилъ въ пользу реальнаго существованія т. н. телепатической передачи психическихъ состояній.

Посмотримъ однако, какъ стоитъ въ наукѣ самый вопросъ о телепатической передачѣ мыслей на разстояніи.

О мысленномъ внушеніи.

Благодаря открытію Брауномъ въ 1875 году т. наз. чтенія или угадыванія мыслей, допускавшаго предположеніе о т. н. телепатической передачѣ мыслей на разстояніи, этотъ вопросъ былъ подвергнутъ всестороннему изслѣдованію. Самое явленіе, которое демонстрировалось еще съ большимъ совершенствомъ извѣстнымъ Бископомъ, получается при слѣдующихъ условіяхъ:

Если кто-ниб. задумаетъ какой-либо предметъ, находящійся въ той или другой части окружающаго пространства, то другое лицо, взявши его за руку, даже при завязанныхъ глазахъ можетъ подвести его къ задуманному предмету и такимъ образомъ отыскать послѣдній. Научное обсужденіе этихъ явленій и спеціальныя изслѣдованія, производимыя для выясненія сущности послѣднихъ, принадлежащія Сикорскому [1]), Preyer'у [2]), Тарханову [3]), Karpenter'у и др.,

---

[1]) Сикорскій. Врачъ. 1884. № 51 и 52.

[2]) Preyer. Die Erklärung des Gedankenlesen. Leipzig. 1880.

[3]) Тархановъ. Гипнотизмъ и чтеніе мыслей. Спб. 1886.

доказали, что дѣло въ упомянутомъ случаѣ заключается, согласно еще ранѣе сдѣланнымъ указаніямъ со стороны Bird'a, ни въ чемъ иномъ, какъ въ уловленіи отгадчикомъ того мышечнаго напряженія и тѣхъ небольшихъ движеній, которыя являются прямымъ слѣдствіемъ напряженія мысли о задуманномъ предметѣ, находящемся въ томъ или другомъ мѣстѣ [1]). Это уловленіе основано на тонкой мышечной чувствительности, которая можетъ быть особенно развита у отдѣльныхъ лицъ и которая поддается изощренію путемъ упражненія, вслѣдствіе чего нѣкоторыя лица могутъ быть особенно хорошими отгадчиками мыслей. Нечего говорить, что при этомъ способѣ отгадыванія мыслей существенную помощь оказываютъ также особые пріемы, устраняющіе намѣренное спутываніе отгадчика, какъ напр. предварительное круженіе задумавшаго лица, быстрые повороты его въ ту и другую сторону и т. п.

Это объясненіе отгадыванія мыслей могло быть примѣнено и къ тому своеобразному явленію, которое извѣстно на спиритическихъ сеансахъ подъ названіемъ „столоверченія“ и „блюдоверченія“. Здѣсь дѣло идетъ также о незамѣтныхъ для самихъ участниковъ двигательныхъ толчкахъ, развивающихся при утомительномъ держаніи рукъ на вѣсу съ пальцами, прикасающимися къ столику или блюдечку. Остается только вопросомъ, отчего сумма этихъ толчковъ даетъ тѣ или другіе результаты согласные съ желаніемъ медіума, руководящаго всѣмъ дѣломъ. Но объясненіе этого явленія надо искать въ томъ, что руководителемъ въ этомъ случаѣ является одно лицо, именно самъ медіумъ, мысли котораго передаются путемъ незамѣчаемыхъ толчковъ черезъ столикъ другимъ лицамъ, относящимся къ дѣлу пассивно, вслѣдствіе чего послѣдними незамѣтно для самихъ себя усвоивается направленіе толчковъ, производимое медіумомъ, и такимъ образомъ получаются какъ бы коллективно согласованные двигательные акты, направляемые мыслями медіума.

Здѣсь дѣло идетъ такимъ образомъ о внушеніи и взаимновнушеніи съ помощью мышечнаго чувства, о которомъ рѣчь была уже выше.

Но есть еще родъ явленій, на которомъ особенно настаиваютъ спириты и который состоитъ будто бы въ передачѣ мыслей на разстояніи, что обозначается обыкновенно именемъ телепатіи. Послѣдняя должна пред-

[1]) Должно имѣть въ виду, что еще Chevreul въ 1833 году выяснилъ, что мысль объ извѣстномъ движеніи возбуждаетъ само движеніе, хотя бы и не было при этомъ желанія производить движеніе, остающееся къ тому же незамѣченнымъ. Chevreul. Revue de Deux Mondes 1833 1 Mai.

ставлять собою ничто иное, какъ особую передачу мыслей или психической силы отъ одного лица къ другому безъ посредства органовъ чувствъ.

Какъ извѣстно, образовавшееся въ Лондонѣ въ 1882 г. общество для изслѣдованія психическихъ изслѣдованій и занявшееся собираніемъ фактовъ, говорящихъ въ пользу телепатіи, опубликовало результаты собранныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ въ 1887, при чемъ авторы работы Герней, Майерсъ и Подморъ пришли къ заключенію въ пользу существованія телепатіи.

Впослѣдствіи большое число данныхъ подобнаго же рода было собрано извѣстнымъ Фламмаріономъ, авторомъ книги о „Невѣдомомъ". Къ сожалѣнію эти данныя основаны на простыхъ наблюденіяхъ тѣхъ или другихъ лицъ и потому не могутъ быть признаны строго провѣренными фактами. Далѣе разсматриваемый родъ явленій, скрывающійся подъ видомъ оккультическихъ ученій и особыхъ спиритическихъ данныхъ былъ такъ же предметомъ экспериментальныхъ научныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ за послѣднее время цѣлымъ рядомъ авторовъ, изъ которыхъ мы назовамъ Ch. Richet, Ch. Feré, Grasset, P. Janet, Forel'я, Fogtà, Lombroso, Schrenck-Notzing и др. Большинство этихъ изслѣдованій не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что при этомъ нѣтъ ничего такого, что бы можно было объяснить непосредственной передачей мыслей на разстояніи, а объясняется чрезвычайно повышенной чувствительностью субъектовъ, отличающихся способностью улавливать малѣйшія отраженія предметовъ и малѣйшіе звуки, незамѣчаемые большинствомъ людей въ обыкновенномъ состояніи. Словомъ здѣсь дѣло идетъ о ясновидѣніи и дальневидѣніи и о яснослышаніи и дальнеслышаніи; существованіе же телепатической передачи мыслей на разстояніи пока не признается еще научно доказаннымъ фактомъ.

Между прочимъ Lehman спеціально производилъ изслѣдованія съ металлическими зеркалами, находящимися въ достаточномъ удаленіи другъ отъ друга, при чемъ въ фокусъ одного изъ нихъ онъ помѣщалъ голову индуктора, въ фокусъ же другого голову перципіента (отгадывателя). При такой постановкѣ опыта, которая основывалась на предположеніи, что сила, непосредственно передающая мысли, если только подобная передача вообще существуетъ, должна отражаться отъ зеркальныхъ поверхностей, получились результаты, говорящіе не въ пользу непосредственной передачи мыслей на разстояніи. Авторъ убѣдился, что при этихъ опытахъ перципіентъ отгадывалъ потому, что слышалъ рѣчь индуктора, хотя и неясно.

Интересны затѣмъ опыты съ отгадываніемъ рисунковъ, произведенные Я. Жукомъ [1]), Schrenk-Notzing'омъ и затѣмъ опыты Siegwick'a и Lombroso надъ отгадываніемъ чиселъ и картъ на разстояніи. При этихъ опытахъ та или другая часть ихъ въ зависимости отъ самаго перципіента, условій и обстановки оказывалась удачною.

Далѣе идутъ опыты надъ мысленнымъ внушеніемъ, производившіеся надъ сомнамбулами. Сюда относятся опыты, произведенные надъ Леони B. Ianet и затѣмъ Ch. Richet [2]), при чемъ оказалось, что въ извѣстномъ рядѣ опытовъ она засыпала по внушенію, находясь въ разстояніи отъ индуктора отъ $^3/_4$ до $1^1/_2$ версты.

Можно упомянуть также о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи за границей Ochorowicz'емъ [3]) и др., а у насъ д-ромъ Ховриномъ [4]) Краинскимъ [5]) и въ послѣднее время д-ромъ Котикомъ [6]).

Всѣ эти авторы, руководясь своими наблюденіями и изслѣдованіями, являются убѣжденными защитниками непосредственной передачи мыслей на разстояніи. Въ числѣ этихъ изслѣдованій заслуживаютъ особаго вниманія подробныя изслѣдованія, произведенныя надъ одной истеричкой д-ромъ Ховринымъ и изслѣдованія д-ра Котика надъ дѣвочкой Софьей Штаркеръ, дочерью профессіональнаго мантевиста [7]). Надо впрочемъ замѣтить, что по отношенію къ истеричкѣ д-ра Ховрина, въ литературѣ заявлялась особая точка зрѣнія со стороны проф. Я. А. Анфимова. Между прочимъ при упомянутыхъ изслѣдованіяхъ обращаетъ на себя вниманіе фактъ, что опыты съ названными субъектами удаются б. ч. лишь при участіи въ этихъ опытахъ опредѣленныхъ лицъ, напр. самого д-ра Ховрина въ первомъ случаѣ, отца—въ случаѣ Софьи Штаркеръ.

Точно также и производившіяся въ нашей клиникѣ демонстраціи надъ мысленнымъ внушеніемъ сомнамбуламъ, приводили къ выводу, что сомнамбула отгадывала только тѣ мысленныя внушенія, которыя

[1]) Я. Жукъ. Міръ Божій, 1902.
[2]) Ch. Richet. Revue philosophique. 1884 № 12.
[3]) Ochorovicz. De la suggestion mentale 1887.
[4]) Ховринъ. Протоколы. Общ. экспер. психологіи.
[5]) Н. Краинскій. Порча, кликуши и бѣсноватые. Новгородъ 1900.
[6]) Д-ръ Котикъ Непосредственная передача мыслей. Москва 1908.
[7]) Опыты съ мантевизмомъ, совершено аналогичные съ тѣми, которые производились надъ Софьей Штаркеръ, я имѣлъ возможность наблюдать надъ одной взрослой женщиной въ Вѣнѣ еще весной 1903 г. Обстановка ихъ описана мной въ Обозрѣніи психіатріи за 1904.

задавались ея врачемъ, производившимъ надъ ней рядъ предварительныхъ изслѣдованій.

Это наводило на мысль, что причина отгадыванія мыслей здѣсь заключалась въ самомъ врачѣ, какъ индукторѣ, сомнамбула же представляла лишь поразительное обостреніе органовъ чувствъ, позволявшее ей улавливать незамѣчаемыя другими впечатлѣнія, по которымъ и происходило кажущееся отгадываніе мыслей.

Этимъ конечно мы ничуть не хотимъ сказать, что дѣло такъ именно происходило во всѣхъ случаяхъ.

Вообще мы ничуть не намѣрены отрицать значенія заявленныхъ въ литературѣ наблюденій подобнаго рода; но въ такомъ вопросѣ, какъ вопросъ о мысленномъ внушеніи и о передачѣ мыслей на разстояніи, могутъ имѣть значеніе только рѣшающія наблюденія и изслѣдованія, которыя могли бы быть провѣряемы и другими лицами, въ рукахъ которыхъ они давали бы одинаковые результаты. Только при этихъ условіяхъ можетъ быть устраненъ и окончательно разсѣянъ всѣмъ понятный скептицизмъ въ этомъ вопросѣ со стороны другихъ представителей науки.

Такимъ образомъ въ результатѣ нашей экскурсіи въ область мысленнаго внушенія и телепатической передачи мыслей мы должны признать, что этотъ вопросъ все еще долженъ считаться открытымъ въ наукѣ и на полное выясненіе его потребуется еще не мало усилій со стороны ученыхъ.

Поэтому, не отрицая въ принципѣ дальнѣйшей разработки вышеуказаннаго вопроса, мы должны признать, что предполагаемая нѣкоторыми подобная передача мыслей на разстояніи при настоящемъ состояніи нашихъ знаній является еще недоказанною съ полною точностью.

Такимъ образомъ, отбросивъ предположеніе о телепатической передачѣ идей на разстояніи, какъ недоказанное строго научно, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психическихъ состояній отъ одного лица другому при внушеніи можетъ происходить тѣми же путями, какими передается вообще вліяніе одного лица на другое, т. е. при посредствѣ органовъ чувствъ.

Способы воздѣйствія путемъ внушенія одного лица на другое.

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что главнѣйшимъ передатчикомъ внушенія отъ одного лица другому служитъ органъ слуха, такъ какъ словесное внушеніе является, вообще говоря, наиболѣе распространеннымъ и повидимому наиболѣе дѣйствительнымъ.

Но не подлежитъ сомнѣнію, что и другіе органы, особенно зрѣніе, могутъ служить также посредниками въ передачѣ внушенія. Не говоря о вліяніи мимики и жестовъ, я укажу лишь на тотъ фактъ, что весьма немногія лица могутъ видѣть зѣвоту, чтобы не зѣвнуть самимъ; равнымъ образомъ видъ съѣдаемаго лимона вызываетъ невольное сжиманіе губъ и обильное слюноотдѣленіе.

Извѣстенъ анекдотъ, что этимъ путемъ былъ остановленъ цѣлый оркестръ однимъ зрителемъ, который занялся на глазахъ музыкантовъ поѣданіемъ лимона.

Все это суть примѣры зрительнаго внушенія, которое, какъ легко видѣть, дѣйствуетъ въ извѣстныхъ случаяхъ не менѣе вѣрно, нежели внушеніе слуховое.

Оно сводится очевидно къ тому, что то или другое психическое состояніе прививается путемъ зрительнаго впечатлѣнія, послѣ чего осуществляется извѣстное дѣйствіе.

Можно привести также примѣры передачи внушенія при посредствѣ осязательнаго и мышечнаго чувства. Всякій знаетъ, что взаимное пожиманіе рукъ нерѣдко является очень дѣйствительнымъ средствомъ передачи душевныхъ чувствъ и симпатіи между близкими лицами.

Далѣе извѣстенъ примѣръ, что одинъ студентъ-медикъ испыталъ сильный страхъ при мысли, что скальпелемъ онъ отрѣзалъ себѣ палецъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другимъ примѣромъ внушенія при посредствѣ осязательнаго органа можетъ служить извѣстный разсказъ о приговоренномъ къ смерти преступникѣ, которому при закрытыхъ глазахъ было внушено, что вскрыта одна изъ венъ и что кровь его постоянно истекаетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ оказался мертвымъ, несмотря на то, что вмѣсто крови по тѣлу его струилась теплая вода.

Что касается внушенія при посредствѣ мышечнаго чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричныхъ въ Сальпетріерѣ, причемъ оказалось, что этимъ путемъ въ извѣстныхъ случаяхъ внушеніе можетъ производиться весьма успѣшно. Достаточно истеричной больной въ гипнозѣ сложить руки, какъ они складываются при молитвѣ, и тотчасъ же лицо ея принимаетъ выраженіе мольбы. Если въ другомъ случаѣ сложить ея правую руку въ кулакъ, то лицо ея принимаетъ выраженіе угрозы.

Очевидно слѣдовательно, что и мышечное чувство, вообще весьма мало приспособленное для общенія отдѣльныхъ лицъ, даетъ возмож-

ность передавать внушенія путемъ прививанія того или иного психическаго состоянія.

Вообще надо признать, что передатчиками внушенія могутъ служить различные органы чувствъ, не исключая осязанія и мышечнаго чувства, но само собою разумѣется, что такіе органы, какъ слухъ и зрѣніе, являющіеся аппаратами, наиболѣе приспособленными для общенія людей другъ съ другомъ, являются важнѣйшими органами, при посредствѣ которыхъ чаще всего и вѣрнѣе всего передаются внушенія.

Въ сущности невольное внушеніе и взаимовнушеніе, будучи явленіемъ всеобщимъ, дѣйствуетъ вездѣ и всюду въ нашей повседневной жизни. Не замѣчая того сами, мы пріобрѣтаемъ въ извѣстной мѣрѣ чувства, суевѣрія, предубѣжденія, склонности, мысли и даже особенности характера отъ окружающихъ насъ лицъ, съ которыми мы чаще всего обращаемся. Подобное прививаніе психическихъ состояній происходитъ взаимно между совмѣстно живущими лицами, иначе говоря, каждая личность въ той или другой мѣрѣ прививаетъ другой особенности своей психической натуры и наоборотъ принимаетъ отъ нея тѣ или другія психическія черты. Происходитъ слѣдовательно въ полномъ смыслѣ слова психическій взаимообмѣнъ между совмѣстно живущими лицами, который отзывается не на однихъ только чувствахъ, мысляхъ и поступкахъ, но даже и на физической сферѣ, поскольку на ней вообще можетъ отражаться вліяніе психической дѣятельности.

Это вліяніе особенно сказывается на мимикѣ, придающей лицу опредѣленное выраженіе и обрисовывающей въ извѣстной мѣрѣ его черты. Фактъ этотъ между прочимъ объясняетъ намъ то обстоятельство, что, какъ уже давно было замѣчено, существуетъ въ значительномъ числѣ случаевъ большое сходство въ чертахъ мужа и жены, которое очевидно болѣе всего зависитъ отъ психической ассимиляціи путемъ взаимовнушенія обоихъ лицъ, находящихся въ сожительствѣ, нежели отъ другихъ причинъ. Хотя и нельзя отрицать также и вліянія подбора лицъ съ извѣстными чертами лица между брачущимися, но тотъ фактъ, что упомянутое сходство въ чертахъ лица отмѣчается съ особенной частотой въ давнихъ бракахъ говоритъ за то, что первенствующую роль здѣсь играетъ взаимное вліяніе супруговъ другъ на друга путемъ взаимовнушенія. Въ счастливыхъ бракахъ это сходство чертъ лица встрѣчается повидимому еще чаще, нежели въ массѣ всѣхъ вообще браковъ.

Но нѣтъ ничего убѣдительнѣе въ смыслѣ непосредственной пе-

редачи психическихъ состояній отъ одного лица къ другому, какъ передача патологическихъ явленій.)

Всякому извѣстно, что истерика, случившаяся въ обществѣ, можетъ повлечь за собою рядъ другихъ истерикъ; съ другой стороны заиканіе и другія судорожныя формы легко передаются предрасположеннымъ субъектамъ совершенно непосредственно, путемъ невольнаго и незамѣтнаго прививанія или внушенія.

Отличнымъ примѣромъ этого можетъ служить слѣдующій случай, бывшій во время американскихъ душевныхъ эпидемій, извѣстныхъ подъ именемъ возрожденія: „джентельменъ и лэди, достаточно извѣстные въ фешенебельномъ обществѣ, были привлечены на полевой митингъ въ Cave Ridge. По дорогѣ туда они дѣлали много презрительныхъ замѣчаній по адресу бѣдныхъ, потерявшихъ голову созданій, валявшихся съ воплями въ грязи и въ шутку обѣщали другъ другу помогать, если кѣмъ-нибудь изъ нихъ овладѣютъ конвульсіи. Недолго они посмотрѣли на странную сцену, происходившую передъ ними, какъ молодая женщина потеряла сознаніе и упала на землю. Ея спутникъ, забывъ свое обѣщаніе, тотчасъ ее покинулъ и бросился бѣжать изо всѣхъ силъ. Но бѣгство не спасло его. Еще не удалившись на 200 ярдовъ онъ тоже упалъ въ конвульсіяхъ“ [1]).

Другой примѣръ: во времена Екатерины великой въ Воронежской губерніи произошелъ случай укушенія бѣшеной собакой. Нѣсколько времени спустя во время пира на свадьбѣ одного изъ его знакомыхъ на глазахъ съ нимъ развился припадокъ водобоязни. Вскорѣ и у многихъ изъ присутствующихъ (у 58 мужчинъ и 41 женщины) стали обнаруживаться подобные же припадки: у всѣхъ появилась тоска, сильная головная боль, безотчетный страхъ, стремленіе къ бѣганію, затѣмъ у большинства развилось слюнотеченіе, безсонница и даже полная потеря здраваго смысла. Въ концѣ концовъ всѣ вскорѣ вполнѣ выздоровѣли, кромѣ дѣйствительно укушеннаго.

Не менѣе поучительные случаи мы имѣемъ въ массовыхъ самоубійствахъ и въ такъ называемыхъ случаяхъ наведеннаго или, точнѣе, прививного помѣшательства (folie à deux). Въ тѣхъ и другихъ случаяхъ дѣло идетъ о дѣйствіи внушенія, благодаря которому и происходитъ зараза самоубійствъ съ одной стороны и съ другой передача болѣзненныхъ психическихъ состояній отъ одного лица другому. Извѣстны примѣры, когда случаи прививного помѣшатель-

---

[1]) Prof. D. W. Lindel. Epidemic convulsion. Brain. October, 1887.

ства, изслѣдованнаго подробно Lassegue'омъ и Falret, Legrand du Saull'омъ, Schman'омъ, Regis'омъ, Marandon'омъ, Promier'омъ, Яковенко, Агаджаньянцомъ (изъ нашей клиники) и мн. друг. наблюдались иногда даже въ цѣлой семьѣ, состоящей изъ 4-хъ, 5-ти и даже 6 и 8 лицъ. Въ литературу занесенъ даже случай, гдѣ 13 человѣкъ одной и той же семьи были поражены однородными идеями преслѣдованія. Подобные случаи представляютъ уже настоящую психическую семейную эпидемію.

Съ другой стороны психіатрамъ давно извѣстенъ фактъ, что при совмѣщеніи душевно-больныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ происходитъ заимствованіе бреда одними больными отъ другихъ и въ такомъ случаѣ бредъ больныхъ иногда соотвѣтственнымъ образомъ видоизмѣняется, въ силу чего и случаи эти получаютъ названіе видоизмѣненнаго помѣшательства (folie transformée).

Даже здоровыя лица иногда усваиваютъ бредъ больныхъ (Solder, Moreau, Morel, Baillarger и др.).

Само собой понятно, что наилучшимъ средствомъ устраненія такого заимствованнаго бреда является немедленное разъединеніе лицъ, вліяющихъ другъ на друга, т. е. устраненіе того самого момента, который и создаетъ условія взаимовнушенія, приводящія къ усвоенію бреда однимъ лицомъ отъ другого.

Коллективныя или массовыя иллюзіи и галлюцинаціи.

Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ дѣло идетъ о такихъ патологическихъ случаяхъ, которые отличаются особой воспріимчивостью къ психическимъ вліяніямъ со стороны другихъ лицъ. Однако мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ передача психической инфекціи представляется крайне облегченною и среди совершенно здоровыхъ лицъ.

Особенно благопріятными условіями для такой передачи являются господствующія среди многихъ лицъ настроенія одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты, развивающіеся въ періоды воодушевленія народныхъ массъ и общаго психическаго возбужденія, связаннаго съ опредѣленной надеждой или ожиданіемъ. Идея, сама по себѣ по словамъ Ribot, являясь извѣстнымъ фактомъ сознанія, ничего не производитъ и ничего не можетъ произвести. Она дѣйствуетъ только въ томъ случаѣ, если она прочувствована, если существуетъ переживаемое состояніе, которое ее сопровождаетъ, и если

она возбуждаетъ стремленіе, т. е. двигательные элементы. По словамъ Vigouroux et Juquelier „чѣмъ болѣе значительна эмоціональная сторона идеи, тѣмъ болѣе она контагіозна. Благодаря упомянутымъ условіямъ развиваются между прочимъ иллюзіи и галлюцинаціи тождественнаго характера у многихъ лицъ одновременно.

Эти коллективныя или массовыя галлюцинаціи, случающіяся при извѣстныхъ условіяхъ, представляютъ собою одно изъ интереснѣйшихъ психологическихъ явленій. То и дѣло въ семейныхъ хроникахъ можно слышать разсказы о видѣніи умершихъ родственниковъ цѣлой группой лицъ.

Извѣстенъ разсказъ о хромомъ поварѣ на кораблѣ, который неожиданно скончался, что поразило всѣхъ пассажировъ корабля. Были произведены обычные въ такихъ случаяхъ морскія похороны, т. е. трупъ былъ спущенъ въ море и вечеромъ того же дня многіе изъ пассажировъ видѣли умершаго повара, идущаго за кораблемъ и ковыляющаго на одну ногу. Нечего и говорить, что всѣхъ это повергло въ неописанный страхъ и что многіе пассажиры провели тревожную ночь. На утро дѣло разъяснилось. Вмѣсто повара оказался обрубокъ дерева, привязанный къ кормѣ корабля.

Разсказываютъ, что въ прежнее время, когда корабли двигались подъ парусами и когда подъ тропиками ихъ заставалъ штиль и они должны были долгое время оставаться въ безбрежномъ пространствѣ во время страшнаго зноя, у пассажировъ иногда развивались массовыя иллюзіи и галлюцинаціи, при чемъ имъ нерѣдко казалась вблизи земля съ необычайно красивыми видами и живописными очертаніями береговъ и даже нерѣдко бывали случаи выбрасыванія пассажировъ за бортъ корабля.

Одинъ изъ интересныхъ примѣровъ массовыхъ иллюзій и галлюцинацій представляетъ между прочимъ случай, происшедшій съ французскими военными судами въ 1846 году. Фрегатъ „Belle-Poule“ и корветъ „Berceau“ были застигнуты страшнымъ ураганомъ близъ острововъ Соединенія. Первый изъ нихъ вынесъ ураганъ благополучно, но потерялъ изъ виду корветъ „Berceau“, и считая безполезнымъ разыскивать его въ открытомъ океанѣ, направился къ условленному заранѣе пункту встрѣчи у восточнаго берега Мадагаскара, къ острову Св. Маріи. Здѣсь корвета не оказалось, при чемъ всѣ поиски его вблизи острова были безплодными. Естественно, что вслѣдъ за этимъ начался для экипажа „Belle-Poule“ мучительный періодъ ожиданія. Каждый день приносилъ все болѣе и болѣе безпокойства за судьбу несчастнаго корвета, экипажъ котораго состоялъ изъ 300 человѣкъ.

Въ такомъ мучительномъ ожиданіи прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Наконецъ однажды въ жаркій солнечный день послѣ полудня сигналистомъ, сидѣвшимъ на мачтѣ, былъ замѣченъ на западѣ вблизи берега корабль, лишенный мачтъ. Весь экипажъ устремилъ свои взоры на указанный пунктъ и убѣдился, что сообщеніе сигналиста было вѣрно.

Само собою разумѣется, что это событіе взволновало всѣхъ, при чемъ волненіе достигло еще большей степени, когда всѣ увидѣли предъ собой не разбитый корабль, а плотъ, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, съ которыхъ подавали сигналы о гибели. Это видѣніе продолжалось нѣсколько часовъ, при чемъ съ каждой минутой выяснялись все болѣе и болѣе ужасающія подробности этой сцены. На помощь погибавшимъ по приказу командира былъ тотчасъ же отправленъ стоявшій на рейдѣ крейсеръ „Archimède“. День уже приходилъ къ концу и начинала спускаться южная ночь, когда „Archimède“ подошелъ къ мѣсту своего назначенія. Надо замѣтить, что все это время экипажъ крейсера „Archimède“ видѣлъ погибавшихъ на плотѣ людей; были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плескомъ веселъ. Эта поразительная иллюзія разсѣялась лишь тогда, когда спущенныя съ крейсера шлюпки подошли къ предмету, принятому за плотъ съ людьми и оказавшемуся массой вырванныхъ съ берега огромныхъ деревьевъ, принесенныхъ сюда теченіемъ. Вмѣстѣ съ этимъ надежда видѣть пассажировъ разбитаго корвета „Berceau“ окончательно погибла и самая ихъ судьба покрылась густымъ мракомъ неизвѣстности.

Нечего и говорить, что въ развитіи этой массовой иллюзіи такъ сказать сквозитъ вліяніе внушенія. Несомнѣнно, что бѣдствія, пережитыя въ морѣ, сильно возбудили нервы пассажировъ крейсера „Belle-Poule“ и „Archimède“; а безпокойство и страхъ за участь 300 сотоварищей, бывшихъ на „Berceau“, много содѣйствовали извѣстному направленію умовъ. Естественно, что мысли всѣхъ сосредоточивались на предположеніи возможной гибели своихъ несчастныхъ сотоварищей. Всѣ разговоры сводились къ одной и той же темѣ. Въ такое-то время сигналистъ замѣчаетъ на горизонтѣ въ сторонѣ солнечнаго заката странный предметъ съ неясными очертаніями и подъ вліяніемъ мысли о крушеніи корвета въ его глазахъ возсоздается образъ послѣдняго. Однихъ его словъ, что вдали виднѣется разбитый корабль, было достаточно, чтобы внушить всѣмъ одну и ту же иллюзію. Далѣе идетъ развитіе той же самой внушенной иллюзіи. При обмѣнѣ мыслей о видимомъ предметѣ всѣ соглашаются, что это

не разбитый корабль, а плотъ, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, съ которыхъ раздаются сигналы бѣдствія. Такая общая иллюзія и галлюцинація длится до тѣхъ поръ, пока посланныя шлюпки не врѣзались въ густую листву плавающихъ деревьевъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что подобныя же явленія возможны и въ другихъ случаяхъ и можетъ быть даже случаются чаще, чѣмъ обыкновенно принимаютъ. Вѣроятно многіе еще помнятъ, что при обострившихся отношеніяхъ Россіи съ Германіей начались странные полеты въ Россію прусскихъ воздушныхъ шаровъ. Цѣлыя массы лицъ свидѣтельствовали объ одновременномъ видѣніи этихъ шаровъ многими лицами, несмотря на то, что тогдашняя аэронавтика не давала основанія вѣрить въ дѣйствительность этихъ полетовъ. Въ виду этого не безъ основанія была высказана мысль, что эти полеты прусскихъ шаровъ относились къ области массовыхъ галлюцинацій, обусловленныхъ направленіемъ умовъ въ сторону возможныхъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи со стороны Германіи.

Не повторилась ли та же исторія съ шаромъ Андре, улетѣвшимъ къ сѣверному полюсу? Сколько было получено въ свое время телеграммъ изъ разныхъ концовъ сѣвернаго полушарія о видѣніи шара Андре цѣлой массой лицъ. Не имѣлось ли здѣсь дѣло съ массовой иллюзіей или галлюцинаціей подобно тому, какъ это было повидимому съ прусскими воздушными шарами? Такое объясненіе по крайней мѣрѣ напрашивается само собою, когда читаешь мельчайшія подробности о видѣніи шара Андре нѣсколькими лицами той или другой мѣстности.

Не менѣе извѣстны историческіе примѣры коллективныхъ галлюцинацій. Къ числу такихъ галлюцинацій относится между прочимъ видѣніе небесной рати однимъ отрядомъ русскихъ войскъ предъ Куликовской битвой, видѣніе крестоносцами закованной въ латы и нисходящей съ неба небесной рати подъ предводительствомъ свв. Георгія, Дмитрія и Теодора, видѣніе свѣтлаго рыцаря на Елеонской горѣ, махающаго крестомъ, во время штурма Іерусалима, извѣстное видѣніе креста на небѣ съ надписью „симъ побѣдишь", испытанное Константиномъ Великимъ и его свитой предъ началомъ рѣшительной битвы [1]) и мн. др.

[1]) По поводу этой галлюцинаціи довольно распространено мнѣніе, что видѣніе испытано было Константиномъ Великимъ вмѣстѣ съ войсками, тогда какъ позднѣйшія историческія изслѣдованія подтверждаютъ лишь фактъ, что видѣніе на самомъ дѣлѣ было испытано лишь Константиномъ Великимъ и его свитой.

Средніе вѣка вообще богаты случаями коллективныхъ видѣній преимущественно религіознаго характера, что вполнѣ объясняется тѣмъ религіознымъ воодушевленіемъ, которое легко распространялось въ эту эпоху на массу лицъ одновременно при соотвѣтственныхъ случаяхъ [1]).

Массовыя религіозныя видѣнія случались неоднократно и въ позднѣйшее время. Такъ, въ періодъ тяжелой холерной эпидеміи въ 1885 году жители деревни Корано близъ Неаполя начали видѣть Мадонну молящуюся за спасеніе людей, въ черномъ одѣяніи, на ближайшемъ холмѣ, гдѣ стояла часовня. Слухъ объ этомъ происшествіи быстро распространился по окрестностямъ и въ Корано началъ стекаться народъ. Видѣніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока правительство не предприняло рѣшительныхъ мѣръ противъ дальнѣйшаго распространенія этой эпидемической галлюцинаціи. Часовня была перенесена на другое мѣсто, холмъ же былъ занятъ отрядомъ карабинеровъ, послѣ чего видѣніе прекратилось (Verga).

Извѣстна также галлюцинаторная эпидемія, развившаяся въ средѣ крестьянъ Прирейнской провинціи во время Франко-Прусской войны и выразившаяся массовыми видѣніями религіознаго и военнаго содержанія, какъ напр. видѣніями на конькахъ крышъ, на стеклахъ и другихъ предметахъ изображеній Мадонны, распятія, зуавовъ, пушекъ и т. п. (Despine. De la folie, 1875).

Далѣе извѣстно массовое развитіе иллюзій и галлюцинацій во время сектантскихъ радѣній. Еще недавно такого рода коллектив-

---

[1]) Извѣстное видѣніе шведскаго короля Карла XI, которому приписывали даже пророческое предзнаменованіе по отношенію къ одному изъ его потомковъ Густаву III, погибшему отъ руки Анкерстрема, также нѣкоторыми признается за коллективную галлюцинацію въ виду того, что подъ сохранившимся до нашихъ дней описаніемъ короля своего видѣнія подписались, подтверждая своею клятвою вѣрность происшедшаго, и присутствовавшія при этомъ событіи въ качествѣ свидѣтелей лица, какъ-то: Карлъ Біелке (канцлеръ), Н. В. Біелке (совѣтникъ) и Петръ Граусленнъ (вице-вагенмейстеръ). Но, если вѣренъ русскій переводъ этого документа, которымъ мы пользовались, то нельзя не замѣтить, что онъ даетъ возможность и такого толкованія, что эти лица своею клятвою удостовѣряютъ лишь то, что Его Величество описалъ, подтверждая такимъ образомъ его разсказъ о событіи, но они не удостовѣряютъ, что они сами вмѣстѣ съ королемъ видѣли все то, что видѣлъ и король, вслѣдствіе чего мы думаемъ, что эта замѣчательная во всѣхъ отношеніяхъ историческая галлюцинація короля Карла XI не можетъ быть по нашему мнѣнію разсматриваема, какъ массовая или коллективная галлюцинація.

ные обманы обонянія были описаны во время радѣній секты молёванцевъ на югѣ Россіи. „Случалось, что въ присутствіи комиссіи, посѣщавшей молеванцевъ, особенно среди религіознаго и молитвеннаго настроенія многіе изъ присутствовавшихъ молёванцевъ одни за другими начинали жадно обнюхивать свои руки, свое платье, окружающій воздухъ и прочіе предметы, ища источника пріятныхъ запаховъ, которыми, какъ имъ казалось, наполнено было помѣщеніе. По разсказамъ всѣхъ, имѣвшихъ обонятельныя галлюцинаціи, запахи были пріятны. Одни называли ихъ сладкими, другіе ароматическими, иные—неземными, божественными, иные наконецъ выражались: „пахнетъ Св. Духомъ“ [1]).

Недавно былъ описанъ [2]) также случай массовой иллюзіи въ Неаполѣ, состоявшій въ томъ, что жители одного изъ кварталовъ заявили, что они видѣли изваяніе Мадонны, проливавшей кровавыя слезы. Убѣжденіе въ дѣйствительности происшествія было столь сильно, что толпа даже избила священника, который при описаніи происшедшаго сталъ увѣрять, что видѣнная Мадонна есть продуктъ фантазіи.

По словамъ врача нашей клиники д-ра В. И. Никитина во время недавнихъ религіозныхъ празднествъ въ Саровѣ на глазахъ его произошла слѣдующая характерная массовая галлюцинація:

Въ одномъ колодцѣ многіе изъ богомольцевъ стали видѣть предметъ своего поклоненія—о. Серафима—такъ, какъ онъ обыкновенно изображался на иконахъ; нѣкоторые видѣли даже, что о. Серафимъ производилъ движеніе своей рукой. Такое видѣніе, испытанное большимъ количествомъ богомольцевъ одновременно, продолжалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, пока одна только-что подошедшая къ колодцу богомолка, которая не была освѣдомлена о предметѣ видѣнія въ колодцѣ, на вопросъ—видитъ ли она что-нибудь въ глубинѣ послѣдняго, отвѣтила рѣшительно, что ничего не видитъ, кромѣ камней и мусора, лежащихъ на днѣ колодца. Съ этого момента массовая галлюцинація быстро разсѣялась.

Подобныя видѣнія объяснимы только съ точки зрѣнія взаимовнушенія совершенно невольнаго со стороны однихъ лицъ на другихъ.

Когда господствуетъ въ населеніи или въ группѣ лицъ то или

---

[1]) И. Сикорскій. Психопатическая эпидемія 1892 г. въ Кіевской губерніи. Кіевъ. 1893.

[2]) См. Revue de l'hypnotisme 1903. Août. 18 année № 2, стр. 63.

другое настроеніе и когда мысль работаетъ въ извѣстномъ направленіи, тогда у того или другого лица особенно съ психической неуравновѣшенностью легко появляются обманы чувствъ въ формѣ иллюзій, по содержанію отвѣчающіе настроенію и направленію его мысли, которые тотчасъ же путемъ невольнаго внушенія словеснаго или иного сообщаются и другимъ лицамъ, находящимся въ одинаковыхъ психическихъ условіяхъ, превращаясь даже въ настоящую галлюцинацію.

Возможно впрочемъ, что и у нѣсколькихъ лицъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ психическаго возбужденія, поглощенныхъ одною и тою же мыслью тотъ или другой внѣшній поводъ даетъ начало коллективной иллюзіи, которая затѣмъ уже быстро распространяется и на другихъ, благодаря невольному внушенію или психической заразѣ, которая въ этомъ случаѣ почти никогда не отсутствуетъ.

Особенно поучительнымъ въ этомъ отношеніи по сопутствующимъ обстоятельствамъ намъ кажется разсказъ очевидца, переданный въ „Развѣдчикѣ", о массовой галлюцинаціи, случившейся въ ночь со 2 на 3 іюня въ Андижанскомъ гарнизонѣ вскорѣ послѣ извѣстной рѣзни 18 мая: „Андижанскій гарнизонъ изнемогалъ подъ бременемъ все возраставшихъ трудностей караульной службы. Арестованные росли въ числѣ съ каждымъ часомъ; конвойная служба и дальнія развѣдки поглощали ежедневно всю андижанскую конницу; справедливо опасались возможной вспышки фанатизма къ близившемуся моменту казни: бродили слухи, что туземцы готовы ринуться выручать своихъ святыхъ коноводовъ и вожаковъ, при чемъ многочисленнымъ толпамъ головорѣзовъ, казалось, легко было бы стереть съ лица земли андижанскую горсточку русскихъ людей, среди которыхъ находились также временно командующій войсками со свитой и высшія военно-судебныя лица.

Если тѣмъ, кто зналъ полностью андижанскія обстоятельства, положеніе рисовалось далеко не въ розовомъ свѣтѣ, представьте же себѣ тѣхъ, до которыхъ все это достигало въ раздутыхъ до химеричности формахъ, и вы себѣ легко представите состояніе темной солдатской среды.

Особенно усердными поставщиками разныхъ нелѣпостей въ солдатскую среду были денщики.

Ночь, когда случилась въ Андижанѣ тревога, была темная-претемная южная ночь, пасмурная. Ей предшествовалъ дождь, кажется съ грозой.

Вновь прибывшіе стрѣлки были расположены въ казармахъ и въ лагеряхъ. Казармы тогда еще слабо освѣщались внутри, а бараки почти такъ же, какъ въ роковую ночь 18-го мая, т. е. весьма скудно. Все остальное пространство и города и окрестностей тонуло въ густѣйшемъ мракѣ. Фонари въ городѣ Андижанѣ не зажигались на эту ночь по славному русскому обычаю не зажигать ихъ, если по расписанію полагается луна, хотя бы ее скрывали тучи (sic!).

Было за полночь. Солдаты и въ казармахъ, и въ лагеряхъ спали въ повалку, крѣпко держа ружья и ощупывая въ просонкахъ патроны. Тишина царствовала по истинѣ удручающая и томящая.

Вдругъ откуда-то издалека долетѣлъ какой-то неясный шумъ, заставившій всѣхъ насъ вздрогнуть, а черезъ секунду ужаснуться, а потомъ ахнуть, ибо шумъ все росъ, росъ... вотъ—уже это гомонъ толпы, вотъ вырываются отдѣльные дикіе крики, потомъ цѣлые снопы криковъ, визговъ, воплей.

Потомъ ко всему этому присоединилось „ура", сперва рѣдкое, потомъ громкое, потомъ громовое... побѣдное „ура"... „Ура" все росло, охватывая лагерь, казармы.

Вдругъ затрещала ружейная пальба. Свидѣтель пришелъ въ лагерь, когда еще одинъ дневальный, приложившись, пускалъ послѣдній зарядъ въ догонку убѣгавшему врагу. Въ эту минуту всѣ остальные люди стояли, уже построившись въ своихъ баракахъ-навѣсахъ, старательно оглядываемые и успокаиваемые своими начальниками. Каждый откровенно говорилъ, куда онъ палилъ и сколько разъ, но откуда пошла стрѣльба и тревога, никто толкомъ не зналъ ни въ лагеряхъ, ни на постахъ.

Между тѣмъ причиной ложной тревоги было то, что раненый въ бреду вскочилъ и съ воплями пустился бѣжать: послѣ того повскакали также и всѣ остальные раненые.

Охотничья команда, ближайшая къ лазарету, моментально разбуженная, схватила ружья и съ криками „ура!" бросились на выручку своихъ раненыхъ.

Это всколыхнуло лагерь! Люди стали вскакивать, напяливать на себя, что попало, загалдѣли, заорали. Гаркнули „ура", которое, разростаясь и перекатываясь, докатилось до отдаленнѣйшихъ уголковъ гарнизона.

Потомъ кто-то бухнулъ въ темноту изъ винтовки и массовая галлюцинація выросла во всей своей красѣ — всѣ видѣли, слышали и стрѣляли врага. Люди сдѣлались глухи на секунду къ голосу начальниковъ, къ сигналамъ".

Къ счастью все обошлось безъ потерь, если не считать нѣсколькихъ ушибовъ и царапинъ.

Послѣдняя русско-японская война давала много примѣровъ развитія массовыхъ иллюзій и галлюцинацій, особенно въ ночное время. Здѣсь предметы, неясно различимые на разстояніи, для цѣлой массы лицъ казались живыми фигурами непріятеля или его сооруженіями. Ночь проводилась отрядами подъ постояннымъ опасеніемъ внезапнаго нападенія непріятеля, тогда какъ на утро причина массовой иллюзіи или галлюцинаціи разъяснялась вполнѣ и люди только удивлялись, какъ и почему они были вовлечены въ заблужденіе.

То же самое явленіе повидимому относится одинаково къ обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ. По крайней мѣрѣ доподлинно извѣстно, что въ періодъ блокады Портъ-Артура по словамъ „Chefad Press" японцы въ теченіе одного іюня и іюля трижды описывали гибель корабля „Діаны", вслѣдствіе ихъ минныхъ атакъ[1]), что можно объяснить только массовой иллюзіей.

Во время той же русско-японской войны, когда роль нашей Владивостокской эскадры въ первоначальный періодъ военныхъ дѣйствій сводилась къ набѣгамъ на непріятельскіе берега, она сдѣлалась въ глазахъ японцевъ въ буквальномъ смыслѣ слова вездѣсущей. Корреспонденты то и дѣло сообщали, что видѣли эскадру въ томъ или другомъ мѣстѣ, когда она спокойно пребывала въ портѣ и чинилась. Ее видѣли въ Чемульпо, въ Корейскомъ проливѣ, при берегахъ сѣверной Японіи, въ Сунгарскомъ проливѣ и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ.

Должно имѣть въ виду, что во всѣхъ позднѣйшихъ описаніяхъ массовыхъ обмановъ чувствъ болѣе точныхъ, чѣмъ описаніе прежнихъ историческихъ событій, сопровождавшихся массовыми обманами чувствъ, въ сущности дѣло идетъ объ иллюзіяхъ, а не о галлюцинаціяхъ. Всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣется какой-либо внѣшній поводъ, который и является первоначальнымъ источникомъ иллюзіи сначала для одного или нѣсколкихъ лицъ, а затѣмъ и для многихъ. Лишь при дальнѣйшемъ возбужденіи населенія первоначальныя иллюзіи могутъ послужить поводомъ и къ развитію массовыхъ галлюцинацій.

---

[1]) См. „Русь", 6 янв. 1907.

Стереотипные обманы чувствъ и значеніе самовнушенія.

Съ той же точки зрѣнія слѣдуетъ объяснить и стереотипные обманы чувствъ, свойственные лишь извѣстнымъ семьямъ, въ которыхъ этимъ галлюцинаціямъ придаютъ то или другое большею частью роковое значеніе.

Извѣстно, что въ Габсбургскомъ домѣ напримѣръ такою галлюцинаціею, которой придаютъ значеніе предвѣстника смерти, является видѣніе черной женщины. Появленіе этой женщины уже издавна считается вѣрнымъ вѣстникомъ приближенія чьей-либо кончины и передается изъ устъ въ уста въ видѣ семейной или родовой внушенной идеи, которая и олицетворяется при соотвѣтствующихъ случаяхъ въ формѣ стереотипной галлюцинаціи. Имѣются указанія, что въ берлинскомъ домѣ подобное же значеніе предвѣстника смерти играетъ видѣніе бѣлой женщины.

Точно также довольно распространено мнѣніе, что видѣніе своего двойника имѣетъ дурное предзнаменованіе и чаще всего является будто бы предвѣстникомъ смерти. И дѣйствительно въ нѣкоторыхъ семьяхъ видѣніе двойника часто предшествовало смерти.

Изрѣдка въ тѣхъ или другихъ семьяхъ можно встрѣтиться и съ другого рода внушенными идеями, которыя также играютъ немаловажную роль въ жизни членовъ данной семьи. Я имѣлъ свѣдѣнія напримѣръ объ одной семьѣ, въ которой изъ роду въ родъ передавались боязнь къ огню изъ-за возможности погибнуть отъ него и дѣйствительно многіе изъ членовъ семьи погибли отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ или даже отъ самоубійства путемъ самосожженія. Въ другомъ роду удерживалось представленіе, что смерть его членовъ происходитъ отъ огнестрѣльнаго оружія путемъ ли самоубійства или той или другой случайности и оказалось дѣйствительно, что даже послѣдніе потомки этого рода, не смотря на страшную боязнь, проявляемую ими къ огнестрѣльному оружію, погибали отъ выстрѣловъ изъ ружья или револьвера или совершенно случайно, или намѣренно въ формѣ самоубійства.

Слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ подобнаго рода случаяхъ на помощь внушенію идетъ нерѣдко и самовнушеніе, подъ которымъ мы понимаемъ прививаніе психическихъ состояній, обусловленное не посторонними вліяніями, а внутренними поводами, источникъ которыхъ находится въ личности самого больнаго, подвергающаго самовнушенію.

Всякій знаетъ, что человѣкъ можетъ настроить себя на грустный или веселый ладъ, что онъ можетъ при извѣстныхъ случаяхъ развить воображеніе до появленія иллюзій и галлюцинацій, что онъ можетъ даже вселить въ себя то или другое убѣжденіе. Это и есть самовнушеніе, которое подобно внушенію и взаимовнушенію не нуждается въ логикѣ, а напротивъ дѣйствуетъ нерѣдко даже вопреки всякой логикѣ.

Кому неизвѣстно, что достаточно дать волю своему воображенію и оно готово рисовать всевозможные страшные образы въ темнотѣ ночи, несмотря на то, что мы можемъ быть твердо убѣждены, что ничего страшнаго на самомъ дѣлѣ не существуетъ.

Но это только одинъ изъ слабыхъ примѣровъ дѣйствія самовнушенія, которое въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ приводить къ настоящимъ обманамъ чувствъ.

Надо думать, что и стереотипное видѣніе черной женщины передъ смертью въ домѣ Габсбурговъ получаетъ объясненіе не въ одномъ только взаимовнушеніи, но быть можетъ и въ самовнушеніи, невольно настраивающемъ воображеніе въ опредѣленномъ направленіи. Путемъ невольнаго самовнушенія повидимому могутъ быть объяснены и нѣкоторыя другія темныя психическія явленія, какъ напр. предчувствіе.

Извѣстно также, что самовнушеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобно гипнотическому внушенію можетъ обнаруживать рѣзкое вліяніе на сосудодвигательную и растительную сферы организма. Сюда относится занесенный въ литературу случай омертвенія нѣсколькихъ пальцевъ руки у матери, которая дверью отдавила пальцы той же руки у своего ребенка. Этимъ же путемъ между прочимъ объясняются различныя стигматы и даже періодическія кровеизліянія изъ тѣхъ областей тѣла, изъ которыхъ сочилась кровь у распятаго Христа, какъ показываетъ извѣстный въ медицинской литературѣ и тщательно провѣренный видными научными авторитетами примѣръ Луизы Лато. Съ другой стороны врачамъ ближе, чѣмъ кому-либо, извѣстно, какъ много патологическихъ импульсовъ и стремленій у нервныхъ лицъ обязаны своимъ происхожденіемъ самовнушенію.

Но мы отвлеклись бы далеко въ сторону отъ главнаго предмета нашей бесѣды, если бы задались цѣлью подробнѣе разъяснить только что указанныя явленія нашей психической жизни.

Внушеніе, какъ факторъ въ массовыхъ самоистребительныхъ актахъ русскихъ сектантовъ и эпидеміи самоубійствъ.

Путемъ невольнаго внушенія, взаимовнушенія и самовнушенія безъ труда объясняются и многія своеобразныя стороны сектантства, выражающіяся въ крайне грубыхъ формахъ.

Кто не помнитъ изувѣрства Тираспольскихъ безпоповцевъ, еще такъ недавно проявившагося погребеніемъ и замуравливаніемъ живьемъ въ подземельяхъ 25-ти человѣкъ съ ихъ собственнаго согласія и желанія. Читая описаніе этого потрясающаго событія, предъ которымъ блѣднѣетъ всѣмъ извѣстный аскетизмъ буддистовъ, невольно приходишь къ выводу, что эти сектанты такъ спокойно шли на вѣрную смерть лишь въ силу укоренившейся путемъ внушенія и самовнушенія идеи о переселеніи вмѣстѣ съ этимъ погребеніемъ въ лоно праведныхъ.

Ковалевъ, выполнившій этотъ обрядъ погребенія въ Терновскихъ хуторахъ надъ всѣми сектантами, въ числѣ которыхъ были его мать, дочь и жена, самъ очевидно также находился подъ внушеніемъ со стороны монахини скитницы Виталіи, которая отдавала ему свои повелѣнія даже въ то время, когда уже находилась въ числѣ 6-ти человѣкъ въ подземной нишѣ и была забрасываема землею.

Безспорно, что убѣжденія раскольниковъ, признающихъ народную перепись за антихристову запись, за отчужденіе отъ Христа и отъ истинной христіанской вѣры, создаютъ почву для самоистребительныхъ стремленій; но отсюда до массоваго самосожженія, какъ это случалось уже не однажды съ нашими раскольниками, до закапыванія въ землю или до такъ называемаго запощенія или до уморенія себя голодомъ еще далеко.

Надо однако замѣтить, что раскольничья среда въ скитахъ, въ нѣкоторомъ отчужденіи отъ внѣшняго міра, при постоянномъ постѣ и молитвахъ представляетъ собою крайне благопріятныя условія для поддержанія и развитія религіознаго фанатизма. При этихъ-то условіяхъ самоистребительная проповѣдь и находитъ себѣ благодарную почву. Эта проповѣдь дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ не столько путемъ убѣжденія, сколько силой внушенія и взаимовнушенія, что и приводитъ къ окончательному рѣшенію „соблюсти благочестіе безъ отступленія“, согласно выраженію самихъ раскольниковъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ Терновскихъ проис-

шествіяхъ роль главнаго вожака играла Виталія, которая, дѣйствуя первоначально по убѣжденію, въ значительной мѣрѣ укрѣпляла себя въ проповѣднической роли, благодаря самовнушенію. Общая атмосфера скита во время бывшей переписи, постоянные толки и обсужденія послѣдней въ скитѣ, общая тревога и страхъ за послѣдствія переписи поддерживали и укрѣпляли между членами скита путемъ взаимовнушенія мысль о необходимости закопаться или запоститься; исполнитель же закапываній Ковалевъ, какъ человѣкъ недалекій, находился подъ внушеніемъ, какъ Виталіи, такъ и другихъ лицъ, поддерживавшихъ общее настроеніе раскольничьяго скита. Съ рождественскаго поста (съ филипповки, говоритъ профессоръ Сикорскій[1]), безпокойное настроеніе Терновскихъ скитниковъ и хуторянъ значительно усилилось, проводились нерѣдко то въ той, то въ другой семьѣ безсонныя ночи въ безполезныхъ причитаніяхъ и самоустрашеніяхъ и посылавшіяся къ Виталіи за разъясненіями женщины, подростки и дѣти, иногда самъ Федоръ Ковалевъ и другіе, возвращались отъ нея съ увѣреніями о скоромъ пришествіи антихриста, объ имѣющихъ наступить войнахъ и о томъ, что признакомъ всѣхъ грядущихъ бѣдъ является совершившееся будто бы недавно снятіе кровли съ Іерусалимскаго храма. Вмѣстѣ съ тѣмъ говорилось, что народная перепись — это печать антихриста и внесеніе человѣка въ перепись равносильно наложенію этой печати и вѣчной погибели человѣка. Тогда уже Виталія давала совѣтъ запоститься, не дожидаясь, что будетъ дальше. „Наиболѣе гибельнымъ оказывалось вліяніе Виталіи на полувзрослыхъ дѣтей, въ особенности на 13-ти лѣтнюю дочь Фомина Прасковью. Эта дѣвочка-подростокъ была одной изъ самыхъ близкихъ лицъ къ Виталіи, почти постоянно у нея бывала, служила посредницей между Виталіей и хуторянами и въ этомъ смыслѣ играла болѣе существенную роль, чѣмъ большая часть взрослыхъ. Вліяніе этой дѣвочки отражалось и на Анюшѣ Ковалевой (женѣ Федора Ковалева). И вотъ однажды раньше, чѣмъ кто-нибудь другой, дѣвочка Фомина произнесла слова: „тамъ (т. е. въ острогѣ) будутъ рѣзать, мучить, лучше въ яму закопаться“. Въ отвѣтъ на это ея мать Домна патетически сказала: „хорошо ты, Пашенька, вздумала и я съ тобой!“

Наибольшій интересъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ періодъ времени, предшествующій роковымъ событіямъ въ Терновскихъ хуторахъ. Поэтому поводу у проф И. Сикорскаго мы читаемъ слѣдующее:

[1]) Проф. И. Сикорскій „Вольныя смерти въ Терновскихъ хуторахъ“. Вопросы нервно-психической медицины. 1897.

„Всего за нѣсколько дней до рокового дня 23 декабря во время безсонной ночи, проведенной въ избѣ Фомина, обсуждался вопросъ о судьбѣ дѣтей въ случаѣ ожидавшагося заключенія взрослыхъ въ остроги. Такъ какъ предполагалось „запоститься въ острогѣ“, то нѣкоторые выразили мысль, что по смерти взрослыхъ дѣти будутъ крещены по православному. При этой вѣсти Анюша, державшая на рукахъ ребенка, крѣпко прижала его и произнесла слова: „не отдамъ ребенка на погибель, лучше пойду съ нимъ въ могилу“. Объ этихъ словахъ было немедленно доведено до свѣдѣнія Виталіи дѣвочкой Фоминой (дочерью Назара Фомина), а впослѣдствіи самимъ Ковалевымъ. Ковалевъ разсказываетъ, что Виталія, услышавши про слова Анюши, вопреки его ожиданію, не только не выразила его женѣ порицанія, но сказала: „это она хорошо придумала, это пророчество. Добро, что она это нагадала, ей первой будетъ спасеніе!“ И тутъ же Виталія строго сказала Ковалеву, что если онъ не согласится на Аннушкино рѣшеніе, то на него падетъ грѣхъ за три души (Ковалевъ понималъ: за душу жены и двухъ дѣтей). Эти слова сильно подѣйствовали на Федора Ковалева, но еще болѣе подѣйствовали подобныя же слова матери, съ которой, какъ видно, Виталія немедленно переговорила. Послѣ этого колебанія Федора исчезли и онъ присталъ къ рѣшенію жены. Съ этого времени мысль о могилѣ или, какъ выражается Ковалевъ, „о ямѣ“ овладѣла всѣми. „Въ яму!“ было всеобщимъ желаніемъ, въ особенности въ средѣ женщинъ. Съ этимъ временемъ по словамъ Ковалева совпадаетъ необыкновенно напряженная и спѣшная дѣятельность Виталіи. Она всѣхъ торопила, говоря: скорѣй, скорѣй! и стала принимать во всемъ не только распорядительное, но и исполнительное участіе, приготовляла погребальныя принадлежности, приглашала къ себѣ дѣтей и женщинъ“.

„И въ самомъ дѣлѣ изъ разсказа Федора Ковалева видно, что Виталія, рѣшившаяся вызвать къ себѣ сестру, съ пріѣздомъ ея сразу направила дѣло къ исполненію и проявила въ это время необычайную настойчивость и быстроту, которая удивила самого Ковалева. Она не щадила красокъ и сильныхъ словъ и не останавливалась ни предъ какими средствами; она говорила, что и антихристъ пришелъ, что конецъ міра наступитъ не то, что черезъ годъ — два, можетъ быть черезъ два — три дня, что тотъ, кто не захочетъ закопаться, дѣлаетъ пустой расчетъ въ какихъ-нибудь два—три лишнихъ дня жизни. Виталія приводила своими рѣчами всѣхъ въ совершенное отчаяніе. По словамъ Ковалева Виталія останавли-

валась на подробностяхъ страшной смерти, она не скрывала ея ужасовъ и говорила, что закопавшіеся проживутъ отъ одного дня до трехъ дней, не болѣе, но затѣмъ перейдутъ въ чертоги небесные. „Два — три дня мукъ, говорила она, ничего въ сравненіи съ муками вѣчными. Подумай, поясняла она каждому, можешь ли ты пересчитать дождевыя капли; сколько капель въ дождѣ, столько лѣтъ муки въ аду, лучше два — три дня въ ямѣ и небесное царствіе!“

Приведемъ здѣсь еще свѣдѣнія относительно положенія вещей непосредственно предъ самой катастрофой, разразившейся надъ первой группой заживо погребенныхъ:

„Ночь на 23 декабря проведена была намѣченными жертвами въ домѣ Назара Фомина. Сверхъ того здѣсь была Виталія, Поля младшая и монашка Таисія, извѣстная подъ именемъ Таисіи Рассейской, и слабоумный братъ Ковалева Дмитрій.

Въ разстояніи нѣсколькихъ аршинъ отъ дома вдоль боковой стѣны его идетъ тамъ погребъ, который въ эту ночь долженъ былъ сдѣлаться человѣческой могилой. Съ 7 или 8 часовъ вечера изба Фомина уже была наполнена людьми. Собравшіеся послѣ церковныхъ службъ, пѣсенъ, сопровождавшихся слезами и взаимнымъ прощаніемъ, спустились въ погребъ и здѣсь общими усиліями началось приготовленіе могилъ. Фоминымъ при участіи Федора Ковалева и Кравцова было пробито отверстіе въ задней стѣнѣ погреба и затѣмъ всѣ они трое начали рыть мину. Нѣсколько часовъ длилась работа и наконецъ была готова небольшая комнатка (мина) такихъ размѣровъ, что человѣкъ вдоль и поперекъ ея могъ свободно помѣститься въ лежачемъ положеніи; мина была 5 аршинъ длины и болѣе 2 аршинъ высоты въ средней части, такъ какъ была сводообразной формы и въ средней части ея человѣкъ могъ стоять почти не сгибаясь. Раньше, чѣмъ была изготовлена импровизированная могила, изъ дома Фоминыхъ нѣкоторые изъ оставшихся тамъ спустились въ погребъ и здѣсь почти всѣ, не исключая и Виталіи, принимали участіе въ приготовленіи могилы: кто рылъ, кто убиралъ землю. Всѣ были въ большомъ волненіи и всѣхъ торопила Виталія. Предъ роковымъ моментомъ всѣ жертвы одѣлись въ смертное платье. Послѣ общей похоронной службы, спѣтой всѣми, первой вошла въ приготовленную могилу Анюша съ двумя дѣтьми. „Слезы, молитвы, взаимныя прощанія и экстазъ, въ которомъ находились послѣднюю ночь всѣ рѣшившіеся „закопаться въ ямѣ“ были такъ велики и торопливость, съ которою шло все дѣло, была такъ необычна, что эти условія исключали для людей всякую возможность, хотя бы на ми-

нуту остановиться и подумать о страшномъ будущемъ, которое скоро должно было для нихъ наступить. Кромѣ Анюши Ковалевой и ея двухъ дѣвочекъ — грудной и трехлѣтней — въ могилу вошли Назаръ Фоминъ съ женой и тринадцатилѣтней дочерью Прасковьей, работникъ Фомина Кравцовъ, сестра Виталіи Елизавета Денисова и старикъ Скачковъ, отецъ Поли младшей. Всѣ они вошли въ яму съ горящими свѣчами, книгами, иконами. Кромѣ того, они захватили съ собой мужской тулупъ, чтобы было на чемъ положить дѣтей и корыто, чтобы укачивать въ немъ грудного младенца Ковалевой. Замуровавшіеся сидѣли со свѣчами и вѣроятно умерли раньше, чѣмъ погасъ послѣдній огонь, судя потому, что при открытіи ямы въ апрѣлѣ найдено было, что крышка столика, на которомъ стояла свѣчка оказалась значительно обгорѣвшей".

Нѣтъ надобности здѣсь приводить описаніе гибели трехъ другихъ группъ, слѣдовавшей за гибелью первой группы, чтобы еще разъ подтвердить, что душою всего дѣла была Виталія. Достаточно сказать, что послѣдняя распоряжалась всѣмъ до конца и сама находясь уже въ земляной минѣ въ послѣдней группѣ погибшихъ, за моментъ до своей смерти лично отдавала приказанія Федору Ковалеву о заложеніи мины камнями.

Во всякомъ случаѣ вся эта страшная эпопея безспорно свидѣтельствуетъ о силѣ внушенія, которая при благопріятныхъ условіяхъ, какъ легко убѣдиться изъ приведенныхъ фактовъ, дѣйствуетъ въ полномъ смыслѣ слова наперекоръ и вопреки здравому смыслу.

Мѣсто не позволяетъ долѣе останавливаться на этомъ животрепещущемъ вопросѣ; но вся картина самоистребительныхъ происшествій въ Терновскихъ хуторахъ, имѣвшихъ мѣсто въ концѣ декабря 1896 года рѣшительно не поддается иному объясненію, если не принять въ этомъ дѣлѣ вліянія внушенія и взаимовнушенія на почвѣ уже укоренившихся суевѣрій, сыгравшихъ здѣсь безспорно крупную роль. Равнымъ образомъ и бывшія ранѣе самоистребительныя происшествія въ средѣ сектантовъ (см. Busch Moritz, Wunderliche Heilige) могутъ получить правильное объясненіе лишь съ помощью внушенія и взаимовнушенія.

Но очевидно, что эпидеміи самоубійства возможны и въ иныхъ общественныхъ группахъ. Когда гнетъ и репрессіи достигаютъ крайнихъ предѣловъ, естественно увеличивается и число самоубійствъ или покушеній на самоубійства.

При этомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ мы встрѣчаемъ самоубійства вдвоемъ или втроемъ, гдѣ дѣло идетъ уже о самоубійствахъ по вза-

имному внушенію или изъ подражанія. Могутъ встрѣчаться даже отдѣльныя большихъ или меньшихъ размѣровъ эпидеміи самоубійства [1]). За послѣдній періодъ времени въ Россіи, переживающей бурный политической періодъ своей исторіи, эпидеміи самоубійствъ вообще не составляютъ рѣдкости.

Такъ по Жбанкову [2]) въ Ростовѣ покончили жизнь самоубійствомъ двѣ проститутки, а черезъ недѣлю отравились еще 2 обитательницы того же дома. Въ Баку покончилъ съ собою одинъ офицеръ, одинъ студентъ, гимназистъ 7-го класса и произошло нѣсколько случаевъ покушеній на самоубійство видныхъ членовъ общества и все это въ теченіе двухъ недѣль. Во Владивостокѣ въ концѣ 1906 года произошелъ рядъ самоубійствъ: одинъ членъ управы застрѣлился, одинъ мичманъ кончилъ самоубійствомъ на батарреѣ, одинъ морской кондукторъ кончилъ на кладбищѣ и наконецъ одинъ поручикъ кончилъ самоубійствомъ на своей квартирѣ.

Заразительность самоубійствъ до такой степени общеизвѣстна, что не можетъ никого удивлять эпидемическое ихъ распространеніе. Извѣстны также случаи многихъ послѣдовательныхъ самоубійствъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Такъ уже ранѣе было упомянуто, что на одномъ крюкѣ извѣстной будки во времена Наполеона покончило самоубійствомъ нѣсколько солдатъ, пока будка не была вовсе уничтожена. Точно также, послѣ выхода въ свѣтъ извѣстной повѣсти Карамзина „Бѣдная Лиза“, Лизинъ прудъ въ Москвѣ сдѣлался надолго излюбленнымъ мѣстомъ самоубійства для разочарованныхъ дѣвушекъ. Не менѣе извѣстно, что нѣкоторыя мѣста и въ наше время, являются излюбленнымъ мѣстомъ самоубійствъ. Такъ напр. на одной Иматрѣ за два мѣсяца начала 1907 г. погибло послѣдовательно 16 дѣвушекъ путемъ самоубійства.

Эпидеміи убійствъ и грабежа.

Не меньшей если еще не большей заразительностью, чѣмъ самоубійства, являются преступныя дѣянія въ видѣ убійствъ и грабежей и въ этомъ отношеніи также возможно эпидемическое распространеніе преступленій [3]). Въ послѣднее время примѣръ такого распространенія убійствъ и грабежей представляетъ Россія.

---

[1]) См. Annales nudie psychologiques 1848. стр. 936.

[2]) Жбанковъ. О самоубійствахъ въ послѣднее время. «Практическій врачъ» 29. 1906.

[3]) Aubry. Contagion du meurtre. См. также Carré. Crime et suicide, стр. 228.

Январьскія и октябрьскія событія 1905 года, декабрьское возстаніе въ Москвѣ, цѣлый рядъ черносотенныхъ еврейскихъ и армянскихъ погромовъ, карательныхъ экспедицій, Кавказскія событія, рядъ военныхъ возстаній во флотѣ и въ арміи, то тамъ, то здѣсь внутренняя война съ разстрѣлами и орудійными разрушеніями цѣлыхъ кварталовъ въ городахъ, наконецъ террористическія убійства и разстрѣлы по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ создали въ Россіи за послѣднее время настоящую кровавую эпидемію, унесшую многое множество десятковъ тысячъ человѣческихъ жертвъ. Только за 10 мѣсяцевъ 1905 и 4 мѣсяца 1906 г. жертвъ этой кровавой эпидеміи по печатнымъ статистическимъ даннымъ безъ сомнѣнія много ниже дѣйствительныхъ насчитывается въ общемъ не менѣе 29.166. Не меньшимъ распространеніемъ отличались за тотъ же періодъ времени грабежи, экспропріаціи и поджоги, совершавшіеся съ небывалою до сихъ поръ дерзостью у всѣхъ среди бѣлаго дня. Условія, способствующія развитію этой эпидеміи, создались благодаря искусственно поставленнымъ препятствіямъ мирнаго перехода отъ стараго строя къ новому правопорядку, что создало неимовѣрную путаницу и разнорѣчіе въ понятіяхъ, возбудило національныя и вѣроисповѣдныя распри, установило поразительное разномысліе въ различныхъ слояхъ общества и создало атмосферу полнаго недовѣрія между обществомъ и правительствомъ, между управляемыми и управляющими.

Страшныя избіенія интеллигенціи и учащейся молодежи, еврейскіе и армянскіе погромы, сопровождавшіеся массой жертвъ и потерей многихъ милліоновъ, развивались и поддерживались подъ вліяніемъ стаднаго свойства человѣка, идущаго въ массѣ одинъ за другимъ на неслыханныя преступленія, не отдавая себѣ въ томъ яснаго отчета. Не подлежитъ конечно сомнѣнію, что всѣ эти погромы устраивались или подготовлялись отдѣльными лицами и въ этомъ отношеніи съ грустью должно отмѣтить, что ту или другую роль въ подготовкѣ этихъ погромовъ играли иногда даже и мѣстные чины администраціи, какъ это было разъяснено разоблаченіями бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ въ Государственной Думѣ, но когда начинается погромъ, тамъ уже выступаетъ на сцену психологія толпы, дѣйствующей по взаимовнушенію и подражанію и незнающей никакого удержу въ своихъ стремленіяхъ, разрѣшающихся иногда страшными преступленіями. Достаточно припомнить леденящія кровь картины массоваго сжиганія людей въ Томскѣ, разрыванія на части грудныхъ дѣтей, разрѣзыванія животовъ у беременныхъ

женщинъ и картины другихъ варварскихъ мученій, бывшихъ въ Одессѣ, Кіевѣ, на Кавказѣ, въ Твери, Вологдѣ и др. городахъ Россіи во время пережитыхъ нами погромовъ за послѣднее время, чтобы имѣть иллюстрацію той ужасной психологіи массъ, которая основана на стадномъ свойствѣ человѣческой природы. Чтобы наглядно представить себѣ, до какихъ громадныхъ размѣровъ достигло это массовое бѣдствіе, постигшее Россію за послѣднее время, даютъ указаніе простыя цифры, изъ которыхъ оказывается, имѣя въ виду притомъ далеко неполныя газетныя свѣдѣнія, что за одинъ 1905 г. было убито 14.130 и ранено 19.524 человѣкъ. Нечего говорить, что наряду съ этимъ населеніе въ колоссальныхъ размѣрахъ, исчисляемыхъ сотнями тысячъ, бѣжало отъ этихъ ужасовъ, переселяясь большею частью за границу и унося съ собою народныя средства, столь нужныя самой Россіи.

Разсматриваемая эпидемія, точнѣе рядъ эпидемій, началась въ Россіи уже много лѣтъ тому назадъ, проявляясь первоначально отдѣльными вспышками то тамъ, то здѣсь. Но собственно эпидемія, охватившая всю Россію, беретъ начало съ апрѣля 1903 г., съ ужаснаго Кишиневскаго погрома. „Посѣянный здѣсь микробъ человѣконенавистничества, по словамъ д-ра Жбанкова [2]), не прошелъ даромъ; создалась невозможная атмосфера, полная раздраженія, всякихъ кривотолковъ и слуховъ и совершенной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ, проснулся звѣрь въ человѣкѣ и жаждой крови, насилій и мести запахло въ воздухѣ. Изъ Кишинева зараза человѣконенавистничества, недовѣрія и розни стала разноситься повсюду, она усиливалась все болѣе и болѣе возраставшими административными репрессіями, которыя давили населеніе, приводили его въ состояніе близкое къ паникѣ и наиболѣе пригодное для воспріятія всякой психической заразы“.

Нѣтъ надобности говорить, что далеко не всѣ кровавыя и преступныя событія за указанную эпидемію стоятъ въ связи съ внушеніемъ и взаимовнушеніемъ. Но несомнѣнно, что вліяніемъ взаимовнушенія и общественной заразы можетъ быть объяснена довольно значительная часть тѣхъ убійствъ и грабежей, которыми сопровождалось революціонное движеніе въ Россіи. „Современныя политическія убійства, говорилъ Кузьминъ-Караваевъ въ первой Государственной Думѣ,—это явленія, которыя значительно разнятся отъ тѣхъ поли-

---

¹) Д-ръ Жбанковъ. „Практ. Врачъ“ № 26. 1906. стр. 437.

²) Д-ръ Жбанковъ. „Практич. врачъ“ № 32. 1905.

тическихъ убійствъ, которыя имѣли мѣсто отъ начала 60-хъ до начала 80-хъ годовъ. Тогда въ каждомъ случаѣ этихъ политическихъ убійствъ, проанализировавъ его, можно было видѣть спокойный холодный расчетъ, обдуманность, сознательность дѣйствій, но убійства, совершающіяся сейчасъ, представляютъ собою явленія иного порядка. Когда убиваютъ городовыхъ, когда убиваютъ солдатъ, стоящихъ на посту, когда стрѣляютъ, бросаютъ бомбы дѣти и гимназисты, тогда нельзя не признать, что мы стоимъ предъ явленіемъ эпидемическимъ, передъ особой формой массоваго психоза. Какъ бываютъ эпидеміи самоубійствъ, такъ бываютъ и эпидеміи убійствъ". За послѣдній періодъ революціи въ Россіи дня не проходитъ безъ тѣхъ или другихъ преступленій политическаго характера: то тамъ, то здѣсь происходятъ убійства, бросаніе бомбъ, грабежи и другія насилія надъ личностью человѣка. При этомъ, несмотря на казни и жестокія кары и другіе виды репрессій, число преступленій не уменьшается, а растетъ, свидѣтельствуя объ увеличивающемся озвѣреніи общества.

Въ томъ, что въ наше время преступность въ Россіи такъ увеличилась, нельзя не видѣть своего рода эпидемичность, заразительность преступленій. И такую эпидемичность несомнѣнно создала революція, охватившая нашу страну и поднявшая въ ней бурю страстей, не такъ давно мирно дремавшихъ.

Можно сказать, что заразные микробы преступленій теперь летаютъ въ воздухѣ всюду и, заражая общество, увеличиваютъ преступность... Одно преступленіе рождаетъ нѣсколько однородныхъ преступленій и все потому, что авторы ихъ заражены общимъ духомъ преступности, порожденнымъ въ свою очередь общей неурядицей.

Теперь въ глазахъ многихъ смѣлое по замыслу преступленіе есть своего рода героическій подвигъ. Это—одна изъ причинъ, умножающихъ число преступленій...

Въ борьбѣ съ репрессіями, направленными противъ революціонеровъ, каждое преступленіе, волнующее общество, есть козырь въ рукахъ послѣднихъ: оно показываетъ несостоятельность репрессій и силу революціи... Это—вторая причина, умножающая число преступленій...

Далѣе кровь сама по себѣ заразительна и, если казнями хотятъ подавить революцію, то забываютъ, что казни влекутъ за собою со стороны революціонеровъ подобныя же казни правительственныхъ агентовъ, хотя бы непосредственно и непричастныхъ къ полевой расправѣ. Если лучшіе юристы признаютъ, что нецѣлесообразно

казнями бороться противъ обыкновенныхъ убійствъ, то можно ли разсчитывать на цѣлесообразность казней, когда политическія убійства являются результатомъ своего рода психоза, обусловленнаго возмущеннымъ чувствомъ предъ всевозможными репрессіями. Допустимо ли вообще, чтобы уважающая себя сильная власть занялась подражаніемъ преступнымъ революціоннымъ убійствамъ въ видѣ казней и разстрѣловъ хотя бы по приговорамъ т. наз. военно-полевыхъ или иныхъ судовъ.

Говорятъ, что казни нужны ради возмездія, но развѣ сильная власть можетъ нервничать и мстить, когда нужно огражденіе общества отъ насилій. Другіе, защищая казни, говорятъ, что онѣ нужны ради устрашенія, но развѣ человѣкъ, идущій на преступленіе не разсчитываетъ избѣгнуть наказанія, развѣ онъ не надѣется обойти бдительность полиціи охраннаго отдѣленія. Съ другой стороны развѣ можно устрашить того, кто въ казни видитъ высшій ореолъ мученичества за идею? Неужели забыта исторія казней и преслѣдованій во времена язычества христіанъ. Да и гдѣ справедливость, если обвиненный въ убійствѣ или въ покушеніи на убійство вѣшается не столько за содѣянное имъ, сколько для устрашенія другихъ возможныхъ политическихъ убійцъ.

Наконецъ, особую причину современной преступности можно видѣть въ томъ, что революція, пробудивъ страсти, пробудила и все низменное, все преступное въ странѣ, стушевывающееся передъ нормальнымъ порядкомъ вещей, и выдвинуло его на арену преступленій... Этотъ преступный, низменный элементъ сталъ извлекать извѣстную для себя пользу изъ революціи. Прикрываясь знаменемъ идейной борьбы, онъ и творитъ преступленія. Мало того, онъ избралъ для успѣха своей преступной дѣятельности, модныя оружія преступленій: бомбы и „браунинги“, чтобы его не могли отличить отъ бандита-революціонера.

Вотъ причины увеличенія численности преступленій, — причины, которыя исчезнутъ безслѣдно, когда жизнь войдетъ въ нормальную колею. Великое дѣло—среда. Она вліяетъ на человѣка въ дурную или хорошую сторону, смотря по тому, каковы ея нравственныя качества. Хороша она — человѣкъ въ ней облагораживается; дурна—человѣкъ становится преступнымъ... Теперь же вокругъ насъ все ненормально, а отсюда проистекаетъ и то, что мы переживаемъ за послѣднее время...

Короче говоря, неурядица внѣ насъ и въ насъ самихъ... Исчезни она—и все ненормальное, все то, что насъ волнуетъ теперь,

что дѣлаетъ жизнь непрочной и порождаетъ преступленія, тоже исчезнетъ.

Среда заразительна, но заразительны и дѣйствія. Какъ на примѣръ, я сошлюсь на слѣдующее:

Въ до-революціонный періодъ недовольство даннымъ порядкомъ вещей несомнѣнно существовало, но существовало не въ томъ большомъ размѣрѣ, въ какомъ оно наблюдается теперь.

Вспыхнула революція—и число недовольныхъ увеличилось... Отчего это? Да, оттого, что на многихъ заразительно подѣйствовало недовольство другихъ, отрицательное отношеніе къ власти, къ правительству.

Тоже самое происходитъ и съ преступностью... Живя въ атмосферѣ, насыщенной преступленіями, человѣческая мысль всего болѣе занята преступленіями и въ концѣ-концовъ, свыкаясь съ ними, находитъ въ нихъ извѣстную неизбѣжность и число преступниковъ увеличивается...

Преступность заразительна и съ ней слѣдуетъ поступать, какъ со всякой заразой: ограждать общество отъ заболѣваній обезвреживаніемъ самого заразнаго начала и прививкой обществу антизаразнаго начала путемъ правовыхъ жизненныхъ нормъ.

Судорожныя эпидеміи въ исторіи.

Не менѣе ярко сила внушенія сказывается въ такъ называемыхъ психопатическихъ эпидеміяхъ.

На этихъ психопатическихъ эпидеміяхъ отражаются прежде всего господствующія воззрѣнія народныхъ массъ данной эпохи, даннаго слоя общества или данной мѣстности. Но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что ближайшимъ толчкомъ для развитія этихъ эпидемій являются: внушеніе, взаимовнушеніе и самовнушеніе.

Господствующія воззрѣнія являются здѣсь благопріятной почвой для распространенія путемъ невольной передачи отъ одного лица другому тѣхъ или иныхъ психопатическихъ состояній. Эпидемическое распространеніе такъ называемой бѣсоодержимости въ средніе вѣка безспорно носитъ на себѣ всѣ слѣды установившихся въ то время народныхъ воззрѣній на необычайную силу дьявола надъ человѣкомъ; но тѣмъ не менѣе также безспорно, что развитіе и распространеніе этихъ эпидемій обязано въ значительной мѣрѣ и силѣ внушенія. Вотъ напримѣръ средневѣковый пасторъ во время церковнаго богослуженія говоритъ о власти демона надъ человѣкомъ, увѣщевая народъ быть ближе къ Богу, и во время этой рѣчи въ

одномъ изъ патетическихъ мѣстъ къ ужасу слушателей воображаемый демонъ проявляетъ свою власть надъ однимъ изъ присутствующихъ, повергая его въ страшныя корчи. За этимъ слѣдуетъ другая и третья жертвы. То же повторяется и при другихъ богослуженіяхъ.

Можно ли сомнѣваться въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ о прямомъ внушеніи бѣсоодержимости, переходящемъ затѣмъ и въ жизнь народа и выхватывающемъ изъ послѣдняго свои жертвы даже и внѣ богослужебныхъ церемоній.

Когда укоренились извѣстныя вѣрованія о возможности воплощенія дьявола въ человѣкѣ, то это вѣрованіе само по себѣ уже дѣйствуетъ путемъ взаимовнушенія и самовнушенія на многихъ психопатическихъ личностей и приводитъ такимъ образомъ къ развитію демономатическихъ эпидемій, которыми такъ богата исторія среднихъ вѣковъ.

Благодаря самовнушенію тѣ или другія мистическія идеи, вытекавшія изъ міровоззрѣнія среднихъ вѣковъ, нерѣдко являлись вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ цѣлаго ряда конвульсивныхъ и иныхъ проявленій большой истеріи, которыя, благодаря господствовавшимъ вѣрованіямъ, также получали наклонность къ эпидемическому распространенію.

Таково очевидно происхожденіе судорожныхъ и иныхъ средневѣковыхъ эпидемій, извѣстныхъ подъ названіемъ пляски св. Витта и св. Іоанна, народнаго танца въ Италіи, носящаго названіе тарантеллы, и наконецъ такъ называемаго квіетизма. Даже знакомясь съ описаніемъ этихъ эпидемій современниками, нетрудно убѣдиться, что въ ихъ распространеніи играло роль взаимовнушеніе.

Замѣчательна эпидемія самобичеванія, распространившаяся изъ Италіи по Европѣ въ 1266 г., о которой историкъ сообщаетъ слѣдующее: „Безпримѣрный духъ самообвиненія внезапно овладѣлъ умами народа. Страхъ передъ Христомъ напалъ на всѣхъ; благородные и простые, старые и молодые, даже дѣти лѣтъ пяти бродили по улицамъ безъ одеждъ съ однимъ только поясомъ кругомъ таліи. У каждаго была плеть изъ кожаныхъ ремней, которой они бичевали со слезами и вздохами свои члены такъ жестоко, что кровь лила изъ ихъ ранъ“.

Затѣмъ въ 1370 году не менѣе поразительнымъ образомъ распространилась по Европѣ манія плясокъ, которая въ Италіи приняла своеобразную форму тарантизма. Въ это время танцоры наполняли улицы европейскихъ городовъ, особенно въ Германіи, и въ Ни-

дерландахъ. Всѣ бросали свои обычныя занятія и домашнія дѣла, чтобы отдаться неистовой пляскѣ [1]).

Въ Италіи пляска распространилась подъ вліяніемъ увѣренности, что укусъ тарантуломъ, часто случавшійся въ Италіи, становится безопаснымъ для тѣхъ, кто танцовалъ подъ музыку такъ называемой тарантеллы. Эта манія тарантелы распространилась съ необычайной быстротой по всей Италіи и, вслѣдствіе поглощенія ею огромнаго количества жертвъ, сдѣлалась въ полномъ смыслѣ слова соціальной язвой Италіи.

Не менѣе поразительны и эпидеміи конвульсіонерокъ. Вотъ напримѣръ небольшая выдержка о средневѣковыхъ конвульсіонеркахъ изъ Луи-Дебоннера:

„Представьте себѣ дѣвушекъ, которыя въ опредѣленные дни, а иногда послѣ нѣсколькихъ предчувствій, внезапно впадаютъ въ трепетъ, дрожь, судороги и зѣвоту; онѣ падаютъ на землю и имъ подкладываютъ при этомъ заранѣе приготовленные тюфяки и подушки. Тогда съ ними начинаются большія волненія: онѣ катаются по полу, терзаютъ и бьютъ себя; ихъ голова вращается съ крайней быстротой, ихъ глаза то закатываются, то закрываются, ихъ языкъ то выходитъ наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудокъ и нижняя часть живота вздуваются, онѣ лаютъ, какъ собаки, или поютъ, какъ пѣтухи; страдая отъ удушья эти несчастныя стонутъ, кричатъ и свистятъ; по всѣмъ членамъ у нихъ пробѣгаютъ судороги; онѣ вдругъ устремляются въ одну сторону, затѣмъ бросаются въ другую; начинаютъ кувыркаться и производятъ движенія, оскорбляющія скромность, принимаютъ циничныя позы, растягиваются, деревенѣютъ и остаются въ такомъ положеніи по часамъ и даже цѣлымъ днямъ; онѣ на время становятся слѣпыми, нѣмыми, паралычными и ничего не чувствуютъ. Есть между ними и такія, у которыхъ конвульсіи носятъ характеръ свободныхъ дѣйствій, а не безсознательныхъ движеній".

Прочитавъ это описаніе современника, кто изъ лицъ, знакомыхъ съ нервными болѣзнями, станетъ сомнѣваться въ томъ, что здѣсь дѣло идетъ о припадкахъ большой истеріи, нерѣдко развивающейся, какъ мы знаемъ, и нынѣ эпидемически?

Еще болѣе поучительная картина представляется намъ въ описаніи судорожныхъ эпидемій, развившихся въ Парижѣ въ прошломъ столѣтіи, объединяющимъ объектомъ которыхъ явилось Сенъ-Медар-

---

[1]) Hecker. Die Tanzwut etc. 1832.

ское кладбище съ могилой дьякона Пари, нѣкогда прославившагося своимъ аскетическимъ образомъ жизни. Это описаніе принадлежитъ извѣстному Луи Фигье.

„Конвульсіи Жанны, излѣчившейся на могилѣ Пари отъ истерической контрактуры въ припадкѣ судорогъ, послужили сигналомъ для новой пляски св. Витта, возродившейся вновь въ центрѣ Парижа въ XVIII вѣкѣ. съ безконечными варіаціями, одна мрачнѣе или смѣшнѣе другой.

Со всѣхъ частей города сбѣгались на Сенъ-Медарское кладбище, чтобы принять участіе въ кривляніяхъ и подергиваніяхъ. Здоровые и больные, всѣ увѣряли, что они и конвульсіонировали и конвульсіонируютъ по своему. Это былъ всемірный танецъ, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сенъ-Медарскаго кладбища и сосѣднихъ улицъ была занята массой дѣвушекъ, женщинъ, больныхъ всѣхъ возрастовъ, конвульсіонирующихъ какъ бы въ перегонку другъ съ другомъ. Здѣсь мужчины бьются объ землю, какъ настоящіе эпилептики, въ то время какъ другіе немного дальше глотаютъ камешки, кусочки стекла и даже горящіе угли; тамъ женщины ходятъ на головѣ съ той степенью странности или цинизма, которая вообще совмѣстима съ такого рода упражненіями. Въ другомъ мѣстѣ женщины, растянувшись во весь ростъ, приглашаютъ зрителей ударять ихъ по животу и бываютъ довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчинъ обрушиваются на нихъ заразъ всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различныхъ ладовъ. Есть впрочемъ и болѣе заученныя конвульсіи, напоминающія пантомимы и позы, въ которыхъ изображаются какія-нибудь религіозныя мистеріи, особенно же часто сцены изъ страданій Спасителя.

Среди всего этого нестройнаго шабаша слышатся только стонъ, пѣніе, ревъ, свистъ, декламація, пророчество и мяуканье. Но преобладающую роль въ этой эпидеміи конвульсіонеровъ играютъ танцы. Хоромъ управляетъ духовное лицо, аббатъ Бешеронъ, который, чтобъ быть на виду у всѣхъ, стоитъ па могилѣ. Здѣсь онъ совершаетъ ежедневно съ искусствомъ, не выдерживающимъ соперничества, свое любимое „па“, знаменитый скачекъ карпа (saute de Carpe), постоянно приводящій зрителей въ восторгъ.

Такія вакханаліи погубили все дѣло. Король, получая ежедневно отъ духовенства самые дурные отзывы о происходившемъ въ Сенъ-Медарѣ, приказалъ полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище. Однако эта мѣра не прекратила безумныхъ неистовствъ

со стороны конвульсіонеровъ. Такъ какъ было запрещено конвульсіонировать публично, то припадки янсинистовъ стали происходить въ частныхъ домахъ и зло отъ того еще болѣе усилилось. Сенъ-Медарское кладбище концентрировало въ себѣ заразу; закрытіе же его послужило для распространенія ея.

Всюду на дворахъ, подъ воротами можно было слышать или видѣть, какъ терзается какой-нибудь несчастный; его видъ дѣйствовалъ заразительно на присутствующихъ и побуждалъ ихъ къ подражанію. Зло приняло такіе значительные размѣры, что королемъ былъ изданъ такой указъ, по которому всякій конвульсіонирующій предавался суду, спеціально учрежденному при арсеналѣ, и приговаривался къ тюремному заключенію. Послѣ этого конвульсіонеры стали только искуснѣе скрываться, но не вывелись" [1]).

Познакомившись съ этими своеобразными общественными явленіями, можно ли сомнѣваться въ томъ, что эпидемія конвульсіонирующихъ развивались, благодаря взаимовнушенію на почвѣ религіознаго мистицизма и тяжелыхъ суевѣрій.

Подобнаго же рода эпидеміи, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ при тѣхъ или другихъ случаяхъ noблюдались въ разное время также и въ другихъ странахъ свѣта. Объ одной интересной эпидеміи конвульсій, развившейся у индѣйцевъ изъ области Cap., San. Augustin разсказываетъ между прочимъ Las Casas [2]). Особенности этой эпидеміи состояли въ томъ, что она развилась, благодаря внушенію одного волшебника, который наобѣщалъ торжественно встрѣчавшему его населенію, что отнынѣ не будетъ надобности въ трудѣ, такъ какъ хлѣбъ и все необходимое само придетъ къ нимъ и будетъ вообще во всемъ полное довольство. Эти обѣщанія такъ повліяли на слушателей, что когда волшебникъ закончилъ, то оказалось, что всѣ слушавшіе его, особенно женщины, начали подвергаться дрожанію и сильнымъ сотрясеніямъ тѣла, послѣ чего они бросались на землю и у нихъ выдѣлялась изо рта обильная пѣна. Очень поучительное описаніе въ смыслѣ роли внушенія въ развитіи движеній и истерическихъ явленій мы находимъ между прочимъ въ интересномъ наблюденіи изъ Туниса, сдѣланомъ Laignel-Lavantine'омъ (Presse médic. 1901).

Здѣсь слѣдуетъ также вспомнить о шаманствѣ и массовыхъ ре-

---

[1]) Реньяръ. Умственныя эпидеміи, р. п. стр. 102—103.

[2]) Las Casas. Hist. apolog. cap. 124. Stoll. Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie Leipzig. 1904 стр. 131—132.

лигіозныхъ церемоніяхъ у восточныхъ народовъ (дервиши и пр.), гдѣ также мы встрѣчаемся съ явленіями, создающими благопріятную почву для внушенія и взаимовнушенія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ разсматриваемыхъ случаяхъ есть не мало мѣста и для проявленія совершенно безсознательнаго подражанія, но наряду съ этимъ почти во всѣхъ массовыхъ церемоніяхъ, сопровождающихся воодушевленіемъ участниковъ, доходящимъ до степени религіознаго экстаза, есть и другой факторъ, приводящій къ общественной заразѣ. Этотъ факторъ есть внушеніе. Оно дѣйствуетъ рѣшительно вездѣ, гдѣ дѣло идетъ объ объединеніи группы лицъ одними и тѣми же чувствами и мыслями и представляетъ собою ничто иное, какъ непроизвольное прививаніе извѣстныхъ настроеній, идей или дѣйствій.

Эпидеміи колдовства и бѣсоодержимости.

Очевидно подобнымъ же образомъ объясняется и происхожденіе колдовства, этой страшной болѣзни, изъ-за которой погибло на кострѣ и эшафотѣ навѣрно много болѣе народа, нежели во всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ войнахъ истекшаго столѣтія. Не допустивъ взаимовнушенія и самовнушенія, мы не могли бы понять ни столь значительнаго распространенія эпидемій колдовства, проявлявшихся въ самыхъ различныхъ частяхъ Европы, особенно въ XVI вѣкѣ, ни почти стереотипнаго описанія видѣній, которымъ подвергались несчастные колдуны и колдуньи среднихъ вѣковъ.

По описанію Regnard'а къ женщинѣ, которая обыкновенно подвержена конвульсивнымъ приступамъ, въ одинъ прекрасный вечеръ является изящный и граціозный кавалеръ; онъ нерѣдко входилъ черезъ открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, выростая какъ бы изъ земли.

Вотъ какъ описываютъ его колдуньи на судѣ: „Онъ одѣтъ въ бѣлое платье, а на головѣ у него черная бархатная шапочка съ краснымъ перомъ или же на немъ роскошный кафтанъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями въ родѣ тѣхъ, что носятъ вельможи. Незнакомецъ является или по собственной иниціативѣ, или на зовъ, или же на заклинаніе своей будущей жертвы. Онъ предлагаетъ вѣдьмѣ обогатить ее и сдѣлать ее могущественной; показываетъ ей свою шляпу, полную денегъ; но чтобъ удостоиться всѣхъ этихъ

благъ ей придется отречься отъ Св. крещенія, отъ Бога и отдаться сатанѣ душой и тѣломъ“ [1]).

Вотъ стереотипныя описанія демоническихъ галлюцинацій, которымъ подвергались истерическія женщины среднихъ вѣковъ или такъ называемыя колдуньи по тогдашнимъ понятіямъ.

Ясно, что здѣсь дѣло идетъ о галлюцинаціяхъ такого рода, которыя выливаются въ опредѣленную форму, благодаря представленіямъ, упрочившимся въ психикѣ путемъ самовнушенія или внушенія быть можетъ еще съ дѣтства, благодаря разсказамъ и передачѣ изъ устъ въ уста о возможности появленія дьявола въ роли соблазнителя.

Другое не менѣе распространенное убѣжденіе въ народѣ, которое получило особенную силу, благодаря религіозному мистицизму, въ эпоху среднихъ вѣковъ есть такъ называемая бѣсоодержимость, т. е. обладаніе дьяволомъ человѣческаго тѣла. Благодаря самовнушенію о вселеніи дьявола въ тѣло, эта идея нерѣдко является источникомъ цѣлаго ряда конвульсивныхъ и иныхъ проявленій большой истеріи, которыя также способны къ эпидемическому распространенію.

„Первая большая эпидемія этого рода по словамъ Реньяра [2]) произошла въ Мадридскомъ монастырѣ.

Почти всегда въ монастыряхъ и главнымъ образомъ въ женскихъ обителяхъ религіозные обряды и постоянное сосредоточеніе на чудесномъ влекли за собою различныя нервныя разстройства, составлявшія въ своей совокупности то, что называлось бѣсноватостью. Мадридская эпидемія началась въ монастырѣ Бенедиктинокъ, игуменьѣ котораго, доннѣ Терезѣ, еле исполнилось въ то время 26 лѣтъ.

Съ одной монахиней вдругъ стали случаться страшныя конвульсіи. У нея дѣлались внезапныя судороги, мертвѣли и скорчивались руки, выходила пѣна изо рта, изгибалось все тѣло въ дугу на подобіе арки, опиравшейся на затылокъ и пятки. По ночамъ больная издавала страшные вопли и подъ конецъ ею овладѣвалъ настоящій бредъ.

Несчастная объявила, что въ нее вселился демонъ Перегрино, который не даетъ ей покоя. Вскорѣ демоны овладѣли всѣми монахинями за исключеніемъ пяти женщинъ, при чемъ сама донна Тереза тоже сдѣлалась жертвой этого недуга.

Тогда начались въ обители неописуемыя сцены: монахини по

---

[1]) Реньяръ. Умственныя эпидеміи, р. п. стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 36 и слѣд.

цѣлымъ ночамъ выли, мяукали и лаяли, объявляя, что они одержимы однимъ изъ друзей Перегрино. Монастырскій духовникъ Франсуа Гарсіа прибѣгъ къ заклинанію бѣсноватыхъ, но безуспѣшно, послѣ чего это дѣло перешло въ руки инквизиціи, которая распорядилась изолировать монахинь. Съ этой цѣлью они были сосланы въ различные монастыри.

Гарсіа, обнаруживавшій въ этомъ дѣлѣ извѣстное благоразуміе, рѣдко встрѣчаемое въ людяхъ его класса, былъ осужденъ за то, что будто бы вступилъ въ сношеніе съ демонами прежде, чѣмъ напасть на нихъ".

Бѣсноватость бенедиктинокъ надѣлала много шуму, но ея извѣстность ничтожна по сравненію съ эпидеміей бѣсноватости урсулинокъ, которая разразилась въ 1610 г.

У двухъ монахинь монастыря урсулинокъ появились какія-то необычайныя движенія и другіе удивительные симптомы. Согласно господствовавшему тогда вѣрованію, Ромильонъ вообразилъ, что эти монахини одержимы дьяволомъ. Онъ попробовалъ дѣлать надъ ними заклинанія, но безуспѣшно; дьяволы продолжали мучить бѣдныхъ урсулинокъ; убѣдившись въ своемъ безсиліи, бѣдный священникъ обратился къ болѣе могущественнымъ заклинателямъ. Обѣихъ одержимыхъ — Луизу Кало и Магдалину де-Ля-Палю, дочь провансальскаго дворянина, отправили въ монастырь Сентъ-Бомъ къ инквизитору Михаэлису. Михаэлисъ, не надѣясь исключительно на свои силы, пригласилъ на помощь фламандскаго доминиканца отца Домціуса. Онъ самъ изъ Лувена, говоритъ Мишле, не разъ производилъ заклинанія, былъ стало быть обстрѣлянъ на этихъ нелѣпостяхъ. Луиза скорѣе сумасшедшая, чѣмъ злая, но злая въ своемъ сумасшествіи, призналась, что въ ней сидятъ три дьявола: Верринъ — добрый дьяволъ, католикъ, легкій, одинъ изъ демоновъ воздуха; Левіафанъ, дурной дьяволъ, любящій разсуждать и протестовать, и наконецъ третій духъ нечистыхъ помысловъ. Чародѣй, пославшій ей этихъ дьяволовъ, князь всѣхъ колдуновъ Испаніи, Франціи, Англіи и Турціи патеръ Луи Гофриди, бывшій въ то время приходскимъ священникомъ церкви des Accoules въ Марселѣ. Магдалина, подстрекаемая Луизой и обезумѣвшая отъ страха, сдѣлала такое же признаніе. Она сказала, что Гофриди испортилъ ее своими чарами, что онъ наслалъ на нее цѣлый легіонъ, т. е. шесть тысячъ шестьсотъ шестьдесятъ шесть дьяволовъ. Михаэлисъ, какъ монахъ, ненавидѣлъ Гофриди—священника и съ радостью ухватился за прекрасный случай. Онъ донесъ на чародѣя Прованскому парла-

менту. И хотя на сторонѣ Гофриди были капуцины, епископъ Марсельскій и все духовенство, тѣмъ не менѣе парламентъ въ союзѣ съ инквизиціей добились того, что имъ выдали Гофриди. Его, какъ преступника, привели въ Эксъ. Предъ Магдалиной de la Palau несчастный священникъ сначала клянется именемъ Бога, пресвятой дѣвы Маріи и св. Іоанномъ Крестителемъ, что всѣ обвиненія ложны; но скоро онъ понялъ, что онъ погибъ; мужество его покинуло и подъ пыткой, а можетъ быть и ранѣе, онъ признался во всемъ. Да, во всемъ, во всѣхъ преступленіяхъ, которыхъ онъ не совершалъ.

Онъ сознался, что дьяволъ посѣщалъ его часто, что онъ поджидалъ сатану у дверей церкви и заразилъ до тысячи женщинъ ядовитымъ дыханіемъ, сообщеннымъ ему Люциферомъ. „Признаюсь и въ томъ", говорилъ онъ, „что, когда я желалъ отправиться на шабашъ, я становился ночью у открытаго окна, черезъ которое являлся ко мнѣ Люциферъ и въ мигъ переносилъ на сборище, гдѣ я оставался два, три, а иногда и четыре часа". Стали искать на его тѣлѣ печать дьявола. Когда сняли съ глазъ Гофриди повязку онъ съ ужасомъ узналъ, что въ его тѣло до трехъ разъ вонзали иглу и онъ ничего не чувствовалъ. Итакъ онъ былъ трижды помѣченъ дьявольскимъ клеймомъ. Инквизиторъ замѣтилъ: если бы мы находились въ Авиньонѣ, этого человѣка завтра же сожгли бы.

Его и сожгли. 30 апрѣля 1611 года въ Эксѣ, въ 5 часовъ пополудни, Луи Гофриди, бенедиктинскій священникъ церкви des Accoules, былъ отрѣшенъ отъ сана. Палачъ подвелъ къ главному входу въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ каяться и просить прощенія у Бога, короля и правосудія. На площади проповѣдниковъ былъ уже воздвигнутъ костеръ. Несчастный взошелъ на него и черезъ нѣсколько минутъ спустя отъ него остался одинъ пепелъ" [1]). Гофриди такимъ образомъ не спасло его признаніе въ колдовствѣ; но не лучше была судьба и тѣхъ, которые отличались большей стойкостью характера, какъ показываетъ исторія съ аббатомъ Грандье.

Луденская община урсулинокъ, посвятившихъ себя дѣлу образованія, состояла изъ дочерей знатныхъ лицъ. „Пріоромъ монастыря былъ аббатъ Муссо, вскорѣ впрочемъ умершій. Спустя непродолжительное время послѣ его кончины онъ однажды явился къ г-жѣ де-Бельсьелъ ночью въ видѣ мертвеца и приблизился къ ея постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но послѣ этого привидѣніе стало возвращаться каждую ночь. Мона-

[1]) Рише. Сомнамбулизмъ 1885.

хиня разсказала о своемъ несчастіи товаркамъ. Результатъ получился какъ разъ обратный: вмѣсто одной привидѣніе стало посѣщать всѣхъ монахинь. Въ дортуарѣ то и дѣло раздавались крики ужаса и монахини пускались въ бѣгство. Слово одержимость было пущено въ ходъ и принято всѣми. Монахъ Миньонъ, сопутствуемый двумя товарищами, явился въ обитель для изгнанія злого духа.

Игуменья, мадамъ де-Бельсьель, объявила, что она одержима Астаротомъ и, какъ только начались заклинанія, стала издавать вопли и конвульсивно биться; въ бреду она говорила, что ее околдовалъ священникъ Грандье, преподнося ей розы.

Игуменья, кромѣ того, утверждала, что Грандье являлся въ обитель каждую ночь въ теченіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ и что онъ входилъ и уходилъ, проникая сквозь стѣны.

На другихъ одержимыхъ, между прочимъ на мадамъ де-Сазильи, находили конвульсіи, повторявшіяся ежедневно, особенно во время заклинаній.

Однѣ изъ нихъ ложились на животъ и перегибали голову, такъ что она соединялась съ пятками, другія катались по землѣ въ то время, какъ священники со Св. Дарами въ рукахъ гнались за ними; изо рта у нихъ высовывался языкъ, совсѣмъ черный и распухшій. Когда галлюцинаціи присоединялись къ судорогамъ, то одержимыя видѣли смущавшаго ихъ демона. У мадамъ де-Бельсьель ихъ было 7, у мадамъ де-Сазильи 8, особенно же часто встрѣчались Асмодей, Астаротъ, Левіафанъ, Исаакорумъ, Уріель, Бегемотъ, Дагонъ, Магонъ и тому подобные. Въ монастыряхъ злой духъ носитъ названія, присвоенныя ему въ богословскихъ сочиненіяхъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ монахини впадали въ каталептическое состояніе, въ другихъ онѣ переходили въ сомнамбулизмъ и бредъ или въ состояніе полнаго автоматизма.

Онѣ всегда чувствовали въ себѣ присутствіе злого духа и катаясь по землѣ, произнося безсвязныя рѣчи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительныя вещи, утверждали, что исполняютъ его волю".

А вотъ между прочимъ сцены, которыя разыгрывались въ томъ же монастырѣ подъ вліяніемъ заклинаній и которыя заимствованы изъ книги отца Іосифа.

„Однажды начальница пригласила отца отслужить молебенъ Св. Іосифу и просить его защиты отъ демоновъ во время говѣнія.

Заклинатель немедленно выразилъ свое согласіе, не сомнѣваясь

въ успѣшности чрезвычайнаго молитвословія и обѣщалъ заказать мессы съ той же цѣлью въ другихъ церквахъ.

Вслѣдствіе этого, демоны пришли въ такое бѣшенство, что въ день поклоненія волхвовъ стали терзать игуменью. Лицо ея посинѣло, а глаза уставились въ изображеніе лика Богородицы. Былъ уже поздній часъ, но отецъ Сюренъ рѣшился прибѣгнуть къ усиленнымъ заклинаніямъ, чтобы заставить демона пасть въ страхѣ передъ Тѣмъ, Кому поклонялись волхвы.

Съ этой цѣлью онъ взялъ одержимую въ часовню, гдѣ она произнесла массу богохульствъ, пытаясь бить присутствующихъ и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому наконецъ удалось тихо подвести ее къ алтарю.

Затѣмъ онъ приказалъ привязать одержимую къ скамьѣ и послѣ нѣсколькихъ воззваній повелѣлъ демону Исаакоруму пасть ницъ и поклониться Младенцу Іисусу; демонъ отказался исполнить это требованіе, изрыгая страшныя проклятія.

Тогда заклинатель пропѣлъ Magnificat и во время пѣнія словъ: gloria patri и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой было дѣйствительно переполнено злымъ духомъ, воскликнула: „Да будетъ проклятъ Богъ Отецъ, Сынъ, Святой Духъ и все Небесное Царство!“ Демонъ еще усугубилъ свои богохульства, направленныя противъ Св. Дѣвы, во время пѣнія: Ave Maria Stella, при чемъ сказалъ, что не боится ни Бога, ни Св. Дѣвы, и похвалялся, что его не удастся изгнать изъ тѣла, въ которое онъ вселился.

Его спросили, зачѣмъ онъ вызываетъ на борьбу всемогущаго Бога? „Я дѣлаю это отъ бѣшенства, отвѣтилъ онъ, и съ этихъ поръ съ товарищами не буду заниматься ничѣмъ другимъ!“

Тогда онъ возобновилъ свои богохульства въ еще болѣе усиленной формѣ.

Отецъ Сюренъ вновь приказалъ Исаакоруму поклониться Іисусу и воздать должное какъ Св. Младенцу, такъ и пресвятой Дѣвѣ за богохульственныя рѣчи, произнесенныя противъ нихъ... Исаакорумъ не покорялся.

Послѣдовавшее затѣмъ пѣніе „Gloria“ послужило ему только поводомъ къ новымъ проклятіямъ на Святую Дѣву.

Были еще дѣлаемы попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Іисусу, а Исаакорума повиниться передъ Божьею Матерью, во время которыхъ у игумени появились такія сильныя конвульсіи, что пришлось отвязать ее отъ скамьи.

Присутствующіе ожидали, что демонъ покорится, но Исаакорумъ,

повергая ее на землю, воскликнулъ: „Да будетъ проклята Марія и Плодъ, который Она носила“!

Заклинатель потребовалъ, чтобы онъ немедлено покаялся предъ Богородицей въ своихъ богохульствахъ, извиваясь по землѣ, какъ змѣй, и облизывая полъ часовни въ трехъ мѣстахъ. Но онъ все отказывался, пока не возобновили пѣніе гимновъ. Тогда демонъ сталъ извиваться, ползать и крутиться; онъ приблизился (т. е. довелъ тѣло г-жи де-Бельсьель) къ самому выходу изъ часовни и здѣсь, высунувъ громадный черный языкъ, принялся лизать каменный полъ съ отвратительными ужимками, воемъ и ужасными конвульсіями. Онъ повторилъ то же самое у алтаря, послѣ чего выпрямился и, оставаясь все еще на колѣняхъ, гордо посматривалъ, какъ бы показывая видъ, что не хочетъ сойти съ мѣста; но заклинатель, держа въ рукахъ Св. Дары, приказалъ ему отвѣчать. Тогда выраженіе лица его исказилось и стало ужаснымъ, голова откинулась совершенно назадъ и послышался сильный голосъ, произнесенный какъ бы изъ глубины груди: „Царица Неба и Земли, прости!“

Нетрудно представить себѣ, что подобныя заклинанія не только не дѣйствовали успокоительно на окружающихъ лицъ, но еще способствовали большему развитію бѣшенства у несчастныхъ монахинь. Въ заключеніе слѣдуетъ замѣтить, что Луденская эпидемія урсулинокъ кончилась трагически, такъ какъ несчастный аббатъ Грандье, обвиненный въ чародѣйствѣ, былъ подвергнутъ ужаснымъ пыткамъ и истязаніямъ и былъ въ концѣ концовъ сожженъ на кострѣ.

Описаніе пытокъ и казни Грандье производитъ потрясающее впечатлѣніе и я, щадя нервы читателей, опускаю ихъ здѣсь,—тѣмъ болѣе что это печальное событіе не относится прямо къ интересующему насъ предмету [1]).

Но какъ ни тяжела была казнь Грандье, сожженнаго живымъ на кострѣ съ раздробленными ранѣе голенями, она не успокоила бѣснующихся урсулинокъ, пока не было приступлено къ ихъ изолированію. „Послѣ того демоны стали еще преслѣдовать молодыхъ дѣвушекъ въ гор. Луденѣ. Назывались эти демоны: Уголь нечисти, Адскій Левъ, Феронъ и Магонъ. Эпидемія распространилась даже на окрестности.

Дѣвушки въ Авиньонѣ почти всѣ подпали страшному недугу и обвиняли при этомъ двухъ священниковъ въ чародѣйствѣ; къ сча-

---

[1]) См. Histoires de diables de Loudun.

стью коадьюторъ Поатьевскаго епископа благоразумно повелъ дѣло и разъединилъ бѣсноватыхъ.

Но еще замѣчательнѣе тотъ фактъ, что Авиньонъ, искони считавшійся страною папъ, переполнился около этого времени одержимыми.

Луденская эпидемія заразила умы и охватила собой большое пространство. Страшная Луденская трагедія еще не изгладилась изъ памяти ея современниковъ; истина относительно мученичества несчастнаго Грандье едва только успѣла выясниться, когда разнесся слухъ, что демоны овладѣли обителью св. Елизаветы въ Лувье.

Здѣсь также усердіе духовника послужило, если не причиной, то по крайней мѣрѣ точкой отправленія для распространенія недуга. Лувьевскими монахинями овладѣло желаніе посоперничать въ дѣлѣ набожности съ своимъ духовнымъ пастыремъ.

Они стали поститься по недѣлямъ, проводили въ молитвѣ цѣлыя ночи, всячески бичевали себя и катались полунагія по снѣгу.

Въ концѣ 1642 г. священникъ Пикаръ (духовникъ) внезапно скончался. Монахини, уже и безъ того близкія къ помѣшательству, тогда окончательно помутились.

Ихъ духовный отецъ сталъ являться имъ по ночамъ, онѣ видѣли его бродящимъ въ видѣ привидѣнія, а съ ними самими начали дѣлаться конвульсивные припадки, совершенно аналогичные съ припадками луденскихъ монахинь: у несчастныхъ являлось страшное отвращеніе ко всему, что до тѣхъ поръ наполняло ихъ жизнь и пользовалось ихъ любовью.

Видъ Св. Даровъ усиливалъ ихъ бѣшенство; они доходятъ до того, что даже плюютъ на нихъ. Затѣмъ монахини катаются по церковному полу и, издавая при этомъ страшный ревъ, подпрыгиваютъ, какъ будто подъ вліяніемъ пружинъ".

Современный богословъ Лабретанъ, имѣвшій случай видѣть Лувьевскихъ монахинь, даетъ намъ слѣдующее описаніе ихъ бѣснованій.

„Эти 15 дѣвушекъ обнаруживаютъ во время причастія страшное отвращеніе къ Св. Дарамъ, строютъ имъ гримасы, показываютъ языкъ, плюютъ на нихъ и богохульствуютъ съ видомъ самаго ужаснаго нечестія. Онѣ кощунствуютъ и отрекаются отъ Бога болѣе 100 разъ въ день съ поразительною смѣлостью и безстыдствомъ.

По нѣсколько разъ въ день ими овладѣвали сильные припадки бѣшенства и злобы, во время которыхъ они называютъ себя демонами, никого не оскорбляя при этомъ и не дѣлая вреда священникамъ, когда тѣ во время самыхъ сильныхъ приступовъ кладутъ имъ въ ротъ палецъ.

Во время припадковъ они описываютъ своимъ тѣломъ разныя конвульсивныя движенія и перегибаются назадъ въ видѣ дуги, безъ помощи рукъ, такъ что ихъ тѣло покоится болѣе на тѣмени, чѣмъ на ногахъ, а вся остальная часть находится на воздухѣ; онѣ долго остаются въ этомъ положеніи и часто вновь принимаютъ его. Послѣ подобныхъ усиленныхъ кривляній, продолжавшихся непрерывно иногда въ теченіе 4-хъ часовъ, монахини чувствовали себя вполнѣ хорошо, даже во время самыхъ жаркихъ дней; несмотря на припадки, онѣ были здоровы, свѣжи и пульсъ ихъ бился такъ же нормально, какъ если бы съ ними ничего не происходило. Между ними есть и такія, которыя падаютъ въ обморокъ во время заклинаній, какъ будто произвольно: обморокъ начинается съ ними въ то время, когда ихъ лицо наиболѣе взволновано, а пульсъ становится значительно повышеннымъ. Во время обморока, продолжающагося полчаса и болѣе, у нихъ незамѣтно ни малѣйшаго признака дыханія.

Затѣмъ онѣ чудеснымъ образомъ возвращаются къ жизни, причемъ у нихъ сначала приходятъ въ движеніе большіе пальцы ноги, потомъ ступни и самыя ноги, а за ними животъ, грудь, шея; во все это время лицо бѣсноватыхъ остается совершено неподвижнымъ; наконецъ оно начинаетъ искажаться и вновь появляются страшныя корчи и конвульсіи.

Это описаніе не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что дѣло идетъ въ данномъ случаѣ о нервныхъ проявленіяхъ большой истеріи, хорошо изученной за послѣднее время, особенно со времени классическихъ трудовъ Charcot и его учениковъ.

Здѣсь мы замѣтимъ лишь, что бѣсноватость или одержимость до сихъ поръ далеко не исчезла въ простомъ народѣ. По крайней мѣрѣ и до сихъ поръ среди стекающихся богомольцевъ къ святымъ мѣстамъ изъ глухихъ угловъ провинціи можно встрѣтить тѣхъ же самыхъ бѣснующихся или одержимыхъ, которыя наблюдались и въ средніе вѣка, но болѣзнь эта нынѣ уже много рѣже распространяется эпидемически, какъ то было въ средніе вѣка.

Слѣдуетъ замѣтить, что одержимость въ своихъ проявленіяхъ измѣняется въ зависимости отъ воззрѣнія народовъ. Такъ напр., въ Японіи, вслѣдствіе существующаго повѣрья, по которому лисица является животнымъ, тѣсно связаннымъ съ понятіемъ о дьяволѣ, довольно распространена болѣзнь, которая можетъ быть названа „одержимостью лисицами“ [1]).

[1]) См. Д-ръ Рейцъ. О бѣсоодержимости въ Японіи. Обозр. Психіатріи № 2. 1901.

Здѣсь заслуживаетъ упоминанія, что кромѣ бѣсоодержимости еще и нынѣ встрѣчается въ простомъ народѣ, по крайней мѣрѣ у русскихъ, „одержимость гадами", которую я описалъ какъ особый видъ психоза, въ 1900году [1]). Въ этомъ случаѣ больные, обыкновенно также истерики и истерички, признаютъ, что въ ихъ желудкѣ живутъ змѣи или жабы, которыя ихъ и терзаютъ. Змѣя по убѣжденію больныхъ заползаетъ къ нимъ въ желудокъ черезъ ротъ обыкновенно во время сна; жаба же или лягушки развиваются въ желудкѣ изъ случайно проглоченной икры.

Въ новѣйшее время въ нашей клиникѣ были сдѣланы и дальнѣйшія наблюденія надъ „одержимостью гадами" [2]).

Здѣсь слѣдуетъ однако замѣтить, что эта форма одержимости наблюдалась до сихъ поръ лишь отдѣльными случаями, хотя возможны и здѣсь случаи одновременнаго заболѣванія нѣсколькихъ лицъ.

Эпидеміи кликушества и порчи.

Наше современное кликушество въ русскомъ народѣ, не есть ли тоже отраженіе средневѣковыхъ демонопатическихъ болѣзненныхъ формъ? Въ этомъ отношеніи авторы, изучавшіе проявленія кликушества, не безъ основанія сравниваютъ или даже отождествляютъ это состояніе съ демономаніей среднихъ вѣковъ или бѣсоодержимостью [3]).

По словамъ д-ра Кранскаго [4]), имѣвшаго возможность изслѣдовать эпидеміи кликушества на мѣстахъ ихъ развитія, „кликушество, начиная съ XVI вѣка по настоящее время составляетъ явленіе русской народной жизни, игравшее и играющее въ ней далеко не послѣднюю роль. Несмотря на значительный прогрессъ, имѣвшій мѣсто за послѣднія десятилѣтія въ культурѣ русскаго народа, кликушество и въ настоящее время проявляется въ той формѣ, какъ оно намъ извѣстно по литературнымъ источникамъ XVI и XVII вѣка".

„Распространено кликушество по всей Россіи, преимущественно на сѣверѣ и въ Великороссіи. Особенно много кликушъ въ Москов-

---

[1]) См. В. Бехтеревъ. Одержимость гадами. Обозрѣніе психіатріи 1900 № 5. См. также. Centr. f. Psychiatrie u. Nervenheilk. 1900.

[2]) См. В. Осиповъ. Одержимость гадами и ея мѣсто въ классификаціи психозовъ. Обозр. психіатріи № 2 1905.

[3]) Д-ръ Штейнбергъ. Кликушество и его судебно-медицинское значеніе. Арх. суд. мед. 1870 № 2.

[4]) Д-ръ Краинскій. Порча, кликуши и бѣсноватые. 1900. стр. 213—214.

ской, Смоленской, Тульской, Новгородской и Вологодской губерніяхъ, хотя и всѣ вообще сосѣднія съ Московской губерніи отдаютъ кликушеству изрядную дань. Къ югу много кликушъ находимъ въ Курской губерніи; но далѣе въ Харьковской и въ южныхъ губерніяхъ кликуши становятся очень рѣдкими и постепенно исчезаютъ. На западѣ есть центръ, куда стекается много пришлыхъ со всей Россіи кликушъ, это—Кіево-печерская лавра. Но въ юго-западномъ и сѣверо-западномъ краѣ, несмотря на существующія тамъ понятія о колдовствѣ, кликушество въ чистой формѣ не встрѣчается. За то по всему сѣверу Россіи и далѣе на востокъ по всей Сибири кликушество широко распространено, составляя обыденное явленіе народной жизни. На сѣверѣ распространена особая форма кликушества въ видѣ томительной икоты. Интересно, что въ нѣсколько измѣненной формѣ оно встрѣчается у лопарей, а на востокѣ у киргизовъ".

Само по себѣ кликушество есть ничто иное, какъ розновидность истерической одержимости, принимающая своеобразную форму, благодаря воззрѣніямъ простого народа, допускающимъ возможность „порчи людей" различными способами со стороны мнимыхъ колдуновъ и вѣдьмъ, что и приводитъ къ развитію приступовъ истеріи разнообразными судорогами и кривляніями и съ выкликаніями именъ лицъ, по мнѣнію больныхъ ихъ испортившихъ, особенно во время наиболѣе торжественныхъ молитвословій въ церквахъ.

Наиболѣе частая и типическая форма кликушнаго припадка состоитъ въ томъ, что кликуша начинаетъ „кричать на голоса"—симптомъ, отъ котораго болѣзнь и получила свое названіе. Иногда кликуша произноситъ „безсмысленные звуки съ различными переливами и интонаціей... Крикъ этотъ напоминаетъ всхлипываніе, голоса животныхъ, сабачій лай или кукуканье, очень часто онъ прерывается громкимъ иканьемъ или рвотными звуками... Въ другихъ случаяхъ кликуша сразу начинаетъ выкрикивать опредѣленныя слова... Содержаніе выкрикиваемыхъ словъ весьма различно. Чаще всего она кричитъ „ой лихо мнѣ, ой тяжко, страда-а-аю" и т. д. Иногда же сразу начинаетъ выкрикивать, что въ нее насадили чертей, что ее испортили". При этомъ кликуша обыкновенно выкликиваетъ и имя того лица, которое будто бы ее испортило. Надо впрочемъ замѣтить, что припадокъ рѣдко ограничивается однимъ крикомъ. Обыкновенно кликуша падаетъ на землю и при продолжающемся выкликиваніи „начинаетъ биться, производя самыя разнообразныя движенія... Кликуша катается по полу, безпорядочно мечется, бьетъ руками и ногами объ полъ, извивается... Движенія эти то усиливаются, то стихаютъ.

Продолжительность припадка отъ 10 минутъ до 2 — 3 часовъ [1]).

Въ случаяхъ бывшихъ подъ моимъ наблюденіемъ, кромѣ описанныхъ явленій, я долженъ отмѣтить еще особенное кривлянье лица во время кликушнаго припадка. Дѣйствительно, наблюдая кликушу во время припадка, можно поражаться иногда тѣми отвратительными гримасами, которыя она продѣлываетъ.

Заслуживаетъ далѣе вниманія то обстоятельство, что кликуши по крайней мѣрѣ въ моихъ случаяхъ обнаруживали амнезію всего припадочнаго состоянія, если конечно оно достигаетъ своего полнаго развитія.

Что касается условій развитія кликушества въ народѣ, то и здѣсь вліяніе внушенныхъ ранѣе, привитыхъ идей на проявленіе болѣзненныхъ состояній неоспоримо.

Извѣстно, что такого рода больные во время церковной службы при извѣстныхъ возглашеніяхъ подвергаются жесточайшимъ истерическимъ припадкамъ.

И здѣсь повторяется то-же, что было и въ средніе вѣка. Несчастные больные заявляютъ открыто и всегласно о своей бѣсоодержимости; во время же припадковъ говорятъ какъ-бы отъ имени сидящаго въ нихъ бѣса.

Эпидеміи кликушества въ Россіи развивались издавна то въ той, то въ другой мѣстности.

„Въ Хуторѣ Букрѣевскомъ Екатеринославской губерніи весною 1861 г. на людяхъ появилась болѣзнь, отъ которой заболѣвающіе падаютъ безъ чувства на землю и одни изъ нихъ хохочутъ, другіе плачутъ, нѣкоторые лаютъ по собачьи и кукукаютъ по птичьи и въ припадкѣ болѣзни разсказываютъ, какъ они попорчены и кто еще чрезъ нѣсколько сутокъ будетъ опять пораженъ такою болѣзнью, при чемъ нѣкоторые изъ предсказаній скоро сбывались. Пораженныхъ такою болѣзнѣю 7 душъ“ [2]). Одна изъ такихъ эпидемій кликушества, развившаяся въ 1879 г. въ д. Врачевѣ Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи кончилась даже сожженіемъ подозрѣваемой въ „порчѣ людей“ крестьянки Игнатьевой. „Убѣжденіе, что Игнатьева—колдунья находило себѣ поддержку въ нѣсколькихъ случаяхъ нервныхъ болѣзней, которымъ подвергались крестьянки той мѣстности, гдѣ поселилась Игнатьева. Около крещенія 1879 г. Игнатьева приходила

---

[1]) См. Крапнскій, loco cit.

[2]) Дѣло о кликушахъ. Журн. Министерства Юстиціи 1862 г. т. XIII стр. 617.

въ домъ къ крестьянину Кузьмину и просила творогу, но въ этомъ ей отказали; вскорѣ послѣ того заболѣла его дочь, которая въ припадкахъ выкликала, что попорчена Игнатьевою. Такою же болѣзнью была больна крестьянка деревни Передниково Марья Иванова. Наконецъ въ концѣ января 1879 г. въ деревнѣ Врачевѣ заболѣла дочь крестьянки Екатерина Иванова Зайцева, у которой ранѣе того умерла отъ подобной же болѣзни родная сестра, выкликавшая передъ смертью, что попорчена Игнатьевой". Такъ какъ Иванова выкликала, что попорчена Игнатьевою, то ея мужъ отставной рядовой Зайцевъ подалъ жалобу уряднику, который и пріѣзжалъ во Врачево для производства дознанія за нѣсколько дней до сожженія Игнатьевой. „Крестьянинъ Никифоровъ просилъ крестьянъ защитить его жену отъ Игнатьевой, которая будто бы собирается ее испортить, какъ объ этомъ выкликала больная Екатерина Иванова. Игнатьеву заперли въ хатѣ, заколотили окна и сожгли. 3-хъ участниковъ приговорили къ церковному покаянію, остальные признаны невиновными" [1]).

Между прочимъ одна изъ недавнихъ эпидемій кликушества развилась съ чрезвычайной быстротой во время свадебнаго пиршества въ с. Б. Петровскомъ Подольскаго уѣзда Московской губерніи. Начавшись съ невѣсты, болѣзнь перешла затѣмъ къ жениху и охватила 15 лицъ, участвовавшихъ въ пирѣ [2]). Другая эпидемія, развившаяся нѣсколько лѣтъ спустя также во время свадебныхъ пиршествъ и также въ Подольскомъ уѣздѣ Московской губерніи, ограничилась четырьмя лицами [3]).

Русская литература обладаетъ вообще многочисленными описаніями эпидемій кликушества, но изъ нихъ лишь немногіе были предметомъ медицинскаго наблюденія.

Изъ медицинскихъ сочиненій, которыя останавливаются на кликушествѣ, мы упомянемъ здѣсь о работахъ И. Д. Любимова [4]), Кле-

---

[1]) Краинскій, loco cit. стр. 77—78. См. Также Правит. Вѣстникъ 1879. № 230. Дѣло о 17 крестьянахъ, обвиняемыхъ въ сожженіи солдатки Игнатьевой, слывшей въ средѣ крестьянъ за колдунью.

[2]) Д-ръ Яковенко. Эпидемія истерическихъ судорогъ въ Подольскомъ уѣздѣ Моск. губ. Вѣстн. Общ. гигіены т. XXV, кн. III, отд. III.

[3]) Д-ръ Геника. Вторая эпидемія истерическихъ судорогъ въ Подольскомъ уѣздѣ Моск. губ Невр. Вѣстн. 1898, т. VI, вып. 4.

[4]) И. Д. Любимовъ. Медико-топографическое описаніе кузнецкаго уѣзда, Сарат. губ. Прот. общ. русск. врачей, за 1858—59 г.

ментовскаго, Штейнберга [1]), Яковенко [2]), Краинскаго [3]), Никитина [4]) и Попова [5]).

Всѣ лица, которыя пожелали бы въ исторической послѣдовательности прослѣдить у насъ развитіе эпидемій этого рода, найдутъ матеріалъ въ книгѣ Н. Краинскаго „Порча, кликуши и бѣсноватые“ (Новгородъ, 1900), которому пришлось изслѣдовать по порученію Медицинскаго Департамента одну изъ эпидемій такого рода, развившихся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Смоленской губерніи [6]). Тотъ же авторъ нѣсколько времени спустя могъ наблюдать другую эпидемію кликушества въ д. Большой Дворъ, Тихвинскаго уѣзда Новгородской губерніи. Нѣтъ сомнѣнія, что эти эпидеміи всегда и вездѣ развивались подъ вліяніемъ поддерживаемаго въ народѣ вѣрованія о возможности порчи и бѣсоодержимости, въ чемъ немалую роль сыграло наше духовенство. Для поясненія того, какую роль играетъ внушеніе и самовнушеніе при развитіи эпидемій порчи и кликушества, я приведу здѣсь изъ того, что мною раньше сказано по этому поводу [7]), нижеслѣдующія строки:

Не подлежитъ сомнѣнію, что психическая сторона т. наз. порчи и кликушества, какъ и бѣсноватости, черпаетъ свои особенности въ своеобразныхъ суевѣріяхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ народа. Въ простомъ народѣ лежитъ глубокое вѣрованіе, о возможности болѣзненныхъ проявленій подъ вліяніемъ овладѣванія человѣкомъ со стороны нечистой силы. Какъ вслѣдствіе вѣры въ Бога является убѣжденіе о возможности происхожденія болѣзней, вслѣдствіе божьяго гнѣва и наказанія, такъ и вслѣдствіе вѣры въ нечистую силу могутъ происходить болѣзненныя явленія. При этомъ не только самъ дьяволъ можетъ воздѣйствовать на человѣка (отсюда т. наз.

---

[1]) Штейнбергъ. Кликушество и его судебно-медицинское значеніе. Арх. суд. медиц. 1870 г. № 2.

[2]) Яковенко. Эпидемія истерическихъ судорогъ въ подольскомъ уѣздѣ, Московск. губ. Вѣстн. общ. гиг., т. XXV, кн. III, отд. II.

[3]) Н. Краинскій. Порча, кликуши и бѣсноватые, какъ явленіе русской народной жизни, съ предисловіемъ В. Бехтерева. Новгородъ 1900.

[4]) Никитинъ. Къ вопросу о кликушествѣ. Обозр. псих. 1903.

[5]) Поповъ. Русская народно-бытовая медицина по матеріаламъ этнографическаго бюро кн. Тенишева. Спб. 1903.

[6]) См. также сообщеніе д-ра Никитина (изъ нашей клиники): Къ вопросу о кликушествѣ (Научн. Собр. вр. клин. душ. и нервн. бол. 1903), въ которомъ описаны кликуши съ ихъ припадками и приведены результаты ихъ изслѣдованія.

[7]) См. Предисловіе къ книгѣ Н. Краинскаго. Новгородъ 1900.

„дьявольское навожденіе“), но онъ можетъ пользоваться для этой цѣли предавшимися ему людьми, извѣстными подъ названіемъ колдуновъ и вѣдьмъ. Причиненіе вреда здоровью другимъ тѣми или другими способами и составляетъ по признанію народа т. наз. „порчу“, нерѣдко выражающуюся въ формѣ кликушества. Этимъ воззрѣніемъ объясняется не только характеръ бредовыхъ идей о порчѣ, о вселеніи нечистой силы во внутрь тѣла, но и всѣ другія характерныя явленія въ поведеніи кликушъ, порченыхъ и бѣсноватыхъ, такъ напр. ихъ своеобразная боязнь всего, что вѣрою народа признается святымъ, наступленіе припадковъ въ церкви при пѣніи „херувимской“, при извѣстныхъ молитвословіяхъ во время служенія молебновъ и при отчитываніи, ихъ выкликанія и непереносливость того лица, которое они обвиняютъ въ порчѣ и въ причиненіи имъ бѣсоодержимости, часто наблюдаемая наклонность къ произношенію бранныхъ и неприличныхъ словъ, поразительное богохульствованіе и святотатственное поведеніе противъ иконъ, склонность нѣкоторыхъ изъ кликушъ къ прорицанію и т. п. Сюда принадлежитъ и боязнь табака, наблюдаемая у нѣкоторыхъ кликушъ, какъ заимствованіе отъ сектантовъ. Извѣстно, что куреніе табака по взгляду многихъ сектантовъ, которыхъ народъ вообще именуетъ „еретиками“, есть дѣло рукъ антихриста, а потому они не только не употребляютъ табака, но и не допускаютъ его въ свои избы. Поэтому боязнь табака у кликушъ выражаетъ какъ бы принадлежность ихъ къ ереси, что въ глазахъ простого народа почти равносильно богоотступничеству.

Своеобразнымъ толкованіемъ происхожденія кликушества объясняется и взглядъ народа, что кликуша не можетъ быть вылечена врачебнымъ вмѣшательствомъ, „порча“ можетъ быть снята тѣмъ же колдуномъ или вѣдьмой или какимъ либо другимъ болѣе сильнымъ колдуномъ или же наконецъ путемъ чудеснаго исцѣленія при проявленіи Божественной благодати.

Что касается до самой натуры кликушества, то въ настоящее время еще нѣтъ полнаго согласія между авторами, писавшими о кликушествѣ. Клементовскій, Штейнбергъ и Никитинъ признаютъ его за проявленіе истеріи, другіе же, какъ напр. Краинскій, разсматриваютъ его, какъ своеобразное болѣзненное состояніе, развивающееся на почвѣ сомнамбулизма (въ смыслѣ Шарко). На основаніи своихъ наблюденій, сдѣланныхъ надъ кликушами, изслѣдованными въ клиникѣ, я прихожу къ выводу, что кликушество представляетъ собою своеобразный истерическій психозъ, въ которомъ бредъ нахо-

дится въ тѣсной связи съ истерическими судорогами и сомнамбулическими приступами истерическаго же характера.

Въ виду всего вышесказаннаго нельзя не согласиться съ тѣмъ, что кликушество, являясь своеобразнымъ истерическимъ психозомъ, въ значительной мѣрѣ обязано своимъ происхожденіемъ бытовой сторонѣ жизни русскаго народа. Очевидно, что своеобразныя суевѣрія и религіозныя вѣрованія народа даютъ психическую окраску того болѣзненнаго состоянія, которое извѣстно подъ названіемъ порчи, кликушества и бѣсноватости.

Глубоко интересенъ вопросъ о развитіи кликушества и бѣсоодержимости въ нашемъ народѣ. Въ этомъ отношеніи играетъ повидимому огромную роль невольное самовнушеніе и внушеніе, испытываемое отдѣльными лицами при различныхъ условіяхъ. Но кромѣ привившейся тѣмъ или инымъ путемъ идеи о порчѣ въ развитіи кликушества большую роль играетъ и элементъ подражанія или заразы. Кликушами дѣлаются только тѣ истерическія женщины, которыя вмѣстѣ съ идеей о порчѣ видѣли и осязательные примѣры дѣйствія порчи въ своемъ прошломъ. Описаніе бѣсноватости въ священныхъ книгахъ, разсказы о порчѣ и бѣсоодержимости и вѣра въ колдуновъ и вѣдьмъ, передаваемыя изъ устъ въ уста въ простомъ народѣ, особенно же поражающія картины кликушества и бѣсоодержимости, которыя приходится видѣть русской крестьянкѣ въ церкви,—картины, которыя надолго запечатлѣваются въ душѣ всякаго, кто имѣлъ случай наблюдать неистовство кликушъ и бѣсноватыхъ, особенно же ихъ неслыханныя богохуленія и оскверненіе святынь, дѣйствующихъ на расположенныхъ лицъ на подобіе сильнаго и неотразимаго внушенія. Еще болѣе поражающимъ образомъ должны дѣйствовать тягостныя картины бѣснованія кликушъ во время публичныхъ отчитываній, которыя даже и при счастливомъ исходѣ въ смыслѣ исцѣленія отъ кликушества еще болѣе укрѣпляютъ въ простомъ народѣ вѣру въ бѣсоодержимость. Въ этомъ отношеніи глубоко знаменательно замѣчаніе автора, что большую, если не первенствующую, роль въ развитіи кликушества въ Россіи играютъ монастыри, особенно Московскіе и окрестныхъ губерній.

Будучи самъ свидѣтелемъ такого рода отчитываній порченыхъ и бѣсноватыхъ въ отдаленныхъ монастыряхъ Европейской Россіи, я вполнѣ раздѣляю взглядъ автора о значеніи монастырей, какъ распространителей порчи и бѣсоодержимости въ населеніи.

„Уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ сюда (т. е. къ московскимъ монастырямъ), говоритъ д-ръ Краинскій, стекаются на богомолье

кликуши со всѣхъ сторонъ Россіи съ надеждою получить исцѣленіе. Здѣсь ихъ отчитывали специальными молитвами монахи, здѣсь имъ давались травы и священное масло, а въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, какъ напр. въ Москвѣ въ Симоновскомъ монастырѣ, для бѣсноватыхъ и теперь служится обѣдня и отецъ Маркъ отчитываетъ ихъ спеціально въ продолженіе 6 недѣль. По монастырямъ во время службы, на крестныхъ ходахъ и богомольяхъ у чудотворныхъ иконъ можно видѣть массу кликушъ, впадающихъ въ состояніе припадковъ. Эти припадки сильно поражаютъ производимымъ ими впечатлѣніемъ воображеніе окружающихъ и бурная картина видѣннаго припадка хорошо запечатлѣвается въ памяти простодушной поселянки, пришедшей на поклоненіе святынѣ изъ глухой русской деревни. Здѣсь большинство русскихъ кликушъ воспринимаетъ и безсознательно обучается тѣмъ проявленіемъ болѣзни, которыя они позже, когда становятся сами кликушами, воспроизводятъ благодаря болѣзненному подражанію". Немало кликушъ стало собираться въ послѣднее время и въ Саровъ, особенно со времени открытія въ немъ мощей св. Серафима, какъ мы въ томъ можемъ убѣдиться изъ работы д-ра Никитина, врача нашей клиники, на мѣстѣ изучавшаго кликушей, бывшихъ въ Саровѣ [1]).

При существованіи религіознаго внушенія о возможности порчи и бѣсоодержимости, очевидно достаточно для предрасположенной личности уже самаго незначительнаго повода, чтобы развилась болѣзнь. Если такая личность случайно взяла изъ рукъ подозрѣваемаго въ колдовствѣ лица какую-либо вещь или поѣла его хлѣба, выпила воды или квасу изъ его рукъ, или даже просто встрѣтилась съ нимъ на дорогѣ, - всего этого уже достаточно, чтобы болѣзнь развилась въ полной степени. Иногда даже простое воспоминаніе о тѣхъ или другихъ отношеніяхъ къ мнимому колдуну или вѣдьмѣ дѣйствуетъ на подобіе самовнушенія о происшедшей уже порчѣ и съ этого момента впервые развиваются стереотипныя болѣзненныя проявленія, которыя затѣмъ, повторяясь при соотвѣтствующихъ случаяхъ, укрѣпляются все болѣе и болѣе.

Само собою разумѣется, что разсматриваемыя состоянія при благопріятныхъ условіяхъ легко могутъ принимать эпидемическое распространеніе, которое вообще случается нерѣдко при появленіи

---

[1]) Никитинъ. Къ вопросу о кликушествѣ. Обозрѣніе психіатріи 1903. №№ 9—10.

кликуши въ томъ или другомъ мѣстѣ; поводовъ для развитія эпидемій въ такихъ случаяхъ можетъ быть множество.

Одна кликуша, какъ было напр. въ с. Ащепковѣ, во время церковной службы заявляетъ, что кликать будутъ вскорѣ и другія и уже этого заявленія достаточно, чтобы расположенныя женщины при общей поддержкѣ убѣжденія, что въ средѣ ихъ завелся колдунъ или вѣдьма, подверглись затѣмъ кликушнымъ припадкамъ. Въ другихъ случаяхъ достаточно нечаянно оброненнаго слова или дурного пожеланія кому-либо въ ссорѣ, которое, дѣйствуя подобно внушенію, вызываетъ затѣмъ дѣйствительное болѣзненное разстройство, вселяющее въ заболѣвшемъ лицѣ и въ окружающихъ его убѣжденіе, что появившееся болѣзненное разстройство дѣло рукъ вѣдьмы или колдуна и уже почва для развитія эпидеміи кликушества и порчи въ населеніи готова.

Такъ или приблизительно такъ дѣло происходитъ во всѣхъ вообще мѣстахъ, гдѣ развиваются подобныя же эпидеміи. Въ этомъ отношеніи особенно интересна та поразительная внушаемость, которая по наблюденіямъ автора появляется у кликушъ, и то обстоятельство, что у многихъ изъ нихъ наблюдаются довольно глубокія степени гипноза, напоминающія, по крайней мѣрѣ отчасти, тѣ истерическія формы гипноза, которыя демонстрировалъ покойный профессоръ Charcot въ Парижскомъ Сальпетріерѣ.

Только что указанный фактъ, безъ сомнѣнія, достоинъ большого вниманія и при томъ не только съ точки зрѣнія происхожденія болѣзненнаго состоянія, о которомъ идетъ рѣчь, но и съ точки зрѣнія лечебнаго значенія гипнотическаго внушенія при порчѣ и кликушествѣ.

Самъ народъ инстинктивно ищетъ исцѣленія отъ своего недуга, пріобрѣтеннаго, какъ было выяснено, путемъ внушенія. не столько въ лекарственной медицинѣ, сколько въ молитвословіяхъ и въ отчитываніи въ монастыряхъ и въ другихъ религіозныхъ обрядахъ и церемоніяхъ или же идетъ къ знахарямъ или т. наз. колдунамъ, гдѣ также лечится наговорами. Очевидно, что внушеніе, систематически проведенное при условіи разобщенія кликушъ другъ отъ друга и обособленіи ихъ отъ здоровыхъ или освободившихся отъ припадковъ, съ цѣлью устраненія отъ взаимовнушенія и вліянія однихъ на другихъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ лечебныхъ мѣропріятій, къ которымъ отнынѣ слѣдуетъ прибѣгать въ каждомъ случаѣ эпидеміи кликушества, порчи и бѣсноватости.

Само собою разумѣется, что порча касается не однихъ женщинъ.

но и мужчинъ и такія лица, получившія порчу по вліянію какого-либо дурного человѣка и до сихъ поръ слывутъ въ темной массѣ русскаго народа подъ названіемъ „порченыхъ“ или „бѣсноватыхъ“.

Во время отчитываній, которыя производятся надъ такого рода больными еще и теперь въ монастыряхъ нашей глухой провинціи можно видѣть тѣ ужасныя корчи, которымъ подвергаются такого рода бѣсноватые при производствѣ надъ ними заклинаній, при чемъ дьяволъ, вошедшій въ человѣка, можетъ быть вызванъ на отвѣты и не скрываетъ своего имени, горделиво называя себя во всеуслышаніе „Легіонъ“ или „Вельзевулъ“ или какими-либо другими библейскими именами.

Всѣ эти сцены, которыхъ очевидцемъ мнѣ приходилось быть неоднократно, безъ сомнѣнія являются результатомъ внушенныхъ идей, заимствованныхъ изъ библіи и народныхъ вѣрованій. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы наши кликуши, которыхъ встрѣчается немало въ нашихъ деревняхъ [1]), жили въ средніе вѣка, то они неминуемо подверглись бы сожженію на кострѣ.

Впрочемъ кликушество въ народѣ, хотя еще и по сіе время заявляетъ о себѣ отдѣльными вспышками эпидемій въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ нашей провинціи, но во всякомъ случаѣ въ настоящее время оно уже не приводитъ къ развитію тѣхъ грозныхъ эпидемій, какими отличались средніе вѣка, когда воззрѣнія на могучую власть дьявола и бѣсоодержимость были господствующими не только среди простого народа, но и среди интеллигентныхъ классовъ общества и даже среди самихъ судей, которые были призваны для выполненія надъ колдунами и колдуньями правосудія и удовлетворенія общественной совѣсти.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что къ порядку родственныхъ съ одержимостью явленій принадлежитъ и шаманство зауральскихъ инородцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ и киргизскіе бакши (Baksy) не безъ основанія приравниваются къ шаманамъ [2]). Подробное разсмотрѣніе этого предмета однако завело бы насъ слишкомъ далеко; поэтому мы здѣсь ограничимся лишь указаніемъ, что въ развитіи тѣхъ своеобразныхъ явленій, которыя можно наблюдать у шамановъ и бакшей, играетъ также большую роль какъ внушеніе, такъ и самовнушеніе.

---

[1]) По указанію П. Якобія въ одной Орловской губ. за 1899 г. было болѣе тысячи кликушъ. Вѣстн. Европы, окт. 1903, стр. 738.

[2]) См. Радловъ. Изъ Сибири II.—L. Schrenck. Reisen und Vorschungen im Amurlande, Bd. III. Lief. 3. Stoll, loco cit.

Другія психопатическія эпидеміи религіознаго характера.

До сихъ поръ еще не лишены важнаго соціальнаго значенія другого рода психопатическія эпидеміи религіознаго и иного характера, которыя выражаются развитіемъ странныхъ заблужденій въ народѣ, носящихъ явныя психопатическія черты. Такого рода эпидеміи случались повидимому еще во времена глубокой древности.

Еще Геродотъ говоритъ о психическихъ эпидеміяхъ. Плутархъ заявляетъ о мономаніи милезійскихъ дѣвицъ [1]).

Pallas говоритъ о своеобразной эпидеміи въ видѣ бѣшенства (Wut) между татарскими дѣвушками, описываемой имъ изъ своего путешествія, относящагося къ 1772 году [2])

Такого рода психическія эпидеміи случались и случаются еще и нынѣ въ разныхъ странахъ. Описаніе этихъ эпидемій мы можемъ найти между прочимъ у Sierke [3]), Ebel'я [4]), Stoll'я [5]), F. Rosenfeld'a [6]), Schlichtegroll'a [7]), R. Henneberg'a [8]), Dr. L. Bauman'a [9]), Seeligmüller'a и др. У насъ въ Россіи также было описано нѣсколько психопатическихъ эпидемій религіознаго характера, на которыхъ мы остановимся ниже. Вообще психопатическія и истерическія эпидеміи до сихъ поръ еще происходятъ въ населеніи, а также въ монастыряхъ и школахъ и особенно въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ въ 1857 — 64 въ Савойѣ развилась эпидемія бѣсоодержимости у дѣвушекъ, принимавшихъ первое причастіе; эпидемія эта прекратилась, вслѣдствіе удаленія духовенства и благодаря принятію гигіеническихъ

---

1) Сумцовъ. Очеркъ исторіи колдовства въ западной Европѣ. Харьковъ. 1878. стр. 24.

2) Pallas. Путешествія III. стр. 403.

3) Sierke. Schwärmer und Schwindler zu Ende des XVIII. Jahrhunderts. Leipzig. 1874.

4) Ebel. Der Mucker von Königsberg.

5) Stoll. Sugeestion und Hipnotismus in der Völkerpsychologie. Leipzig. 1894.

6) F. Rosenfeld. „Der Messias von Berlin".

7) Schlichtegroll. Der Messias von Berlin. Wochenschrift für Geschichte etc. 1899.

8) R. Henneberg. Beitrag z. forens. Psychiatrie. Chraité-Annalen. XXIV. Jahrg.

9) Baumann. Psychische infectie. Psychiatrische en Neurologiscle Bladen. № 1. 1898.

мѣропріятій [1]). Затѣмъ не далѣе, какъ въ 1878—79 году въ Итальянскомъ мѣстечкѣ Верценьисъ недалеко отъ Удины разыгралась эпидемія бѣсоодержимости, приведшая къ возбужденію населенія, успокоеніе котораго потребовало примѣненія военной силы.

Изъ религіозныхъ эпидемій между прочимъ достойны вниманія американскія религіозныя движенія, извѣстныя подъ именемъ возрожденія. Заимствуемъ описаніе этихъ эпидемій изъ книги Б. Сидиса:

„Въ 1800 г. волна религіозной маніи прошла по странѣ и достигла высшей степени въ знаменитыхъ Кентукскихъ возрожденіяхъ. Первый митингъ подъ открытымъ небомъ происходилъ въ Cobin Creck. Онъ начался 22 мая и продолжался четыре дня и 3 ночи Крики, пѣсни, молитвы, возгласы, припадки конвульсій превратили это мѣсто въ пандемоніумъ. Старавшіяся уйти или принуждены были вернуться, какъ бы влекомые какой-то таинственной силой, или падали въ судорогахъ на дорогѣ. Язва распространялась, свирѣпствуя съ неутихающей яростью. Семьи пріѣзжали изъ далекихъ мѣстностей, чтобы присутствовать на митингахъ. Обыкновенно полевые митинги продолжались 4 дня, отъ пятницы до утра вторника, а иногда они тянулись цѣлую недѣлю. Одинъ быстро слѣдовалъ за другимъ. Народъ оживлялъ лѣса и дороги, ведущія къ мѣстамъ сборищъ. „Кабатчикъ“, пишетъ д-ръ Davidson [2]), „бросалъ свою работу, старикъ хватался за костыль, юноша забывалъ свои развлеченія, плугъ былъ оставленъ въ бороздѣ; звѣрь наслаждался отдыхомъ въ горахъ, всѣ дѣла останавливались; смѣлые охотники и солидные матросы, молодые люди, дѣвушки и малыя дѣти стекались къ общему центру притяженія“. На одномъ изъ этихъ митинговъ присутствовало 20 тысячъ народу.

«Общій митингъ въ Jndian Creck, Harrison Cannty, продолжался около 5 дней. Сначала было спокойно. Но внушеніе не замедлило притти и на этотъ разъ оно было дано ребенкомъ. 14-лѣтній мальчикъ взобрался на обрубокъ и началъ жестоко безумствовать, онъ скоро привлекъ къ себѣ главную массу народа. Побѣжденный могучими эмоціями, маленькій мальчикъ поднялъ руки и, роняя платокъ, омоченный слезами и пóтомъ, воскликнулъ: „Такъ, о грѣшникъ, ты полетишь въ адъ, если не отступишь отъ своихъ грѣховъ и не вернешься ко Господу!“ Въ этотъ моментъ накоторые упали на землю,

---

[1]) Д-ръ Штейнбергъ. Кликушество. Арх. суд. мед. 1870. № 2.
[2]) Davidson. History of the presbyterian church in Kentucky.

„подобно пораженнымъ въ битвѣ и дѣло пошло дальше такъ, что языкъ человѣческій не въ состояніи описать“. Тысячи людей извивались, корчились и метались въ припадкахъ религіознаго изступленія. Такъ сильна была зараза «возрожденія», что даже индифферентные зрители, насмѣшники и скептики, поражались ею и присоединялись къ неистовствамъ безумныхъ религіозныхъ мальчиковъ и впадали въ сильныя конвульсіи религіозной истеріи» [1]).

По словамъ проф. D. W. Jaudel'я [2]): «Во многихъ мѣстахъ религіозная манія принимала форму смѣха, пляски и лая или превращенія въ собаку. Цѣлыя собранія бились въ судорогахъ съ истерическимъ смѣхомъ во время богослуженія. Въ дикомъ бреду религіознаго изступленія люди принимались плясать и наконецъ лаять по собачьи. Они принимали собачьи позы, ходя на четвереренькахъ, рыча, щелкая зубами и лая съ такою точностью подражанія, что обманули бы того, кто не глядѣлъ на нихъ. И терпѣвшіе такую позорную метаморфозу не всегда принадлежали къ простонародью; напротивъ того лица высшаго положенія въ обществѣ, мужчины и женщины культивированнаго ума и приличныхъ манеръ были черезъ сочувствіе доводимы до этого унизительнаго состоянія».

Подобныя же эпидеміи возрожденія случались въ Америкѣ неоднократно. Прекрасное описаніе большой эпидеміи возрожденія, приведшей къ половымъ союзамъ, мы находимъ у Albert'a S. Rhodes'a [3]).

«Что обыкновенно называютъ «Великимъ Американскимъ возрожденіемъ», говоритъ этотъ авторъ, «началось одновременно въ New-Hoven'ѣ и New-York'ѣ въ 1832 г. и повидимому не было дѣломъ отдѣльнаго лица или лицъ, но явилось въ полномъ смыслѣ народнымъ движеніемъ. Оно носилось въ атмосферѣ, было въ умахъ людей. Эпидемія разрасталась и свирѣпствовала подобно пожару въ одной части страны, извѣстной у старожиловъ подъ именемъ «сожженнаго округа». Особенно же рѣзко она выразилась по берегу озера Ontario и въ областяхъ Madison и Oneida.

Характерные признаки сопровождали эту духовную бурю. Бальныя залы обращались въ мѣста молитвъ, театры въ церкви... Логически разсуждавшимъ священникамъ говорили, что они держатъ

---

[1]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія, стр. 347—349.
[2]) Prof. D. W. Jaudel, Epidemic convulsions. Brain. October. 1881.
[3]) Albert S. Rhodes, Applitons Journal. Dec. II. 1875. Приведено у Б. Сидиса.

губку съ уксусомъ у засохшихъ губъ грѣшниковъ вмѣсто того, чтобы вести ихъ къ источнику жизни, изъ котораго они могли бы пить вдоволь. Съ ними поступали, какъ обыкновенно, при этихъ движеніяхъ, т. е. отстраняли, чтобы дать мѣсто новымъ толкователямъ и пророкамъ, крикунамъ и невѣждамъ, полнымъ вѣры, которые днемъ и ночью проповѣдывали о грядущемъ гнѣвѣ и золотыхъ улицахъ новаго Іерусалима.

Изъ этой религіозной маніи выросло яблоко Содома; послѣдователи его скоро стали неспособны ко грѣху... «И когда человѣкъ начнетъ сознавать, что его душа спасена», провозгласилъ одинъ изъ духовныхъ вождей, «первое, что онъ предпринимаетъ — это найти свой рай и свою Еву». Вожди не могли найти ни рая въ своихъ собственныхъ домахъ, ни Евъ въ своихъ женахъ и искали своихъ «близкихъ» на сторонѣ»...... Въ концѣ концовъ «старые связи были порваны. Царство небесное было подъ рукой. Старыя правила больше не связывали; старыя обязанности были устранены. Мужчины и женщины выбирали себѣ небесныхъ сотоварищей, не взирая на супружескія связи.

Сначала такіе союзы должны были быть чисто духовнаго характера, но конечно въ концѣ приняли характеръ половой связи. Въ непродолжительномъ времени духовное единеніе было найдено неполнымъ и приняло обычный характеръ отношеній, которыя существуютъ между мужчиной и женщиной, живущими въ близкомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ. Мужчины, жившіе съ чужими женами, и жены, жившія съ чужими мужьями, произвели странное смятеніе...... Дѣтей покинули ихъ естественные покровители

Изъ этого вышло худшее. Мужчины и женщины открыли, что они сдѣлали ошибки въ своихъ духовныхъ союзахъ и, проживъ нѣсколько времени вмѣстѣ, они раздѣлялись, чтобы сдѣлать новый выборъ. Потомъ въ сравнительно короткіе періоды они сдѣлали еще новые выборы и доктрина духовнаго союза такимъ образомъ неизбѣжно исчезла въ большомъ безпутствѣ“.

Далѣе въ 1840 г. развилась т. наз. Миллеровская эпидемія, основанная на предсказаніи, сдѣланномъ Уильямомъ Миллеромъ о времени, когда „Господь явится на небесахъ“ и когда наступитъ вмѣстѣ съ тѣмъ конецъ всему. Нашлись, конечно, какъ всегда, приверженцы и началась проповѣдь, которая быстро распространила ученіе. Заблудшіе оставили свои занятія, побросали имущества, оставили свои семьи и сами собирались на молитвенные митинги въ ожиданіи „великаго дня“.

„Съ приближеніемъ времени, великаго dénouement, митинги усилились: ихъ моленія были слышны далеко кругомъ; число прозелитовъ увеличилось, крещеніе совершали не окропленіемъ, а погруженіемъ, которое часто своей продолжительностью лишало жизни. Былъ полученъ даръ языковъ; бѣлоснѣжныя платья для вознесенія были готовы; собственность роздана и утромъ „великаго дня“ съ приготовленными сердцами въ безукоризненно бѣлыхъ одеждахъ они вышли встрѣчать „Жениха“. Нѣкоторые, не довольствуясь встрѣчей Его на землѣ, влѣзали на деревья, чтобы первымъ привѣтствовать его приближеніе.

День, предсказанный въ первый разъ, прошелъ спокойно... Но велико было разочарованіе послѣдователей ученія Миллера: цѣлые недѣли и мѣсяцы ихъ жизни были потеряны, дѣла порваны, собственность пропала. Но какъ бы для того, чтобы еще сильнѣе показать могущество религіознаго фанатизма надъ умами, они еще упорнѣе укрѣпились въ заблужденіи, опять „изслѣдовали писанія“ и счастливо нашли свою ошибку. Нужно было въ своихъ вычисленіяхъ основываться на извѣстномъ днѣ и часѣ іудейскаго 1844 г., а не на соотвѣтственномъ годѣ нашего календаря. Радостныя вѣсти разлетѣлись по царству Миллеризма и послѣдователи его стали ревностнѣе и пламеннѣе прежняго“. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть, что эпидемія не улеглась и по прошествіи второго срока, оказавшагося такой же химерой, какъ и первый.

Извѣстны также большія религіозныя эпидеміи среди евреевъ, основанныя на предсказаніи о вторичномъ пришествіи Мессіи.

Наиболѣе значительной изъ такихъ мессіянскихъ эпидемій является Саббатайская эпидемія. „Въ 1666 году въ Рошъ Гашана (іудейскій новый годъ) одинъ еврей по имени Саббатаи Зеви, всенародно объявилъ себя долгожданнымъ мессіей. Евреи возликовали отъ этой радостной вѣсти и въ пылу вѣры въ безуміи религіознаго опьяненія пламенно восклицали: „Да здравствуетъ царь іудейскій, нашъ мессія!“ Маніакальный экстазъ овладѣлъ ихъ умами; мужчины, женщины, дѣти стали истеричными. Дѣльцы бросали свои предпріятія, работники—свои ремесла для того, чтобы отдаться молитвѣ и покаянію. Днемъ и ночью въ синагогахъ раздавались вздохи, крики, рыданія. До такой силы дошла религіозная манія, что всѣ раввины, противившіеся ей, должны были спасать бѣгствомъ свою жизнь. Среди персидскихъ евреевъ возбужденіе дошло до того, что всѣ іудеи-землепашцы прекратили свои работы въ поляхъ. Даже христіане смотрѣли на Саббатаи со страхомъ, потому что подобное явле-

ніе предсказано на апокалипсическій годъ. Молва о Саббатаи разошлась по всему свѣту. Въ Польшѣ, въ Германіи, въ Голландіи и въ Англіи самые серьезные евреи забывали на биржѣ свои дѣла для того, чтобы толковать объ этомъ удивительномъ событіи. Амстердамскіе іудеи посылали въ Левантъ запросы своимъ торговымъ агентамъ и получали краткій выразительный отвѣтъ: „Это никто иной, какъ онъ"!

Вездѣ, куда приходили посланія мессіи, іудеи устанавливали посты по кабалистическимъ наставленіямъ пророка Натана, а потомъ предавались большимъ неистовствамъ. Еврейскія общины Амстердама и Гамбурга отличались нелѣпостью религіозныхъ сумасбродствъ. Въ Амстердамѣ евреи ходили по улицамъ съ свитками торы, пѣли, скакали и плясали, какъ одержимые. Сцены еще болѣе шумныя, непристойныя, дикія разыгрались въ Гамбургѣ, Венеціи, Легорнѣ, Авиньонѣ и многихъ другихъ городахъ Италіи, Германіи, Франціи и Польши. Могущество религіозной маніи дошло до такой высоты, что даже столь ученые люди, какъ Исаакъ Абоабъ, Моисей Агвиляръ, Исаакъ Ноаръ, богатый банкиръ и писатель АвраамъПерейра и спинозистъ Веніаминъ Музафіа стали горячими приверженцами мессіи. Кажется самъ Спиноза съ большимъ интересомъ слѣдилъ за этими странными событіями.

Болѣе и болѣе усиливалась религіозная манія. Во всѣхъ частяхъ свѣта появлялись пророки и пророчицы, осуществляя еврейскую вѣру во вдохновенный духъ мессіянскаго времени. Мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки извивались въ истерическихъ судорогахъ, выкрикивая хвалу новому мессіи. Многіе бродили въ безумномъ пророческомъ восторгѣ, восклицая: „Саббатаи Зеви истинный мессія племени Давида; ему даны вѣнецъ и царство!"

Евреи, казалось, совсѣмъ потеряли голову. Богачи отовсюду стекались къ Саббатаи, отдавая въ его распоряженіе свои богатства. Многіе продавали свои дома и все имущество и отправлялись въ Палестину. Такъ велико было число пилигриммовъ, что стоимость путешествія значительно возросла. Въ большихъ коммерческихъ центрахъ торговля совсѣмъ остановилась: большинство іудейскихъ купцовъ и банкировъ ликвидировали дѣла. Вѣра въ божественную миссію Саббатаи стала религіознымъ догматомъ, столь же важнымъ, какъ догматъ объ единствѣ Божіемъ. Даже когда Саббата былъ принужденъ султаномъ принять магометанство, даже тогда мистическая мессіянская эпидемія не ослабѣла. Многіе упорно отрицали самый фактъ вѣроотступничества: это не онъ, это его тѣнь приняла му-

сульманство. По смерти Саббатаи появился новый пророкъ, Михаилъ Кордозо. Какъ пожаръ распространялось его ученіе, не смотря на явную его нелѣпость.

„Сынъ Давида“, говорилъ онъ, „придетъ тогда, когда Израиль или весь будетъ святъ, или весь будетъ грѣшенъ“. Такъ какъ послѣднее гораздо легче перваго, то онъ призывалъ вѣрныхъ дѣтей Израиля ускорить пришествіе Мессіи принятіемъ магометанства. Весьма многіе съ благочестивымъ рвеніемъ послѣдовали его совѣту“[1]).

Предыдущимъ мы далеко еще не исчерпали тотъ матеріалъ, религіознаго характера, который относится къ разнаго рода психопатическимъ эпидеміямъ, развивавшимся въ той или другой странѣ въ то или другое время. Мы съ намѣреніемъ къ тому же не приводили подробно многихъ изъ болѣе старыхъ, въ особенности средневѣковыхъ эпидемій, изложеніе которыхъ можно найти у разныхъ авторовъ [2]), а также хореическихъ эпидемій, развивавшихся нѣкогда въ юго-восточной части Мадагаскара во времена Радома III [2]), такъ какъ условія современной жизни народовъ, ихъ религіозныя и политическія воззрѣнія намъ ближе извѣстны. Между прочимъ мы не коснулись здѣсь также и очень извѣстной и замѣчательной въ своемъ родѣ эпидеміи развившейся въ Lâo Leopoldo въ южной Бразиліи и давшей на религіозно-мистической почвѣ рядъ психозовъ. Эта эпидемія подробно описана іезуитскимъ пасторомъ P. Schupp'омъ [3]), который посвятилъ ея описанію три цѣлыхъ тома [4]). Описаніе ея можно найти между прочимъ въ сочиненіи Stoll'я [5]).

Параноикъ Малеванный, какъ виновникъ своеобразной психопатической эпидеміи.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и нынѣ, какъ за нѣсколько сотъ лѣтъ назадъ, завѣдомые галлюцинанты и параноики могутъ путемъ внушенія прививать къ толпѣ тѣ или другія вздорныя идеи и служить къ образованію настоящихъ психопатическихъ эпидемій религіознаго содержанія. Примѣромъ этого можетъ служить

---

[1]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія, стр. 325—327.

[2]) См. напр. Calmeil. De la folie. t. 1.

[3]) Revue scientifique. 1903. 4 juillet. Достойно упоминанія также развитіе истерическихъ явленій въ Тунисѣ, о которомъ мы знаемъ изъ описанія Laignel-Lavastine'а въ Presse méd. 1901.

[4]) A. Schupp. Die „Mucker“. Paderborn. 1900.

[5]) Stoll. lococit.

извѣстный основатель секты D. Lazaretti, о которомъ повѣствуетъ подробно его біографъ Barzelotti и Lombroso (Pazzi ed anomali s. 85 u.).

Объ одной психопатической эпидеміи религіознаго характера, развившейся недавно на югѣ Россіи и извѣстной подъ названіемъ Малёванщины, мы можемъ сказать нѣсколько подробнѣе, такъ какъ самое развитіе эпидеміи было болѣе или менѣе близко прослѣжено лицами, спеціально знакомыми съ душевными болѣзнями.

Съ самаго начала я остановлюсь на виновникѣ этой эпидеміи Кондратѣ Малеванномъ, несомнѣнно психически больномъ субъектѣ, котораго я лично хорошо изучилъ и надъ которымъ я читалъ клиническую лекцію въ Казанской Окружной лечебницѣ въ теченіе зимы 1892—93 г. еще до появленія извѣстной брошюры проф. И. А. Сикорскаго [1]) и уже тогда подробно разобралъ какъ самую болѣзнь К. Малеваннаго, такъ и возникшую подъ вліяніемъ его ученія психопатическую эпидемію по присланнымъ въ лечебницу документамъ и собраннымъ свѣдѣніямъ. Благодаря этому мы имѣемъ возможность представить здѣсь довольно полную исторію болѣзни этой своеобразной и достойной вниманія личности.

Кондратъ Малеванный, 48 лѣтъ, малороссъ, изъ мѣщанъ г. Таращи Кіевской губ., неграмотный, женатъ, имѣетъ 7 дѣтей, колесникъ по профессіи, принадлежитъ къ сектѣ штундистовъ, былъ доставленъ 31 марта 1892 г. въ Кирилловскія богоугодныя заведенія, около гор. Кіева, какъ больной хроническимъ помѣшательствомъ, распространявшимъ среди народа лжеученіе, извѣстное подъ названіемъ секты малеванцевъ. Въ брошюрѣ проф. И. А. Сикорскаго мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія о Малеванномъ, почерпнутыя на основаніи данныхъ изслѣдованія въ Кирилловскихъ Богоугодныхъ заведеніяхъ:

„Малеванный человѣкъ худощавый, высокаго роста, съ рѣзкими чертами лица и рѣзкими рѣшительными жестами, говоритъ плавно, отчетливо, неудержимо увлекаясь потокомъ собственной рѣчи.

Родители Кондрата Малеваннаго злоупотребляли спиртными напитками; самъ онъ, начиная съ молодыхъ лѣтъ, тоже предавался весьма неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ, что продолжалось до сорокалѣтняго возраста его жизни.

Малеванный всегда былъ чувствительнымъ къ дѣйствію спиртныхъ напитковъ, издавна страдалъ безсонницею, частыми приступами тоски и ему нерѣдко настойчиво приходила въ голову мысль о самоубійствѣ.

Съ появленіемъ въ Юго-Западномъ краѣ штундовства Малеванный томившись чувствомъ болѣзненнаго безпокойства, искалъ перемѣны и, казалось ему, желаемый исходъ находится въ этой новой вѣрѣ. Малеванный оставилъ православіе и съ 1884 года сталъ штундистомъ.

Онъ сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ секты, пересталъ злоупотреблять спиртными напитками, усердно предавался штундовскимъ религіознымъ упражненіямъ и среди молитвы и пѣнія легко доходилъ до экстаза.

Состояніе возбужденія, къ которому его организмъ издавна привыкъ и которое въ теченіе многихъ лѣтъ достигалось употребленіемъ спиртныхъ напитковъ, теперь стало замѣняться религіознымъ упражненіемъ, проповѣдью и экстазомъ.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой жизни Малеванный сталъ страдать галлюцинаціями обонянія и общаго чувства. Это случилось въ 1889 или въ 1890 году.

Ему часто во время молитвы чувствовались запахи, несравнимые ни съ какими ароматами на землѣ, и Малеванный объяснялъ это необычайное явленіе близостью Св. Духа. Это былъ по мнѣнію Малеваннаго запахъ С. Духа.

Вскорѣ затѣмъ Малеванный сталъ испытывать во время молитвы необычайную радость и чувство особенной легкости тѣла; ему казалось, что онъ отдѣляется отъ земли, вслѣдствіе чего онъ сталъ во время молитвы невольно поднимать руки, какъ бы съ цѣлью содѣйствовать этому необыкновенному подъему. По словамъ Малеваннаго и самъ онъ чувствовалъ свой подъемъ, и окружающіе видѣли, что онъ отдѣляется отъ земли вершковъ на пять.

Вскорѣ у Малеваннаго сформировались религіозныя идеи величія. Онъ убѣжденъ, что въ немъ находится Св. Духъ и что все, что онъ дѣлаетъ и говоритъ, исходитъ отъ Св. Духа.

Онъ также находится въ постоянномъ и непосредственномъ общеніи съ Отцомъ (т. е. Богомъ Отцомъ).

Кромѣ того Малеванный считаетъ себя Іисусомъ Христомъ, Спасителемъ міра, евенгельскій же Христосъ, по его мнѣнію, не былъ историческою личностью и всѣ сказанія о евангельскомъ Христѣ суть только пророчества о немъ Малеванномъ. Доказательства своей божественности Малеванный видитъ въ появленіи того, что онъ называетъ „свидѣтельствами“, а именно, въ поднятіи его тѣла на воздухъ, въ появленіи божественныхъ запаховъ и въ появленіи яркихъ звѣздъ, которыхъ никогда раньше не было видно и которыя

видѣлъ какъ онъ самъ, такъ равно видѣли въ 25 государствахъ, что по словамъ Малеваннаго и описано въ газетахъ цѣлаго свѣта.

Уже въ 1890 г. у Малеваннаго во время молитвы и поднятія рукъ стали послѣднія дрожать, а затѣмъ дрожаніе и судороги распространились и на другія части тѣла.

Малеванный объяснялъ это вхожденіемъ въ него Св. Духа, такъ какъ по его словамъ онъ былъ совершенно непричастенъ этимъ движеніямъ, происходившимъ помимо его воли.

Дрожаніе и трясеніе Малеваннаго, которое нерѣдко было ритмическимъ, производило большое вліяніе на простодушныхъ поклонниковъ, окружавшихъ Малеваннаго.

Во время общихъ молитвъ въ ту пору, когда Малеванный начиналъ дрожать („трястись“ по мѣстному выраженію), у нѣкоторыхъ присутствующихъ, особенно женщинъ, являлись также вздрагиванія и судороги.

Съ этого времени вздрагиванія сдѣлались почти неизбѣжной принадлежностью молитвенныхъ собраній, имѣвшихъ мѣсто въ присутствіи Малеваннаго, отчасти и безъ него.

Уже съ 1890 года Малеванный сталъ замѣнять молитву, которой прежде предавался, проповѣдью, въ которой онъ утверждалъ, что онъ Спаситель міра, что скоро наступитъ страшный Судъ, въ которомъ онъ будетъ судить людей и потому онъ приглашалъ всѣхъ къ покаянію.

Въ 1891 году Малеванный былъ по распоряженію властей освидѣтельствованъ относительно умственныхъ способностей и помѣщенъ въ психіатрическое отдѣленіе при Кирилловскихъ Богоугодныхъ заведеніяхъ въ Кіевѣ.

По тщательномъ изслѣдованіи онъ оказался страдающимъ п а р а н о е й, уже перешедшей въ хроническое состояніе.

Въ теченіе своего болѣе, нежели годичнаго пребыванія въ больницѣ, Малеванный постоянно обнаруживалъ описанныя выше идеи величія, по временамъ былъ подверженъ галлюцинаціямъ и, приходя въ возбужденное состояніе, импровизировалъ или чаще цитировалъ отрывки изъ того, что когда-либо было имъ читано и усвоено заучиваніемъ.

Рѣчь его носитъ харатеръ автоматическаго потока фразъ, сопровождаемыхъ одними и тѣми же движеніями, жестами и интонаціей.

Теченіе его мыслей лишено послѣдовательности. Такой же характеръ носитъ и такъ называемое Евангеліе Малеваннаго – это записанная его поклонниками съ его словъ импровизація, не лишенная

лирическаго оттѣнка, но отличающаяся непослѣдовательностью и недостаткомъ логическаго и грамматическаго смысла.

При изслѣдованіи физическаго состоянія Малеваннаго обращаетъ на себя особенное вниманіе извилистость черепныхъ сосудовъ и налитіе ихъ кровью, что особенно рѣзко выражается, какъ только Малеванный начинаетъ говорить или проповѣдывать, хотя онъ при этомъ и не бываетъ возбужденъ. Очевидно, что это налитіе кровью не есть слѣдствіе эмоціональнаго возбужденія, а должно быть отнесено къ другимъ причинамъ (вѣроятно къ алкоголизму, которымъ страдалъ самъ Малеванный и его родители)“.

Такъ какъ послѣдователи не оставляли Малеваннаго въ покоѣ и во время пребыванія его въ Кирилловскихъ Богоугодныхъ заведеніяхъ приходили слушать его проповѣдь къ окнамъ и заборамъ больницы, то К. Малеванный по распоряженію начальника края былъ высланъ изъ г. Кіева этапнымъ порядкомъ въ г. Казань для помѣщенія въ Окружную лечебницу, гдѣ онъ и былъ всесторонне изслѣдованъ, какъ врачами лечебницы, такъ и мною. Въ виду этого мы дополнимъ вышеприведенныя данныя о Малеванномъ свѣдѣніями, почерпнутыми изъ листка психіатрической клиники при Казанской Окружной лечебницѣ, опуская все то, о чемъ было уже упомянуто нами ранѣе.

Рѣчь Малеваннаго и здѣсь сохранила вышеописанный характеръ, она была нѣсколько ускорена, не всегда послѣдовательна, пересыпалась иногда извращенными текстами изъ Священнаго Писанія и вообще носила на себѣ характеръ проповѣди или поученія. Съ врачами Малеванный всегда охотно бесѣдовалъ.

О себѣ онъ передалъ, что съ дѣтства былъ внимательнымъ и задумчивымъ. Когда онъ выросъ и сталъ понимать отношенія людей другъ къ другу, то они казались ему странными, повсюду онъ видѣлъ ложь и обманъ и это обстоятельство его нерѣдко волновало и въ его умѣ являлись вопросы: почему люди живутъ такъ безнравственно, гдѣ же Богъ, могущій устранить все это и заставить людей жить въ мирѣ и согласіи.

Будучи недоволенъ христіанской религіей, онъ 10 лѣтъ тому назадъ перешелъ въ секту штундистовъ и сталъ еще болѣе задумываться о безнравственной жизни окружающихъ.

Многихъ изъ нихъ онъ старался помирить; сталъ возставать противъ дурныхъ людскихъ отношеній и проповѣдывалъ всеобщій миръ и любовь.

Окружающіе стали надъ нимъ подсмѣиваться и мало по малу

начали его преслѣдовать. Такъ напр., когда онъ шелъ по улицѣ, онъ замѣчалъ, что надъ нимъ насмѣхаются, издѣваются, хулятъ его, клевещутъ на него и вообще его преслѣдуютъ.

Это преслѣдованіе распространялось не только на него, но и на его жену и дѣтей, когда напр. они отправлялись за водой, ихъ бранили и били.

По словамъ больного онъ чувствовалъ призваніе къ своей проповѣднической дѣятельности уже 6 лѣтъ назадъ, но въ то время не могъ еще хорошенько понять, что онъ будетъ имѣть такое великое назначеніе и обладать такой божественной силой, какая въ немъ имѣется теперь.

Въ 1887—88 году къ нему часто являлись различныя лица, по его выраженію, философы и миссіонеры, то подъ видомъ священниковъ, то чиновниковъ изъ Петербурга, и вели съ нимъ бесѣды.

Во время этихъ бесѣдъ его душа испытывала особенно радостныя ощущенія, а у бесѣдовавшихъ часто капали слезы отъ жалости къ нему за перенесенныя и испытываемыя имъ страданія. На разспросы о своихъ преслѣдованіяхъ, онъ иногда заявлялъ, что все будетъ подробно описано въ пророчествахъ и что Духъ Божій его называетъ сыномъ и уговариваетъ его безъ боязни итти всюду, куда бы его ни повели. Послѣ этого онъ сталъ еще усерднѣе проповѣдывать свое ученіе, заявляя, что все, о чемъ онъ говоритъ, принадлежитъ не ему, а духу, поселившемуся въ немъ. Съ этимъ духомъ онъ велъ и теперь еще часто ведетъ бесѣды, при чемъ духъ говоритъ ему обыкновенно не прямо, а примѣрами.

Полагаетъ, что преслѣдованія его происходятъ главнымъ образомъ со стороны поповъ, которые неоднократно приходили къ нему, уговаривая принять отъ нихъ благословеніе. Но, такъ какъ всѣ эти уговоры оказались напрасными и совратить съ истиннаго пути его не удалось, то имъ стало досадно, что Христосъ проявился не въ ихъ средѣ, а въ немъ, простомъ человѣкѣ.

Онъ увѣряетъ, что по подстрекательствамъ поповъ народъ сталъ преслѣдовать не только его, но и его послѣдователей, а полицейскіе забирали этихъ послѣдователей и убивали. Они бы убили его, еслибъ имѣли на то силу. Нерѣдко его уводили въ участокъ и тамъ подвергали мукамъ.

Однажды его въ участкѣ били въ продолженіе 4-хъ часовъ до тѣхъ поръ, пока сами не устали. Били жестоко, дергали его за голову, за зубы и пр. Видя, что это не приводитъ ни къ чему, они стали ему совать въ носъ табакъ и другія гадости и, несмотря на

всѣ эти мученія, онъ лежалъ недвижимъ и тѣло его было неуязвимо.

Послѣ этихъ мученій четыре гонителя увѣровали въ него и заявили, что это не простой человѣкъ. Объ этомъ фактѣ, какъ и о многихъ другихъ, было предсказано въ пророчествахъ.

Сущность ученія Малеваннаго, какъ она выясняется по его заявленіямъ во время пребыванія въ Казанской Окружной лечебницѣ, заключается въ слѣдующемъ:

Духъ Божій отъ сотворенія міра носился надъ вселенной, отыскивая безгрѣшнаго человѣка. Этотъ духъ Божій нерѣдко спускался на нѣкоторыхъ людей и отчасти соединялся съ ними, вслѣдствіе чего они пріобрѣтали даръ пророчества и писали пророческія изрѣченія, но это соединеніе было временное и Духъ Божій опять виталъ надъ вселенной.

Теперь этотъ Духъ Божій сошелъ и помѣстился въ немъ, Кондратѣ Малеванномъ, почему онъ и есть истинный спаситель міра Іисусъ Христосъ.

Вслѣдствіе этого соединенія онъ получилъ особенную Божественную силу: онъ, Малеванный, можетъ напр. говорить и проповѣдывать на всѣхъ языкахъ, онъ обладаетъ способностью угадывать мысли и желанія всѣхъ окружающихъ людей и т. п. Все, что бы онъ теперь ни говорилъ или дѣлалъ, принадлежитъ не ему, а помѣстившемуся въ его тѣлѣ высшему духу.

Находясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ этого духа, онъ рѣшилъ обратить въ истинную вѣру всѣхъ невѣрующихъ-раскольниковъ.

Расколъ, уже приведшій къ различнымъ религіямъ на землѣ, произошелъ слѣдующимъ образомъ:

Было священное писаніе и пророчества, но уже въ этихъ пророчествахъ вкрались ошибки и одна изъ самыхъ главныхъ ошибокъ заключается въ томъ, что вездѣ поставлено слово „было“ вмѣсто „будетъ“. Сказано напр.: „былъ Христосъ, страдалъ и умеръ“, а надо читать: „будетъ Христосъ, будетъ страдать и т. д.“.

Это Священное Писаніе всѣмъ простымъ и неопытнымъ людямъ читать не слѣдуетъ, такъ какъ въ немъ они, какъ въ морѣ или въ пустынѣ, могутъ заблудиться или утонуть, а потому люди должны слушать только то истинное толкованіе, которое даетъ имъ онъ.

Вслѣдствіе упомянутой неясности и извращенности пророчества произошло то, что нашлись люди, которые изъ этого писанія начали выбирать только тѣ „штрихи“, которые имъ нравились и были

полезны, все же другое неподходящее они отбрасывали въ сторону.

Такихъ людей нашлось много и каждый изъ нихъ образовалъ новую, конечно, извращенную религію и сталъ зазывать къ себѣ въ послѣдователи довѣрчивыхъ людей.

Такимъ образомъ сложились магометанская, еврейская, „польская", нѣмецкая, православная и многія другія религіи, а ихъ хитрые руководители назывались: мулла, раввинъ, ксендзъ, попъ и т. д.

Люди, какъ овцы, шли гонимые какимъ-нибудь однимъ заблудившимся пастухомъ или какъ цѣлое стадо овецъ, манимое маленькимъ кусочкомъ хлѣба, не зная, куда и зачѣмъ, быть можетъ на бойню, гдѣ „толстошейный" попъ или ксендзъ высосетъ изъ нихъ кровь въ свою пользу.

Далѣе Малеванный осуждаетъ поступки и дѣйствія этихъ пастырей и ставитъ вопросъ: „Какіе же они руководители? Каждый начальникъ прежде всего долженъ быть строгъ и справедливъ. Посмотрите, каждый полицейскій за какой-нибудь безнравственный поступокъ тащитъ человѣка въ часть и тамъ возлагаетъ на него наказаніе. А попъ что дѣлаетъ? Какіе грѣхи ему ни говори, —онъ все произноситъ: „прощаю и разрѣшаю – Богъ проститъ". Что же изъ этого выходитъ? Выходитъ только то, что онъ потворствуетъ злу".

Малеванный проповѣдуетъ, что скоро наступитъ кончина міра, вся жизнь каждаго человѣка, его поступки и грѣхи будутъ ясны для всѣхъ, какъ солнечный свѣтъ, и они понесутъ должное наказаніе; желая спасти этихъ несчастныхъ онъ и обращается къ нимъ съ проповѣдью. Всѣ умершіе не воскреснутъ, а послѣдователи его будутъ жить вѣчно.

Онъ уговариваетъ всѣхъ жить въ мирѣ и согласіи, въ виду скорой кончины не заботиться о матеріальномъ благосостояніи: все лишнее продать, имѣть общую братскую кассу, изъ которой каждый неимущій могъ бы брать, сколько ему нужно; оставить полевыя и другія работы и все время посвящать молитвѣ и слушанію его божественаго слова. Такіе послѣдователи нашлись и, собираясь въ его домѣ, подолгу молились. 15 ноября 1889 года во время такой усердной молитвы съ своею братіей (человѣкъ 18) на немъ проявилось чудо наитія святого Духа. Малеванный поясняетъ, что это было въ присутствіи полицейскихъ и другихъ постороннихъ лицъ, при чемъ исполнилось все въ точности, какъ сказано въ пророчествѣ.

Вдругъ его голова стала отдѣляться отъ тѣла и невидимо,

какъ бы электрическою силою, подниматься кверху, тѣло же осталось на мѣстѣ и руки продолжали быть сложенными на молитву. Въ сердцѣ ощущалось какое-то особенное радостное трепетаніе, а въ глазахъ разливался темный цвѣтъ; затѣмъ голова опустилась снова на свое мѣсто и онъ продолжалъ молиться.

На дворѣ въ это время былъ туманъ и несмотря на то ясно видны звѣзды и особенно одна, о которой говорится въ священномъ писаніи, что ее видѣли Волхвы (по Малеванному невѣрно: надо читать „увидятъ"). Эта звѣзда была видна во всѣхъ 25 государствахъ, и дѣйствительно волхвы - астрономы ея не просмотрѣли: вскорѣ изъ Африки и Америки были получены телеграммы, что появилась новая звѣзда, доказывающая появленіе Христа и мы де вѣруемъ. Эта Виолеемская звѣзда стояла надъ его городомъ 3 мѣсяца. Эта звѣзда, какъ особая благодать Божія, переселилась потомъ въ его тѣло. Затѣмъ впослѣдствіи, когда онъ былъ арестованъ, въ Кіевскихъ газетахъ было пропечатано, что мы приняли Христа, называемаго „Кондратъ Малеванный".

Далѣе Малеванный разсказываетъ, что за 40 дней до этого чудеснаго надъ нимъ проявленія онъ молился и постился. Съ этого времени онъ окончательно бросилъ все домашнее хозяйство, потому что при всякомъ физическомъ трудѣ у него появлялась сильная слабость и духъ, поселившійся въ немъ, не позволялъ сосредоточиваться надъ работой.

Черезъ недѣлю послѣ перваго проявленія Божественной благодати, надъ нимъ совершилось второе чудо: его тѣло начало распинаться; руки были какъ бы прибиты, а самое туловище какъ бы поднималось въ воздухѣ и слегка покачивалось. Въ сердцѣ въ это время ощущались вопросы и отвѣты; напр. вопросъ: какая будетъ кончина міра? Отвѣтъ: будетъ новый завѣтъ и новая жизнь безконечная и радостная... Въ прошломъ году, когда онъ особенно сильно страдалъ, 17-го мая померкла луна, а 25-го мая—солнце, это продолжалось недолго и смѣнилось видѣніемъ столба, одна половина его была совершенно чернаго, какъ смола, цвѣта, а другая темно-огненная („какъ будто огонь былъ смѣшанъ съ сажей"). При этомъ видѣніи въ него увѣровали нѣкоторые полицейскіе и сказали: „дѣйствительно онъ святой человѣкъ!"

Въ послѣднее время появились 4 новыхъ звѣзды, расположенныхъ на небѣ крестообразно. Всѣ эти чудеса и знаменія предвѣщаютъ скорую кончину міра. Объ этомъ Малеванный разсуждаетъ такъ: сейчасъ по божеству ночь, люди ходятъ и живутъ, не зная

своего пути, какъ ночью, но скоро придетъ время, когда поступки всѣхъ людей такъ же ясно будутъ видны, какъ днемъ мы видимъ дорогу, тогда всѣ познаютъ Бога и будутъ испытывать духовную борьбу, т. е. муку о своихъ грѣхахъ.

Люди грѣшные и строптивые будутъ испытывать эту борьбу въ теченіе 6 лѣтъ, а люди, увѣровавшіе въ него, только въ теченіе одного года, потому что ихъ старанія искупилъ онъ—Христосъ, который въ теченіе 40 лѣтъ за нихъ проливалъ въ молитвѣ потъ и слезы.

По истеченіи 6 лѣтъ, проведенныхъ въ постѣ и молитвѣ, всѣ получатъ обновленіе, узнаютъ, что душа ихъ безсмертна, и войдутъ въ Божій міръ. Тогда явится Божественная сила, не описанная ни въ какой книгѣ, бренное тѣло исчезнетъ, души не будутъ переселяться въ новыя бренныя тѣла, а будутъ только видимы другъ для друга, какъ звѣзды небесныя въ безконечныя времена и на безконечномъ пространствѣ.

Все живущее на землѣ умретъ и останутся только тѣла нетлѣнныя (камни, деревья и травы). Видимыя нынѣ звѣзды—это души небесныя. Въ прошедшія времена они иногда испускали свои лучи на избранныхъ людей—пророковъ и, вслѣдствіе вхожденія этихъ лучей во внутренность такихъ избранниковъ, они получали даръ предсказанія.

Послѣ вышеуказанныхъ видѣній и наитія на Малеваннаго Св. Духа, число его послѣдователей еще болѣе увеличилось, они шли на проломъ, не обращая вниманія на приставленную къ его дому стражу. Въ силу этого по распоряженію Кіевскаго генералъ-губернатора онъ былъ посаженъ въ Кирилловское Богоугодное заведеніе.

Малеванный сообщилъ далѣе, что онъ имѣетъ жену и 7 дѣтей, въ возрастѣ отъ 7 до 20 лѣтъ. Всѣ его дѣти обладаютъ пророческимъ духомъ и, несмотря на то, что они учились только въ простой школѣ, они обладаютъ большей премудростью, чѣмъ всѣ прочіе люди, обучавшіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Далѣе онъ заявляетъ, что ежедневно онъ испытываетъ на себѣ проявленіе благодати Божіей. На вопросъ, въ чемъ эта благодать выражается, онъ отвѣтилъ, что ежедневно онъ въ сердцѣ и внутренностяхъ испытываетъ до 1000 измѣненій: то скорбь, то радость безграничную, то муки. Ежедневно онъ по нѣскольку разъ какъ бы умираетъ и воскресаетъ; когда у него является тоска, то это состояніе онъ отождествляетъ со смертью, наоборотъ радость съ воскресеніемъ.

Его душа ежедневно невидимо обновляется и изъ его тѣла рас-

ходится особенный, на подобіе электричества, свѣтъ, видимый только истинно вѣрующимъ на нѣсколько тысячъ верстъ; этотъ свѣтъ напоминаетъ имъ о тѣхъ мукахъ, какія онъ за нихъ испытываетъ.

Среди окружающихъ онъ не имѣетъ ни одного послѣдователя, ихъ сердца настолько загрубѣли, что они не въ состояніи понять его божественныя слова, это его еще болѣе мучаетъ и жить среди этихъ чудовищъ, какъ онъ выражается, крайне тяжело. Онъ успокаиваетъ себя только мыслью, что скоро наступитъ страшный судъ и будетъ представлена книга, въ которой съ замѣчательной точностью будутъ описаны всѣ его мытарства.

Окружающіе суть не люди, а чудовища, надѣвшія только маску человѣка. Если бы эти чудовища были дикія животныя безъ рѣчи, онъ жилъ бы съ ними дружно, какъ съ овцами, но такъ какъ они ежечасно произносятъ ядъ своими языками (ругаются), то онъ не можетъ жить съ ними въ дружбѣ.

Но еще хуже „этого яда языка“ ихъ помыслы и желанія, которыя ему такъ же ясны, какъ и ихъ дерзкія слова. Хотя онъ и находится здѣсь, въ Казанской лечебницѣ, тѣмъ не менѣе его духъ постоянно раздаетъ приказанія во всѣ концы міра и всѣ они исполняются, лѣтомъ онъ слышитъ исполненіе своихъ приказаній въ громахъ и молніи, теперь же, когда этихъ явленій природы нѣтъ, ему сообщаетъ объ этихъ исполненіяхъ тотъ же духъ, который въ немъ поселился. Съ этимъ духомъ онъ ведетъ постоянную бесѣду и получаетъ отвѣты, ощущаемые однако не органомъ слуха, а умомъ.

Малеванный заявляетъ, что, если бы онъ запѣлъ въ присутствіи своей братіи, то врачъ и вся вселенная затрепетали бы, но безъ его послѣдователей ему запретилъ пѣть Тотъ. Кто въ немъ находится—Богъ отецъ, Сынъ и Духъ святой.

Врачу онъ это сообщилъ подъ нѣкоторымъ секретомъ будто бы изъ нежеланія самого себя прославлять; объ этомъ засвидѣтельствуютъ и скажутъ другіе.

Далѣе Малеванный сообщилъ, что еще въ 1891 году въ маѣ мѣсяцѣ онъ видѣлъ, какъ его руки поднимались высоко въ воздухѣ, онѣ касались даже тучъ, воздухъ при этомъ былъ темнокраснаго цвѣта. Вначалѣ была полная тишина, потомъ послышался голосъ: „готовься къ смерти!“ при этихъ словахъ его рубашка моментально была съ него снята воздухомъ. Потомъ снова голосъ: „приготовь и семью твою, пусть надѣнутъ бѣлыя рубашки, хотя и тяжело мнѣ, но я погублю весь міръ, а тебя съ твоимъ се-

меиствомъ восхищу въ неприступный свѣтъ и ты будешь жить, какъ свѣтъ солнца, луны и звѣздъ".

Это говорилъ какой-то духъ, который то входилъ, то исходилъ изъ его тѣла.

При этомъ духи моря, молніи, громовъ, вѣтра и др. говорили ему, Малеванному, что имъ приказано не спасать живущихъ на землѣ людей, а губить.

Когда онъ услышалъ эти слова, у него явилось сильное сожалѣніе, и онъ въ теченіе 40 дней и ночей постился и молился и вотъ, вслѣдствіе этой молитвы, сначала выхлопоталъ спасеніе только своимъ послѣдователямъ, а въ 40-й день спасеніе и всей Россіи.

Надо замѣтить, что какую бы тему ни взять для разговора, Малеванный непремѣнно постарается перевести ее на духовное содержаніе и тогда, переходя отъ одного вопроса къ другому, готовъ бесѣдовать по цѣлымъ часамъ.

Будучи спрошенъ напримѣръ объ окружающихъ больныхъ, онъ отвѣтилъ, что смотритъ на нихъ, какъ на отступниковъ Божіихъ; по его разсужденію въ каждомъ человѣкѣ должна присутствовать искра Божія и вотъ отъ нѣкоторыхъ людей эта искра отступилась, вслѣдствіе ихъ грѣховности, отъ другихъ, вслѣдствіе грѣховности ихъ родителей. Такіе люди безъ этой искры не могутъ разсуждать по закону и вслѣдствіе этого размѣщаются по сумасшедшимъ домамъ, тюрьмамъ и острогамъ. Это „клятвопреступники, одержимые бѣсомъ". Когда его спросили, зачѣмъ же онъ помѣщается здѣсь, Малеванный съ улыбкою отвѣтилъ, что онъ помѣщается совсѣмъ по другому поводу, во-первыхъ, потому, что онъ долженъ испытать всѣ муки и гоненія, а, во-вторыхъ, такъ сказано въ пророчествахъ, что онъ долженъ помѣщаться въ Казанской лечебницѣ.

Это онъ выводитъ слѣдующимъ образомъ: „были пророчества и предсказанія, въ этомъ-то послѣднемъ словѣ и есть уже намекъ на его помѣщеніе въ Казанской лечебницѣ: предсказаніе, сказаніе, казаніе и Казань.

Когда зашелъ разговоръ о другихъ физическихъ заболѣваніяхъ, то Малеванный объяснилъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Когда человѣкъ живетъ въ грѣхѣ, онъ рѣдко страдаетъ тѣлесно, но вотъ у него начинается внутренняя борьба, наступаетъ раскаяніе въ грѣхахъ, онъ колеблется, ему хочется жить духовно, но его преодолѣваетъ тѣлесная немощь; вслѣдствіе этой борьбы онъ теряетъ сонъ, аппетитъ, его здоровье, вслѣдствіе этого, разстраивается, кровь волнуется, появляется воспаленіе костей и крови, а вслѣдствіе всего

этого уже какое-нибудь физическое заболѣваніе—тифъ, горячки, лихорадки, нарывы и т. п. Видя припадокъ эпилепсіи, Малеванный заявляетъ, что душа этого человѣка, почувствовавъ близость его, Малеваннаго, желаетъ избавиться отъ своей темницы, т. е. грѣшнаго тѣла, это она трепещетъ и радуется, желая снова обращаться въ звѣзду той или другой ясности".

Нужно замѣтить, что звѣзды болѣе ясныя по Малеванному суть души болѣе добродѣтельныхъ людей, менѣе ясныя—менѣе добродѣтельныхъ.

Появленіе холеры Малеванный объясняетъ наказаніемъ Божіимъ, она поражаетъ только клятвопреступниковъ и вообще людей грѣшныхъ, она будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока онъ, Христосъ, не погубитъ ее. На вопросъ, скоро ли это случится, увѣренно отвѣчаетъ, что скоро.

Холерѣ дана власть царствовать на землѣ, пока Христосъ не прославится въ славѣ Божіей. Онъ скоро будетъ исцѣлять не только холерныхъ, но и одержимыхъ всѣми другими заболѣваніями, хромыхъ, слѣпыхъ и увѣчныхъ.

Малеванный говоритъ, что откровеній у него и въ настоящее время имѣется много, но заявлять онъ можетъ только о прошедшихъ, о настоящихъ же и будущихъ ему пока еще запрещено говорить. Бесѣдуя съ врачемъ, онъ полагаетъ, что это духъ врача желаетъ обновиться его божественнымъ словомъ и желаетъ, какъ всякій бесѣдующій съ нимъ, избавиться на страшномъ судѣ отъ мукъ.

У Малеваннаго имѣется много и другихъ нелѣпыхъ идей, напримѣръ о переселеніи душъ; о томъ, почему всѣ государства названы женскими именами: Россія, Англія, Америка, Азія и проч. Его духъ можетъ назваться премудрымъ плавальщикомъ, онъ носился надъ всѣми государствами и вездѣ тѣмъ или инымъ способомъ проявлялъ себя въ различныхъ мудрыхъ лицахъ, теперь же, какъ предсказано въ пророчествахъ, вселился въ него, по тѣлу простого человѣка, Кондрата Малеваннаго. Это духъ Сына Божія, духъ Христа вселенской церкви, какъ называетъ его вся вселенская община истинной вѣры.

Кромѣ того, Малеванный разсказываетъ, что 6 лѣтъ тому назадъ къ нему приходилъ Іоаннъ Креститель подъ видомъ кронштадтскаго солдата. Этотъ солдатъ показывалъ ему свой билетъ и просился переночевать. Что это Іоаннъ Креститель, ему тогда сказалъ его духъ.

Слыша церковное пѣніе въ лечебницѣ, Малеванный осуждаетъ

обрядную сторону церкви, говоритъ, что это дѣлается съ цѣлью, чтобы предоставить ему больше муки, и вообще многіе факты окружающей его жизни, онъ старается связать съ своимъ религіознымъ бредомъ. Онъ держитъ себя крайне однообразно, работой не занимается, только съ нѣкоторыми изъ больныхъ, которыхъ онъ признавалъ за здоровыхъ, велъ бесѣды духовнаго содержанія, совѣтуя вести себя скромно, помогать другъ другу. На счетъ духовенства говоритъ, что они извратили религію, что не нужно креститься, такъ какъ это противно евангелію. О себѣ заявляетъ, что онъ не грамотенъ, но что, вслѣдствіе божественнаго наитія, онъ обладаетъ такою премудростью, что если бы въ числѣ его послѣдователей нашлись лица, не знающія русскаго языка, то Духъ вразумилъ бы его и онъ заговорилъ бы на неизвѣстныхъ ему языкахъ. Съ врачемъ охотно бесѣдуетъ, выдавая себя за проповѣдника. Ждетъ скорой кончины міра; тогда по его мнѣнію для всѣхъ будетъ ясно, что онъ Христосъ Спаситель міра.

Будучи приглашенъ въ концѣ января на обычное совѣщаніе врачей, гдѣ производится разборъ больныхъ лечебницы, Малеванный съ чувствомъ разсказывалъ о своей проповѣднической дѣятельности.

Изъ предварительныхъ свѣдѣній, присланныхъ въ Казанскую Окружную лечебницу, отмѣтимъ слѣдующее:

„Ранѣе Малеванный помѣщался въ Кіевскомъ Кирилловскомъ Богоугодномъ заведеніи, куда былъ доставленъ 31-го марта 1892 г. за лжеученіе такъ называемой секты Малеванцевъ.

Вслѣдствіе его ученія, его послѣдователи оставили всѣ свои полевыя работы, распродавали имущества, проводили время только въ ѣдѣ и молитвѣ и ожидали скорой кончины міра.

Одна женщина въ припадкѣ фанатизма задушила свою шестилѣтнюю дочь. Послѣдователей Малеваннаго было болѣе тысячи и они считали Кондрата за Христа.

Въ скорбномъ листѣ Кіевской лечебницы отмѣчено, что проповѣдовать онъ началъ послѣ внушенія этой мысли свыше, когда онъ почувствовалъ въ себѣ присутствіе какой-то особой силы.

Вскорѣ послѣ наитія, на немъ проявилось знаменіе его божественнаго избранія, выразившееся по его словамъ въ томъ, что онъ незримою силою былъ поднятъ отъ земли вершковъ на 5, что будто бы видѣли и окружающіе.

Во время самаго знаменія и два дня спустя онъ испытывалъ

особенное радостное ощущеніе въ своемъ сердцѣ, въ послѣдующіе же дни появилась тоска. Послѣ этого знаменія число его послѣдователей замѣтно увеличилось.

Нужно замѣтить, что изложенный выше бредъ представляетъ собою нѣсколько скомбинированный результатъ многократныхъ бесѣдъ съ Малеваннымъ, такъ какъ рѣчь его часто не имѣетъ строгой логической связи и онъ не въ состояніи въ теченіе продолжительнаго времени поддерживать одинъ связный разговоръ.

Въ приведенныхъ выдержкахъ изъ исторіи болѣзни Малеваннаго, яркими красками обрисовываются его религіозныя идеи величія, которыя съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ окружающихъ условій, понимаемыхъ Малеваннымъ, какъ знаменіе свыше, еще болѣе укрѣпились и развились въ разныхъ направленіяхъ, сохранивъ однако всѣ свои основныя черты.

Мы не будемъ касаться здѣсь вопроса о происхожденіи и развитіи бреда и галлюцинацій у Малеваннаго, страдавшаго тѣмъ видомъ первичнаго сумасшествія или паранои, который носитъ названіе религіознаго сумасшествія (mania religiosa), такъ какъ вопросъ этотъ можетъ интересовать болѣе всего спеціалистовъ, но отмѣтимъ здѣсь приведенное выше указаніе, что „проповѣдывать началъ Малеванный послѣ в н у ш е н і я этой мысли свыше, когда онъ почувствовалъ въ себѣ присутствіе какой-то особенной силы“.

Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ внушающимъ вліяніемъ обмановъ чувствъ, которое наблюдается и въ другихъ случаяхъ и на которое я обратилъ вниманіе въ одной изъ своихъ работъ [1]).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что обманы чувствъ, возникая подъ вліяніемъ корковаго возбужденія, нерѣдко дѣйствуютъ на психическую сферу подобно всякому постороннему внушенію и вызываютъ влеченія и побужденія, противъ которыхъ человѣкъ не въ состояніи бороться, какъ и противъ дѣйствительныхъ внушеній.

Очевидно, что въ этомъ отношеніи и галлюцинаціи Малеваннаго, дѣйствуя на его психическую сферу подобно внушенію и подчиняя его психику, привели его къ тому проповѣдничеству, послѣдствія котораго мы знаемъ.

Если бы мы ближе вошли въ развитіе бреда Малеваннаго, то мы замѣтили бы, что эти галлюцинаціи въ свою очередь до извѣстной степени обязаны с а м о в н у ш е н і ю.

---

[1]) См. В. Б е х т е р е в ъ. О внушающемъ вліяніи слуховыхъ обмановъ чувствъ. Обозрѣніе психіатріи № 11, 1896. Centr. f. Nervenheilkunde 1897.

Будучи субъектемъ, предрасположеннымъ уже съ ранняго возраста, онъ ослабилъ свою нервную систему злоупотребленіемъ спиртными напитками, послѣ чего, перейдя въ штундизмъ, началъ усиленно предаваться молитвѣ и религіознымъ размышленіямъ, при чемъ здѣсь во время молитвы и религіознаго экстаза начали у него впервые появляться обманы чувствъ въ видѣ «запаховъ, несравнимыхъ ни съ какими ароматами на землѣ».

Такимъ образомъ долго работавшая въ религіозномъ направленіи мысль во время подъема душевной дѣятельности, обусловленнаго религіознымъ экстазомъ, вылилась въ формѣ соотвѣтствующей религіозному чувству галлюцинаціи, которая такимъ образомъ является обязанной самовнушенію, обусловленному господствомъ въ сознаніи религіозныхъ идей. Послѣдующія затѣмъ галлюцинаціи объ отдѣленіи тѣла отъ земли, очевидно также обязаны въ значительной мѣрѣ самовнушенію, поддерживаемому чувствомъ особой легкости тѣла, сопровождающей религіозный экстазъ и умиленіе.

Такимъ образомъ здѣсь, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, обманы чувствъ обязаны своимъ происхожденіемъ въ значительной мѣрѣ самовнушенію и нужно имѣть въ виду, что этотъ родъ происхожденія обмановъ чувствъ въ той формѣ болѣзни, которою страдаетъ Малеванный, представляется далеко нерѣдкимъ, на что однако до сихъ поръ недостаточно обращалось вниманія.

Появленіе такого рода обмановъ чувствъ въ свою очередь дѣйствуетъ на психику подобно внушенію и, укрѣпляя бредъ, вызываетъ побужденія, которымъ больной вполнѣ подчиняется.

Такимъ образомъ явленіе, въ извѣстной мѣрѣ обусловленное самовнушеніемъ, само дѣйствуетъ подобно внушенію. Но таковъ уже законъ взаимодѣйствія явленій въ нашемъ организмѣ, благодаря которому развивается столь губительно дѣйствующій circulus vitiosus.

Какъ бы мы вообще ни смотрѣли на основной характеръ болѣзни Малеваннаго, нельзя не признать, что въ отдѣльныхъ ея проявленіяхъ играло извѣстную роль самовнушеніе и между прочимъ наклонность къ проповѣднической дѣятельности обязана внушающему вліянію обмановъ чувствъ, которымъ онъ былъ подверженъ.

Мы не безъ цѣли такъ подробно остановились на болѣзни Малеваннаго, такъ какъ подобное изслѣдованіе виновника психопатической эпидеміи представляется во многихъ отношеніяхъ поучительнымъ; съ другой стороны по отношенію къ Малеванному это имѣетъ особое значеніе, такъ какъ среди не врачей, изслѣдовавшихъ сектантство въ Россіи, держится убѣжденіе, что Малеванный человѣкъ

совершенно здоровый и будто бы былъ арестованъ властями и посаженъ въ „сумасшедшій домъ" со спеціальною цѣлью устранить его изъ общества въ видахъ прекращенія дальнѣйшей пропаганды его ученія [1]).

Эпидемія малёванщины.

Для всякаго непосвященнаго наблюдателя можетъ конечно показаться страннымъ, что завѣдомо душевно-больной, какимъ является Малеванный, могъ найти себѣ поклонниковъ, хотя бы и изъ простого народа.

Какъ бы ни былъ неразвитъ простой народъ, но онъ чутокъ къ основнымъ религіознымъ догматамъ и логическимъ путемъ всегда съ негодованіемъ отвергнетъ мысль, что какой-то безграмотный мѣщанинъ является Христомъ, Богомъ-Отцемъ, Духомъ Святымъ, а евангельскій Христосъ есть только миѳъ.

Но внушеніе дѣлаетъ другое, укрѣпляя въ окружающихъ Малеваннаго лицахъ, склонныхъ къ религіознымъ возбужденіямъ, тѣ самыя мысли, которыя проповѣдуетъ Малеванный какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и по отношенію къ окружающимъ. Въ результатѣ развивается психопатическая эпидемія, принявшая грозные размѣры и потребовавшая вмѣшательства властей.

По описанію проф. И. А. Сикорскаго эта эпидемія проявилась въ ненормальномъ настроеніи духа, выражавшемся необычайнымъ благодушіемъ, нерѣдко переходившимъ въ экзальтированное радостное состояніе, не обусловленное какими-либо внѣшними мотивами, вообще жизнерадостнымъ настроеніемъ и особенною чувствительностью.

Точнѣе выражаясь, малеванцы чувствовали себя, какъ беззаботныя дѣти, находящіяся въ радостномъ или праздничномъ настроеніи духа.

Ихъ идеи, а равно и поступки и дѣйствія вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ жизнерадостному настроенію. Считая Малеваннаго за Спасителя и вѣря его проповѣди, они живутъ въ ожиданіи кончины міра, которую признаютъ благопріятной перемѣной своего существованія. Человѣкъ тогда не будетъ умирать, не будетъ ни заботиться, ни трудиться, такъ какъ все за него будетъ устроено Богомъ.

Они признаютъ себя избранниками въ виду того, что они первые приняли новую вѣру и поэтому получатъ лучшую часть въ бу-

---

[1]) См. между прочимъ пренія по докладу г. Трегубова въ Р. Общ. норм. и пат. психологіи за 1907.

дущемъ, тогда какъ всѣ тѣ, кто не хотѣлъ увѣровать, будутъ осуждены на Страшномъ Судѣ.

Въ силу этихъ ожиданій Страшнаго Суда, они отказываются отъ труда и заботы, предоставляя и то и другое невѣрующимъ; они продали или раздарили свое имущество, дабы не имѣть въ этомъ отношенiи никакихъ заботъ.

Свои поля они оставили необсѣмененными подъ влiянiемъ той же идеи предстоящаго Страшнаго Суда. Дѣло дошло до того, что многiе даже продали молочный скотъ и стали покупать молоко для своихъ дѣтей у православныхъ.

На вопросъ о причинѣ бездѣлья со стороны малеванцевъ можно было получить иногда слѣдующiй характерный отвѣтъ:

«Если въ мое сердце Отецъ или Духъ (т. е. Отецъ Небесный или Духъ Святой) вложитъ желанiе, я исполню это желанiе».

Точно также въ объясненiе своихъ нелѣпыхъ или безсмысленныхъ поступковъ нерѣдко можно было слышать не менѣе характерное заявленiе:

«Я чувствую, что Отецъ внушилъ мнѣ, я чувствую, что Онъ побуждаетъ меня такъ поступить и т. п.».

Дальнѣйшей особенностью малеванцевъ является состоянiе психической усталости, пассивности или задержки воли съ преобладанiемъ надъ ней чувства. Въ силу этого малеванцы отличаются уступчивостью, слабостью, бездѣятельностью, недостаткомъ сдерживающей воли и неспособностью подавлять слезы. Душевно-больной Малеванный, по мнѣнiю малеванцевъ, есть истинный Богъ и Спаситель мiра, который установитъ новый порядокъ устройства вселенной, въ силу чего Малеванный сдѣлался предметемъ богопочитанiя. Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкую болѣзненную особенность малеванцевъ представляютъ обманы чувствъ и судорожныя движенiя.

По словамъ проф. И. А. Сикорскаго, «размѣры, въ которыхъ малеванцы подвержены галлюцинацiямъ, можно назвать исключительными. Галлюцинацiи относятся главнымъ образомъ къ сферѣ обонятельной. Такихъ лицъ среди малеванцевъ, которые не имѣли бы галлюцинацiй, немного; большая часть имѣетъ галлюцинацiи по временамъ».

Нерѣдко галлюцинацiи обонянiя будятъ спящаго человѣка и онъ просыпается, чувствуя дивные запахи и испытывая необыкновенную радость.

Обыкновенно появившееся такимъ образомъ радостное состоянiе уже не покидаетъ человѣка.

У многихъ галлюцинаціи повторялись часто.

Въ общемъ «до 80°/o изслѣдованныхъ лицъ имѣли галлюцинаціи обонянія, изъ которыхъ многіе описываютъ свои галлюцинаціи весьма подробно».

«Второе мѣсто послѣ обонятельныхъ галлюцинацій у малеванцевъ занимали галлюцинаціи общаго чувства, напр. чувство легкости, воздушности своего тѣла или его безтѣлесности, чувство какъ бы отдѣленія отъ земли и поднятія на воздухъ. левитация

У нѣкоторыхъ малеванцевъ случались галлюцинаціи слуха и зрѣнія (слышаніе повелѣній Бога, шепотъ Св. Духа, видѣніе отверстаго неба и его необожителей, появленіе звѣздъ разнообразныхъ цвѣтовъ, необыкновенной величины и яркости, или необычное озареніе и прыганіе звѣздъ и т. п.).

У большей части малеванцевъ галлюцинаціи являлись эпизодически, одинъ—два раза и затѣмъ исчезали, а у нѣкоторыхъ галлюцинаціи возобновлялись отъ времени до времени; у немногихъ наконецъ галлюцинаціи оставались въ видѣ постояннаго симптома».

Наблюдаемыя у малеванцевъ „судорожныя движенія“ проявляются въ трехъ видахъ. Наименѣе частый видъ судорогъ, это — крикъ, хохотъ, всхлипываніе, судорожныя слезы, икота, отрыжка и иныя судорожныя формы, свойственныя малой истеріи.

Но самой частой формой судорогъ являются также свойственныя большой истеріи разнообразныя ритмическія и подражательныя движенія, соотвѣтствующія различнымъ профессіональнымъ и привычнымъ движеніямъ и жестамъ, большею частью однообразнымъ у одного и того же лица.

Хотя истерическія судороги весьма различны по своему внѣшнему виду, но наиболѣе часто наблюдается слѣдующая общая картина:

„Среди общаго шума, крика и безпорядка одни падаютъ, какъ сраженные молніей, другіе восторженно или жалобно кричатъ, плачутъ, прыгаютъ, хлопаютъ въ ладоши, бьютъ себя по лицу, дергаютъ себя за волосы, стучатъ въ грудь, топаютъ ногами, пляшутъ, издаютъ всевозможные звуки и возгласы, отвѣчающіе разнообразнымъ эмоціональнымъ состояніямъ: радости, счастью, отчаянію, страху, ужасу, удивленію, мольбѣ, выраженію физической боли, обнюхиванію, смакованію и т. д., то наконецъ подражаютъ собачьему лаю, конскому ржанью и другимъ дикимъ звукамъ“. „Судорожныя движенія нерѣдко длятся до изнеможенія субъекта“.

Нетрудно видѣть, что какъ настроеніе духа, такъ и рядъ бре-

довыхъ идей, а также обманы чувствъ и наконецъ судорожныя проявленія въ общемъ носятъ такое сходство, какъ между собою, такъ и съ явленіями, обнаруживаемыми распространителемъ секты, Малеваннымъ, что не подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ прививнымъ, т. е. обусловленнымъ преимущественно внушеніемъ и самовнушеніемъ.

Проф. И. А. Сикорскій, бывшій на самыхъ радѣніяхъ или молитвенныхъ собраніяхъ малеванцевъ, самъ высказывается въ томъ смыслѣ, что вѣроятно у нѣкоторыхъ субъектовъ, особенно среди общихъ молитвенныхъ собраній, обонятельныя галлюцинаціи возникаютъ путемъ внушеній. Но, прибавляетъ онъ, „несомнѣнно, что у весьма многихъ малеванцевъ галлюцинаціи совершенно самостоятельны и непосредственны и обусловливаются лишь состояніемъ организма и нервныхъ центровъ, а не внѣшними воздѣйствіями“.

Съ этимъ послѣднимъ объясненіемъ однако врядъ ли можно согласиться безусловно. Не подлежитъ сомнѣнію, что состояніе организма и нервныхъ центровъ составляетъ благопріятную почву для развитія психопатическихъ явленій, но характеръ послѣднихъ, т. е. настроенія, бредовыхъ идей и галлюцинацій, въ данномъ случаѣ представляетъ въ такой степени стереотипное сходство даже въ мѣлочахъ, что признать ихъ самостоятельными, а не обусловленными по крайней мѣрѣ въ значительной мѣрѣ взаимовнушеніемъ представляется невозможнымъ. Равнымъ образомъ и проявленіе судорогъ носитъ несомнѣнные признаки зависимости ихъ отъ взаимовнушенія и самовнушенія, какъ видно изъ самаго развитія ихъ на молитвенныхъ собраніяхъ.

По заявленію проф. И. А. Сикорскаго „сами малеванцы придаютъ значеніе судорожнымъ проявленіямъ, считая ихъ несомнѣннымъ дѣйствіемъ Божественнаго начала въ человѣкѣ.

Находясь на молитвенныхъ собраніяхъ, они ждутъ наступленія судорогъ у кого-либо изъ присутствующихъ, радуются виду судорогъ, оживляются и восторгаются картиною судорогъ и при первомъ появленіи судорогъ во всемъ собраніи начинается общій подъемъ возбужденія и ликованія.

Обыкновенно судороги появляются у малеванцевъ, когда они становятся на молитву, рѣже при другихъ условіяхъ.

Но особенно часты и сильны бываютъ судороги въ собраніяхъ; всего же рѣзче они проявляются въ общихъ молитвенныхъ собраніяхъ“, когда условія для взаимнаго внушенія становятся наиболѣе благопріятными.

О значеніи самовнушенія и внушенія въ развитіи судорогъ свидѣтельствуетъ между прочимъ и тотъ фактъ, что, несмотря на заразительность истерическихъ припадковъ для взрослыхъ, особенно мужчинъ, на дѣтяхъ они отражаются весьма мало, въ особенности въ возрастѣ отъ 3 до 8 лѣтъ. Это обстоятельство легко уяснить себѣ, если принять въ соображеніе, что дѣти въ вышеуказанномъ возрастѣ не могутъ проникнуться тѣмъ же религіознымъ возбужденіемъ, какъ и взрослые, и, само собою разумѣется, не могутъ также усвоить себѣ идею, что судороги являются свидѣтельствомъ сошествія Св. Духа на человѣка.

Равнымъ образомъ, слѣдя за развитіемъ отдѣльныхъ случаевъ помѣшательства во время этой психопатической эпидеміи, нетрудно убѣдиться, что, благодаря необычайной психической воспріимчивости, и здѣсь большое значеніе имѣетъ какъ внушеніе, такъ и самовнушеніе. Прежде всего, читая описаніе этихъ случаевъ, нетрудно убѣдиться въ большомъ сходствѣ психопатическихъ явленій, особенно бредовыхъ идей и обмановъ чувствъ, наблюдаемыхъ у различныхъ лицъ, съ тѣми явленіями, съ которыми мы познакомились у душевнобольного Кондрата Малеваннаго. Съ малыми различіями здѣсь дѣло идетъ также о повышенномъ настроеніи духа, о радостномъ чувствѣ, о превращеніи своей личности въ святого или пророка, о слышаніи пріятныхъ неземныхъ запаховъ объ отдѣленіи тѣла отъ земли, о тѣхъ или другихъ видѣніяхъ на небѣ, о слышаніи небеснаго голоса, о просвѣтленіи ума и объ уразумѣніи евангельскихъ и библейскихъ истинъ, о призваніи къ покаянію, о повелѣніи проповѣдывать и пр., и пр. Благодаря воспріимчивости такого рода психическихъ натуръ, нетрудно прослѣдить и въ отдѣльныхъ случаяхъ, какую огромную роль играетъ внушеніе или самовнушеніе въ развитіи ихъ болѣзненныхъ проявленій.

Вотъ, напримѣръ, образчикъ внушающей силы галлюцинацій, которымъ былъ подверженъ одинъ изъ малеванцевъ, крестьянинъ Ефимъ К. Въ теченіе около 5 лѣтъ, подвергаясь волненіямъ и колебаніямъ по вопросу о переходѣ въ штундизмъ, изъ котораго затѣмъ въ апрѣлѣ 1892 года онъ перешелъ въ малеванство, въ маѣ 1892 года, вскорѣ послѣ перенесеннаго имъ сочленовнаго ревматизма, онъ началъ подвергаться зрительнымъ галлюцинаціямъ. Однажды ему показалась на небѣ синяя книга съ большими буквами; въ другой разъ онъ видѣлъ, какъ звѣзды сблизились и сгруппировались въ одну корону. Со времени перехода его въ малеванство, т. е. съ апрѣля 1892 года, его часто начали тревожить сновидѣнія, про-

исходившія въ состояніяхъ неглубокаго сна, во время которыхъ онъ видѣлъ Спасителя, т. е. Малеваннаго.

Во время одного изъ такихъ сновидѣній, онъ услышалъ голосъ: „пойди зажги свою избу и гумно и тогда всѣ увѣруютъ, что эта вѣра (т. е. малеванщина) есть вѣра истинная“. Это повелѣніе начало тревожить его сердце въ такой степени, что онъ среди дня, произвелъ поджогъ, отъ котораго сгорѣла его усадьба вмѣстѣ съ избой сосѣда.

Очевидно, что галлюцинація здѣсь подѣйствовала совершенно подобно внушенію и трудно было бы найти какое-либо различіе, между искусственно произведеннымъ внушеніемъ и тѣмъ внушеніемъ, которое производятъ галлюцинаціи. Можно развѣ допустить, что галлюцинаціи, благодаря совершенно скрытому отъ субъекта ихъ происхожденію, еще сильнѣе подчиняютъ сознаніе, нежели постороннія внушенія.

Вообще надо замѣтить, что какъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, такъ и въ цѣлой массѣ, развитіе психопатической эпидеміи, извѣстной подъ названіемъ малеванщины, въ значительной мѣрѣ обязано внушенію, взаимовнушенію и самовнушенію. При этомъ мы ничуть не отрицаемъ важности вліянія цѣлаго ряда указываемыхъ проф. И. А. Сикорскимъ нравственныхъ и физическихъ факторовъ (развитіе штундизма, алкоголизмъ населенія и пр.), составляющихъ благопріятную почву для развитія эпидеміи въ населеніи; но неподлежитъ сомнѣнію, что непосредственнымъ толчкомъ къ развитію послѣдней на подготовленной уже почвѣ служило внушеніе въ той или другой формѣ. Только этимъ путемъ и можно объяснить себѣ тотъ съ перваго взгляда непонятный фактъ, что родоначальникомъ малеванщины и ея распространителями явились лица помѣшанныя. Какъ справедливо замѣчаетъ проф. И. А. Сикорскій: „населеніе, увлеченное броженіемъ, усвоило себѣ парадоксальное параноическое мышленіе и логику помѣшанныхъ и въ силу этой болѣзненной логики стало разрѣшать основные вопросы жизни и религіи при помощи сравненій и пустой игры словъ.

Бредъ и болѣзненная логика помѣшанныхъ явились образцомъ мудрости и подражанія для населенія, которое раньше обнаруживало здравую логику и здравое мышленіе.

Это объединеніе здоровыхъ съ помѣшанными на почвѣ болѣзненной логики является въ исторіи человѣческой мысли фактомъ глубоко интереснымъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ. То, что случилось на нашихъ глазахъ, случалось и раньше и, чтобы

не приводить многихъ примѣровъ, сошлемся на фактъ, что нѣкоторыя дѣйствія Парижской Коммуны 1871 года были плодомъ распоряженія помѣшанныхъ, которымъ толпа повиновалась слѣпо (Laborde)".

Мы остановились болѣе подробно на этой своеобразной, такъ недавно пережитой нами психопатической эпидеміи, извѣстной подъ названіемъ малеванщины, такъ какъ и самъ Малеванный, основатель секты малеванцевъ, былъ подробно нами изученъ, какъ душевнобольной, при чтеніи нами клиническаго курса въ Казанской Окружной Лечебницѣ и, съ другой стороны, развитіе всей эпидеміи на мѣстѣ было такъ подробно и обстоятельно изучено при участіи авторитетнаго представителя психіатріи. Въ виду этого болѣе подробное ознакомленіе съ этой эпидеміей имѣетъ совершенно исключительный интересъ.

Психопатическая эпидемія Іеговизма.

О сектѣ Іеговистовъ (какъ „Сіонская Вѣсть", „Деспосбратство Іудействующіе субботники") мало извѣстно въ наукѣ, между тѣмъ какъ дѣло идетъ и здѣсь о своеобразной психопатической эпидеміи, описаніе которой мы заимствуемъ изъ работы д-ра Дѣлова [1]), дающей свѣдѣнія объ этой сектѣ и эпидеміи.

Основателемъ секты, о которой идетъ рѣчь, былъ никто иной, какъ штабсъ-капитанъ артиллеріи Н. С. Ильинъ, который въ глазахъ своихъ послѣдователей является Всемірнымъ посланникомъ Іеговы. Ильинъ, очевидный параноикъ, происходилъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ отъ солдатки, хотя самъ онъ величалъ себя незаконнымъ сыномъ шведскаго генерала Пачикуля и польской уроженки Тенчинской. Будучи первоначально православнымъ, Ильинъ былъ отданъ на воспитаніе въ Іезуитской коллегіи въ Полоцкѣ. Съ 1832 г. онъ поступаетъ на военную службу и, получивъ прекрасное по тому времени образованіе, начинаетъ обращать на себя вниманіе, особенно когда написалъ въ 1841 г. сочиненіе, относящееся къ морской артиллеріи. Увлекшись мистическимъ журналомъ „Маякъ" и сдѣлавшись его сотрудникомъ, онъ помѣщаетъ въ немъ свою статью: Умовой взглядъ на общую азбуку природѣ человѣка къ пополненію житницы истиннаго просвѣщенія—первое зерно человѣческаго знанія". Въ своемъ предисловіи онъ говоритъ о необходимости согласованія вѣры съ наукой и о соединеніи всѣхъ религій подъ главенствомъ одной,

[1]) Д-ръ Е. Г. Дѣловъ. Іеговисты. Тифлисъ 1906.

которую онъ опредѣляетъ какъ миротворную, братопророческую, клевретоангельской вѣрой". Онъ началъ въ то же время страдать галлюцинаціями и однажды объявилъ всѣмъ откровеніе отъ Бога, состоявшее въ томъ, что сущность всемірной вѣры должна заключаться въ одной любви. При этомъ Ильинъ сталъ придавать особое значеніе и другимъ откровеніямъ, голосамъ съ неба и снамъ. Переведенный изъ Оренбурга въ Екатеринбургъ на Баранчинскій заводъ въ 1846 г. Ильинъ уже сталъ открыто проповѣдывать новое ученіе, признавъ и объявивъ себя всемірнымъ посланникомъ Іеговы.

Сущность новаго ученія онъ изложилъ въ сочиненіи „Сіонская Вѣсть" или „Лучъ свѣта для разсвѣта". Посвященіе этого труда изложено въ слѣдующихъ характерныхъ словахъ:

„Тебѣ, всепросвѣщеннѣйшій и преблагороднѣйшій Человѣкъ— Еврей, корень и посланникъ Давидовъ, Царь-Царей, Свѣтозарная звѣзда, Денница, Господь Богъ пророковъ святыхъ, Богъ еврейскаго народа, Богъ Ильи, Ильина и мой, предвѣчный человѣкъ— Богъ и Ашеръ—Эпехъ Іуссе. Прими родимушка мою книгу отъ меня раба твоего, какъ дань тебѣ Царю моему, повели перевести на всѣ языки, положить въ народный архивъ царства твоего".

За проповѣдь своего ученія среди безпоповцевъ-раскольниковъ Ильинъ былъ преданъ суду и сосланъ въ Соловецкій монастырь, въ которомъ жизнь свою онъ описалъ въ слѣдующихъ своеобразныхъ стихахъ:

„Въ Соловкахъ различныхъ скорбей мнѣ много причиняли,
Кости мнѣ ломали, яду поддавали,
Смрадъ и чадъ пускали, рявками стучали.
Хотя и во сто глазъ стерегли,
Но зажать лучъ истины не могли.
Богъ моею рукою написалъ книгъ до ста,
Силою святою разсылалъ ихъ просто".

Впослѣдствіи Ильинъ былъ переведенъ въ Суздальскій монастырь, а послѣ 36 лѣтъ заточенія въ 1883 году помилованъ и жилъ въ послѣднее время въ г. Митавѣ, откуда разсылалъ свои сочиненія даже въ Парижъ къ евреямъ, пока не умеръ около 1892 года.

Основой новаго ученія Ильина служилъ Апокалипсисъ, представляющій откровеніе апостола Іоанна на о. Патмосѣ и называемый имъ „Книгой съ неба".

Сущность этого своеобразнаго ученія мы передадимъ со словъ д-ра М. Г. Дѣлова, описавшаго между прочимъ одного изъ душевнобольныхъ сектантовъ-еговистовъ: „Существуетъ единый Богъ, царящій

надъ всѣми солнечными системами. Въ солнечной же системѣ, въ циклѣ которой находится наша планета земля, существуютъ два предвѣчно безсмертныхъ и равносильныхъ Человѣко - Боги (сыновья единаго Бога) — еврей Іегова и Гейденъ — Сатана, отсюда и всѣ люди раздѣляются на Іеговистовъ и Сатанистовъ, т. е. послѣдователей того или другого Бога. Іегова — Богъ безсмертныхъ людей, а Сатана — Богъ смертныхъ людей. У Іеговы (онъ же распятый Человѣкъ-Богъ Христосъ) есть отецъ тоже человѣкъ безсмертный и тѣло его похоже на камень „Яшмосардъ". Іегова или Ѣгова, какъ пишутъ и называютъ сектанты, принималъ уже 8 воплощеній, являясь Мписеемъ, Иліей, быть можетъ Брамой, Конфуціемъ и наконецъ въ послѣдней разъ Іудеямъ являлся человѣкомъ распятымъ Іисусомъ Христомъ. Всемірнымъ посланникомъ Іеговы (онъ же распятый Іисусъ) былъ по убѣжденію Іеговистовъ въ Баранчахъ на Уралѣ полковникъ Ильинъ. Оттуда же по мнѣнію ихъ раздается призывъ Іеговы Іисуса на бой съ сатанистами; поэтому іудеи и другіе сатанисты, которыми сектанты считаютъ всѣ 666 (?) христіанскихъ религій, называемыхъ ими „перегородками", а равно и иные послѣдователи нехристіанскихъ религій приглашаются поскорѣе принять ученіе Іеговы, возвѣщенное людямъ черезъ его всемірнаго посланника Илію (Ильина).

Такимъ образомъ ученіе іеговистовъ представляетъ собою смѣсь своеобразнаго религіозно-мистическаго бреда съ обрывками соціально-демократическихъ ученій и могло распространяться главнымъ образомъ среди неуравновѣшенныхъ лицъ, склонныхъ къ религіозному мистицизму, и даже среди душевно-больныхъ. Секта эта имѣетъ въ настоящее время болѣе тысячи послѣдователей за Ураломъ, распространившись къ востоку до Верхотурья и къ югу до Троицка. Кромѣ того она за послѣднее время начала находить своихъ послѣдователей въ Уфимской губерніи и на сѣверномъ Кавказѣ среди отдѣльныхъ семей [1]).

Общимъ языкомъ для всѣхъ народовъ и племенъ, воспріявшихъ это ученіе, долженъ быть русскій языкъ, хотя каждому племени не будетъ возбраняться говорить и на своемъ родномъ нарѣчіи. По ученію іеговистовъ по прошествіи 6000 лѣтъ (по еврейскому счету) Іегова послѣ жестокаго боя съ Сатаной, въ которомъ приметъ уча-

---

[1]) См. Проф. Ивановскій. Уральскіе Іеговисты. Миссіонерское обозр. 1901. Добротинъ. Сіонская вѣсть и секта Іеговистовъ. Миссіонерское Обозр. 1905. О. Г. Къ исторіи Іеговистской секты. Тамъ же.

стіе множество народовъ, одолѣетъ въ концѣ концовъ сатану и сатанистовъ, закуетъ его въ цѣпи и ввергнетъ въ глубокій провалъ, тамъ его замуруетъ и запечатаетъ и установитъ свободу, миръ и благоденствіе въ іерусалимской республикѣ всѣмъ народамъ на 1000 лѣтъ. По истеченіи этихъ 1000 лѣтъ Іегова (онъ же распятый Іисусъ) совершенно истребитъ Сатану изъ бытія со всѣми вѣрующими въ него людьми, сдѣлаетъ новую землю въ милліонъ разъ больше настоящей, безъ океана и морей и поселится на ней съ своими безсмертными людьми іеговистами на 280.000 лѣтъ. Послѣ того онъ сотворитъ новую землю гораздо лучшую для жизни и т. д., и т. д. Іегова по мнѣнію сектантовъ по временамъ станетъ передѣлывать ее до безконечнаго и уму непостижимаго совершенства и будетъ жить на ней нескончаемо вмѣстѣ съ своими іеговистами. Наконецъ Іегова на передѣланную такимъ образомъ землю спуститъ съ неба готовый уже городъ Іерусалимъ, построенный небесными людьми, т. е. людьми другихъ планетъ, и украшенный дрогоцѣнными камнями, а улицы въ немъ будутъ вымощены прозрачнымъ золотомъ. Городъ этотъ будетъ имѣть въ длину, ширину и высоту по 2000 верстъ; окруженъ будетъ высокой стѣной изъ Яшмы съ 12 воротами, изъ 12 цѣльныхъ жемчужинъ съ надписями на нихъ 12 колѣнъ израилевыхъ, а на анфамезисахъ (флигеляхъ) будутъ изображены 12 израильскихъ апостоловъ (!).

Сей городъ еще Авраамъ ожидалъ. По убѣжденію Іеговистовъ г. Іерусалимъ уже спускается съ неба, но когда онъ спустится на землю — неизвѣстно, такъ какъ свѣтъ отъ нѣкоторыхъ отдаленныхъ свѣтилъ, какъ нѣкоторые полагаютъ, еще и не достигалъ нашей земли. Посреди этого города будетъ хрустальный дворецъ Іеговы, а храмовъ и жертвоприношеній не будетъ. Изъ-подъ дворца будетъ вытекать рѣка, которая будетъ протекать по всѣмъ улицамъ, на берегахъ ея будутъ произрастать дивныя фруктовыя деревья, приносящія каждый мѣсяцъ новые плоды; отъ употребленія этихъ фруктовъ люди не будутъ ни старѣться, ни умирать, а на всю нескончаемую вѣчность оставаться безсмертными, мужчины въ возрастѣ 34 лѣтъ, а женщины 16 лѣтъ.

Внѣ Іерусалима будетъ 34 царства изъ десныхъ народовъ, спасенныхъ отъ смерти (т. е. не увѣровавщіе въ Іегову до боя съ Сатаной, но ведшіе честную жизнь). У этихъ загородныхъ народовъ, хотя смерти тоже не будетъ, но болѣзни еще будутъ случаться и для исцѣленія отъ нихъ они должны будутъ выпрашивать листьевъ, но не фруктовъ, отъ животворящихъ деревьевъ у горожанъ. По

вѣроученію сектантовъ Іегова, онъ же распятый Іисусъ, въ человѣческой, но прозрачной подобно эфиру плоти живетъ постоянно на одной изъ планетъ нашей солнечной системы. Болѣе ощутимымъ по временамъ онъ является людямъ и открываетъ имъ свою волю. Такъ онъ является Аврааму, Моисею, Иліѣ и другимъ. Чтобы показать человѣчеству, какъ надо жить, явился онъ на землю въ лицѣ Іисуса Христа. Состояніе тѣла Іеговы—Христа имѣетъ свойство проходить чрезъ плотные предметы—стѣны, двери и при томъ моментально со скоростью свѣта или электричества переноситься съ одного мѣста на другое. Іегова магъ, магистръ и кудесникъ . . . но въ то же время тѣло Іеговы отличается всѣми свойствами человѣческаго тѣла, нуждается въ питаніи и отдыхѣ: Іисусъ ѣлъ, его осязали. Съ Іеговою на планетѣ живутъ 24 старца (откровеніе Іоанна 4—4) неизвѣстнаго происхожденія, подобные Мельхиседеку и 144.000 Іудеевъ. Всѣ праведные, т.-е. Іеговисты, послѣ смерти воскресаютъ на третій день и въ обновленномъ тѣлѣ переносятся на планету, гдѣ обитаетъ Іегова [1]).

Очевидно, что сказки Шехерезады остаются далеко позади этого сектантскаго ученія или точнѣе бреда, который, несмотря на свою поразительную нелѣпость, тѣмъ не менѣе находитъ себѣ много приверженцевъ, подобно всѣмъ другимъ сектантскимъ ученіямъ, и распространяется въ значительной мѣрѣ при посредствѣ невольнаго внушенія и взаимовнушенія.

Татарская психопатическая эпидемія въ Казанской губерніи.

Изъ другихъ психопатическихъ эпидемій религіознаго характера заслуживаетъ вниманія эпидемія, развившаяся нѣсколько раньше Малеванщины, въ татарской средѣ Казанской губерніи, виновникомъ которой былъ крестьянинъ изъ татаръ Богаутдинъ Ваисовъ, содержавшійся долгое время въ Казанской Окружной лечебницѣ, гдѣ я имѣлъ возможность его непосредственно наблюдать при завѣдываніи мной тамошней клиникой и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ возможность ознакомиться съ развившейся подъ его вліяніемъ эпидеміей среди казанскихъ татаръ.

Недавно этотъ случай былъ описанъ ординаторомъ лечебницы М. Маевскимъ [2]) и потому нѣкоторыя детали, касающіяся Б. Ваисова, мы можемъ извлечь изъ этого описанія. Ваисовъ, ста-

[1]) Д-ръ Дѣловъ. Іеговисты. Тифлисъ 1906, стр. 7—9.

[2]) См. Невр. Вѣсти. 1897, вып. 4, стр. 123 и слѣд.

рикъ, лѣтъ 62, изъ Свіяжскаго уѣзда, былъ арестованъ въ 1882 году за самовольное открытіе училища и за сопротивленіе законнымъ требованіямъ относительно закрытія означеннаго училища. Уже въ камерѣ мирового судьи были обнаружены явные признаки его душевной болѣзни, вслѣдствіе чего онъ и былъ направленъ въ Казанскую лечебницу для испытанія.

Во время допроса Ваисовъ „заявилъ, что онъ—садовникъ Императорскаго сада; званіе его—природный старовѣръ, старый мусульманинъ, извѣстное лицо всѣмъ народамъ міра, повѣренный Ислама, потерпѣвшій убытки, страдающій за захватъ, божьяго полка опредѣленный дистаночный начальникъ, сотрудникъ всему міру, природный духовный вѣроисповѣдникъ, свѣтлый умомъ своимъ, сословія Тюрки, вѣрноподданный Монарху, лично извѣстный Его Императорскому Величеству, природный духовный, вѣры мусульманской, религіи Ханафей-аказанской, секты сюннитской, духовный отецъ. В. затѣмъ заявилъ, что онъ страдалъ и страдаетъ за интересъ Государя Императора, для его государства и державы, что онъ отъ здѣшняго начальства не имѣетъ никакого вознагражденія, а только одни страданія и мытарства, которымъ подвергаетъ его это начальство. Въ поясненіе своихъ словъ В. пишетъ отзывъ на 2-хъ листахъ убористаго письма, гдѣ говоритъ, что Окружный Судъ продалъ съ аукціоннаго торга его сочиненія и проситъ этотъ судъ выдать ему справку, на какомъ основаніи продали его книги, а ему самому грозили тюрьмой и Сибирью“.

Будучи помѣщенъ на испытаніе въ Казанскую Окружную лечебницу, гдѣ пробылъ первоначально 3 мѣсяца, Ваисовъ, подтвердилъ сказанное на допросѣ и обнаружилъ явныя бредовыя идеи преслѣдованія, обвиняя татаръ въ ненависти къ нему и въ намѣреніи его погубить.

Несмотря на удостовѣреніе врача лечебницы о душевной болѣзни Ваисова, послѣдній, какъ водится, былъ признанъ губернскимъ Правленіемъ душевно-здоровымъ.

Будучи выпущенъ на свободу, Ваисовъ вскорѣ снова привлекается по суду за истязаніе 3 крестьянскихъ мальчиковъ и лишеніе ихъ свободы. На допросѣ у судебнаго слѣдователя Ваисовъ заявилъ, что мальчики будто бы хотѣли его отравить мышьякомъ, при чемъ онъ опять высказалъ бредовыя идеи величія, вслѣдствіе чего онъ былъ отправленъ въ Казанскую лечебницу вторично. Здѣсь обнаруживаются бредовыя идеи величія въ еще болѣе развитой формѣ, при чемъ между прочимъ онъ не признаетъ себя крестьяниномъ,

такъ какъ на немъ де креста нѣтъ и онъ не мужикъ, а духовный, который долженъ дѣлать Божье дѣло. Вообще „въ лечебницѣ В. сталъ высказывать тотъ же горделиво религіозный бредъ, тѣ же идеи преслѣдованія, что и въ предыдущіе разы. Преслѣдуемый, гонимый, по его мнѣнію, со всѣхъ сторонъ, не видящій нигдѣ правды и правосудія, онъ начинаетъ осаждать всевозможныя учрежденія массой прошеній, отзывовъ, докладовъ и т. п. бумагъ, подчасъ чисто кляузническаго содержанія, подчасъ наполненныхъ отборною руганью и выраженіями безграничной ненависти къ властямъ и соплеменникамъ. Число этихъ бумагъ, помѣченныхъ исходящими изъ канцеляріи В., превышаетъ далеко цифру 100. Всѣ онѣ скрѣплены именной печатью, на которой вырѣзано званіе и титулъ В.: „Дордемандъ, дервишъ, Богаутдинъ Хамзинъ В. Альбумари". Бумаги его также имѣютъ опредѣленный заголовокъ: „Отъ Императорскаго молитвеннаго зданія Мантубъ Гирфанъ, канцеляріи меня, всего міра духовнаго отца, природнаго духовнаго лица, сотрудника всего міра сего, Божьяго полка опредѣленной дистанціи начальника, который повелѣвающимъ указомъ Бога—Царя самаго этого Божьяго полка, дардемандъ дервишъ Булгары-Ибнъ дервишъ Хамза В.".

„Отрицаніе властей у него было полное, единственной властью для своихъ послѣдователей онъ поставилъ Бога, Царя и себя. Свидѣтельство, данное имъ, считалъ вполнѣ достаточнымъ для проживанія во всѣхъ концахъ міра". Вотъ примѣръ одного изъ такихъ свидѣтельствъ: „Дано сіе свидѣтельство Х. Въ случаѣ надобности и по собственному своему желанію имѣетъ право быть во всемъ свѣтѣ, на что я самъ и благословляю его самого. Спаси Богъ, аминь. Его же свободѣ да никто не посмѣетъ воспрепятствовать кромѣ меня самого, его духовнаго отца В.; и даже да будетъ это свидѣтельство матрикулярнымъ документомъ въ потомство его изъ рода въ родъ до окончанія сего міра. Аминь. По закону и въ силу закона во всемъ этомъ подписуюсь своею собственною личною подписью своей руки по мусульмански и удостовѣряю все это сіе приложеніемъ своей должностной печати своего Божьяго полка". —

Ясно, что дѣло идетъ здѣсь о душевно больномъ человѣкѣ, страдающемъ рѣзко выраженной параноей.

Что касается самой эпидеміи, то она развилась слѣдующимъ образомъ:

«Подмѣтивъ въ народѣ всякіе пороки, В. выступилъ съ обличительнымъ словомъ какъ противъ несоблюдающихъ святыхъ правилъ Корана, такъ и противъ руководителей народа муллъ. Скоро собра-

лась вокругъ В. кучка людей, жаждущихъ новаго слова, нашедшихъ руководителя своимъ неяснымъ мистическимъ стремленіямъ. Онъ основываетъ общество мусульманъ-староверовъ, слѣпо повинующихся однимъ только велѣніямъ Корана. Съ этихъ поръ въ жизни В. и его ученіи происходитъ важная перемѣна. Онъ замѣченъ своими противниками, подвергшими его преслѣдованіямъ и насмѣшкамъ. Въ муллахъ онъ возбуждаетъ опасенія, какъ религіозный новаторъ. В. подвергся гоненіямъ со стороны мусульманскаго духовенства, что видно изъ его безконечныхъ жалобъ по этому поводу, въ которыхъ, не смотря на массу преувеличеній, есть доля правды. Въ религіозныя распри были вмѣшаны гражданскія власти, къ защитѣ которыхъ прибѣгалъ В. Власти ему не помогли, и онъ начинаетъ подозрѣвать, что начальство стоитъ на сторонѣ муллъ; муллы были, по его мнѣнію, поборники неправды и нарушители правилъ Корана, данныхъ Богомъ; стало быть власти тоже виноваты въ томъ, въ чемъ обвинялось мусульманское духовенство. Отсюда зарождается недовѣріе и ненависть къ властямъ, а подъ конецъ и полное непризнаніе ихъ.

По мнѣнію В., муллы нарушаютъ волю Бога, а гражданскія власти волю Царя, которому служатъ, такъ какъ не хотятъ стоять за правое дѣло. Онъ сталъ утверждать, что начальники измѣнили Царю и народу. Такимъ образомъ въ ученіе старовѣрческаго мусульманскаго общества вошло полное отрицаніе гражданскихъ властей; старовѣры-мусульмане признаютъ только Бога и Государя.

Въ виду постоянной измѣны и неправды, которыя В. видѣлъ вокругъ, онъ поставилъ себѣ цѣлью охранять общество и особу Государя во имя Божьяго закона. Онъ сочиняетъ молитвы за Царя, которыя могутъ охранить Его отъ всякихъ бѣдъ и измѣны. Онъ называетъ свою общину Божьимъ полкомъ, въ которомъ самъ состоитъ предводителемъ, «начальникомъ дистанціи» и воиномъ, которому по гробъ нѣтъ отставки; цѣль этого полка—охранять особу Государя и блюсти чистоту нравовъ. Для образованія членовъ полка В. основываетъ учебное заведеніе, въ которомъ преподавалась священная наука «Гирфанъ». Между тѣмъ идеи о своей высшей власти, высшемъ назначеніи и наконецъ о несправедливыхъ преслѣдованіяхъ начинаютъ прогрессировать. В. сталъ окончательно выше всѣхъ людей, онъ подчиняется только Богу и Государю, всѣ же остальные не имѣютъ никакой власти, никакого права надъ нимъ. Въ этой мысли его повидимому утверждали галлюцинаціи зрѣнія и слуха. Такъ въ сценѣ у Х. является бѣлый старикъ, неизвѣстно какъ попавшій въ

кабинетъ, и однимъ мановеніемъ головы освобождаетъ его. Къ нему по ночамъ являются татары, срываютъ двери и окна, но вреда никогда не могутъ нанести. Всѣ несчастья только утверждали В. въ правотѣ его и несомнѣнности его высокаго назначенія; онъ всецѣло отдался своимъ мистическимъ грезамъ, за предѣлами которыхъ для него ничего не существовало».

Въ какой степени ученіе несомнѣннаго параноика Ваисова было воспринято его учениками путемъ прямого внушенія и упрочилось въ ихъ умахъ во всей его полнотѣ, показываетъ слѣдующій случай:

«Шестеро татаръ, арестованныхъ въ 1885 году вмѣстѣ съ В-мъ за вооруженное сопротивленіе властямъ при описи дома В., на слѣдствіи показали, что сопротивлялись «по закону и въ силу закона, по повелѣнію Бога—Царя и по приказанію духовнаго отца В.; они защищали молитвенный домъ отца В., шли на защиту единодушно, такъ какъ у нихъ одно тѣло и душа, что дѣлаетъ одинъ, то дѣлаютъ и всѣ. Всѣ подписались подъ протоколомъ слѣдующимъ образомъ: «проклятіе Божіе нечестивому народу (3 раза), аминь. Мы, Божьяго полка страдающій, захваченный послѣдователь пророка Авраама, такой-то».

Всѣ обвиняемые отказались принять обвинительный актъ въ силу того, что въ немъ они названы были крестьянами, а не староверами-мусульманами; на судѣ отказались отъ защитника, такъ какъ у нихъ одинъ защитникъ духовный отецъ В. Это поразительное единодушіе и фанатическое слѣдованіе словамъ В-ва заставило пренебрегать всѣхъ послѣдователей В-ва всѣми наказаніями и лишеніями».

Одинъ изъ ревностныхъ послѣдователей Ваисова, И-въ, во время ареста проявилъ рѣзкое сопротивленіе властямъ. «При врученіи И-ву, какъ обвиняемому, повѣстки въ судъ, послѣдній заявилъ, что ее не приметъ, такъ какъ въ ней написано «крестьянинъ», а онъ не крестьянинъ, но духовный сынъ В-ва. На судѣ на всѣ вопросы председателя' И-въ отвѣчалъ съ крикомъ: „никакъ меня не зовутъ, какой я подсудимый, не признаю вашъ судъ, знать никого не хочу, антихристы, проклятые, анафемы. Государь пусть меня судитъ, верховный судъ, Великій Государь и Оттоманская Порта, въ Іерусалимѣ буду судиться". Будучи отправленъ на испытаніе въ Казанскую Окружную лечебницу, онъ былъ выпущенъ, какъ неисправимый фанатикъ, разъ навсегда подчинившійся извѣстному авторитету и внѣ его не желающій ничего ни видѣть, ни слышать".

Хотя И-въ признавалъ Ваисова, какъ и всѣ его послѣдователи,

за великаго дервиша-праведника и мученика и подобно ему не признавалъ себя „крестьяниномъ“ на томъ же основаніи, какъ и самъ Ванговъ, т. е. въ виду отсутствія у него креста, и также не снималъ шапки въ присутственныхъ мѣстахъ, разставаясь съ ней только во время сна, И-въ къ сожалѣнію не былъ признанъ врачами Окружной Лечебницы больнымъ т. наз. индуцированнымъ помѣшательствомъ.

Въ Судебной Палатѣ, гдѣ экспертами были вызваны я и Я. Боткинъ, бывшій въ то время директоромъ окружной лечебницы, повторились въ сущности тѣ же сцены брани по отношенію къ суду и крайняго раздраженія при разспросахъ и требованіи снять шапку, доходящаго до степени умоизступленія, сопровождавшагося рѣзкимъ приливомъ къ лицу, общимъ дрожаніемъ тѣла и безпрестанными неистовыми криками, вслѣдствіе чего И-въ былъ выведенъ изъ залы засѣданія. Къ сожалѣнію и здѣсь директоромъ лечебницы Я. Боткиномъ И-въ по непонятнымъ для меня причинамъ былъ признанъ душевно-здоровымъ лицомъ, тогда какъ мной было дано мнѣніе въ пользу существованія у И-ва индуцированнаго душевнаго разстройства и, я думаю, къ тому имѣлось болѣе, чѣмъ достаточное количество фактическихъ данныхъ. Палата признала подсудимаго И-ва виновнымъ, но смягчила ему наказаніе до крайнихъ предѣловъ.

Супоневская психопатическая эпидемія Орловской губерніи.

Слѣдующая психопатическая эпидемія религіознаго характера случилась въ с. Супоневѣ, Орловской губерніи, лѣтъ 5 назадъ и состояла въ слѣдующемъ [1]):

„Дѣло началось съ чтенія св. Писанія, къ чему присоединилось вскорѣ его толкованіе,—это и дало поводъ говорить о штундѣ. Василій Д., иниціаторъ религіозно-этическаго возбужденія, истерикъ съ пароноической окраскою, проповѣдывалъ съ страстностью, сильно дѣйствовавшею на слушателей. Свидѣтели называемые въ обвинительномъ актѣ, на дослѣдованіи показали, что они не могли, не имѣли силы, не смѣли противиться властному и страстному слову Василія Д. и должны были принимать его толкованія, должны были приходить на собранія. Ихъ воля была аннулирована и совершенно подчинена слову учителя. Въ сущности это былъ до сего времени довально обычный истерическій порывъ нравственно-

---

[1]) См. П. Якобій. Религіозно-психическія эпидеміи. „Вѣстникъ Европы“. Октябрь. 1903.

религіозной экзальтаціи, подъ вліяніемъ страстной проповѣди истерика—можетъ быть слегка параноика „среди дегенеративно-истеричнаго населенія".

Вліяніе внушенія здѣсь стало сказываться съ обычною силою и дѣло пошло crescendo—тѣмъ болѣе, что „первоначальное, чисто этическое, духовное движеніе" не встрѣтило со стороны мѣстнаго духовенства никакого порицанія; но не такъ отнеслись къ нему мѣстныя административныя власти, а также нѣкоторыя изъ лицъ, доходамъ которыхъ грозила проповѣдь воздержанія отъ алкоголя,—тогда еще въ Орловской губерніи не была введена винная монополія. Начались мелкія преслѣдованія, науськиванія остального, точно также крайне нервнаго, неустойчиваго, дегенеративнаго населенія. Василій Д. ходилъ съ барками на югъ, и предпочелъ перезимовать на югѣ; Осипъ Потапкинъ съ женой поѣхали искать себѣ земли на Кавказѣ и встрѣтились тамъ съ сосланными хлыстами. У обоихъ, мужа и жены — по ихъ разсказу въ сущности только у мужа, какъ кажется, было видѣніе символическаго характера, за которымъ послѣдовали пророческіе сны, и Потапкинъ узналъ, что ему данъ даръ пониманія св. Писанія. Не устроившись на Кавказѣ, да и неспособный, вслѣдствіе своего психическаго заболѣванія, онъ вернулся въ Супонево, но уже получивъ наставленія чисто хлыстовскаго характера. Прежде онъ совершенно принималъ ученіе Василія Д. и подчинялся безпрекословно его проповѣди. Теперь онъ порвалъ съ нимъ, сталъ самъ читать и толковать другимъ св. Писаніе (онъ полуграмотный), но—читать нѣчто такое, чего въ св. Писаніи нѣтъ; онъ сталъ проповѣдывать призваніе св. Духа и заманчивую подкупающую доктрину автоматизма: человѣкъ можетъ призвать въ себя св. Духа, который входитъ въ него и управляетъ имъ, какъ машиною, уничтожая всякую волю; вслѣдствіе этого человѣкъ перестаетъ быть отвѣтственнымъ за свои поступки, да и поступки его, даже самые постыдные или порочные, съ точки зрѣнія мірской нравственности, святы и безпорочны, какъ совершаемые св. Духомъ. Затѣмъ идетъ обычная проповѣдь чистоты и непорочности, вслѣдствіе которой супружескія отношенія являются „мерзостью" и блудомъ; но люди, познавшіе высшую истину, связываются новыми, духовными узами братства, любви, а любовь связываетъ братьевъ и сестеръ, которые въ силу этой любви уже могутъ и должны совершать половой актъ. Этотъ актъ полового общенія („Христова любовь") пріобщаетъ членовъ къ новой истинѣ и потому онъ есть символическій обрядъ, обязательный... Однимъ словомъ, рядомъ

символическихъ звеньевъ цѣпь приводитъ къ безпорядочнымъ и безразборнымъ половымъ актамъ, къ „свальному грѣху“.

Не должно однако думать, чтобы у Потапкина эта доктрина сложилась въ стройное цѣлое, въ систему; у него она излагается въ нелѣпыхъ утвержденіяхъ параноика, уже перешедшаго въ слабоуміе; это—безсвязный параноическій бредъ, пересыпанный религіозными текстами и мистическими формулами. Но и этой совершенно безумной патологической проповѣди было достаточно, чтобы сильно подѣйствовать на патологически пораженное уже населеніе, жаждущее чего-то духовнаго и совершенно лишенное его, дико невѣжественное и психически крайне неустойчивое. Потапкинъ обратилъ въ хлыстовство свою жену Пелагею, слабоумную съ индуцированнымъ параноическимъ бредомъ, свою сестру Евдокію Г., живущую съ нимъ на одномъ дворѣ и Матрену Морозову. Эти три женщины имѣютъ важное значеніе въ діагнозѣ патологическаго характера всего супоневскаго движенія“.

Нечего и говорить, что движеніе это грозило быстро распространиться на очень большое число лицъ, если бы не своевременно принятыя мѣры со стороны властей. О характерѣ и внѣшнихъ проявленіяхъ этого движенія, между прочимъ, краснорѣчиво говорятъ нижеслѣдующія строки:

„Нѣсколько женщинъ, какъ мы видѣли, „приняли плоть и кровь“ отъ Осипа Потапкина, т. е. имѣли съ нимъ сношеніе, какъ религіозный актъ, но еще большее число, не дойдя до этого, присутствовало на радѣніяхъ, принимало участіе въ нихъ. Радѣнія эти съ сильными движеніями подъ тактъ пѣнія, хлопанья въ ладоши и притоптыванія ногами, съ цѣлованіями, призываніями св. Духа, доводили ихъ до страшной экзальтаціи, отъ которой онѣ были не въ силахъ отказаться. Онѣ стремились на эти собранія, имъ „не сидѣлось дома“, ихъ „тянуло“ туда, „имъ было тошно“ безъ этихъ возбужденій орфизма. И вотъ, не смотря на запрещеніе и побои отцовъ, братьевъ, мужей, не смотря на насмѣшки и циническіе попреки постороннихъ, онѣ по ночамъ убѣгали къ Потапкину и оставались тамъ до разсвѣта. „Если бы не возвращеніе Василія Д., у нихъ у всѣхъ дѣло дошло бы до блуда“, говорила одна изъ выздоровѣвшихъ; „какъ въ чаду была“,—говоритъ другая; „точно угаръ былъ“,—говоритъ третья. „У Потапкиныхъ на радѣніяхъ женщины вставали и ходили, при этомъ пророчили, цѣловались, пѣли и снимали съ головы при этомъ платокъ и распускали волосы“.

Почти всѣ „плакали навзрыдъ, радовались“; многія „падали, бились“, представляли и другія истерическія явленія.

Изъ принявшихъ плоть и кровь отъ Потапкина женщинъ нѣкоторыя признаютъ это, большая же часть сознаются, что принимали участіе въ радѣніяхъ, пророчествовали, но умалчиваютъ о половыхъ сношеніяхъ. Когда жена Потапкина, слабоумная съ индуцированнымъ помѣшательствомъ женщина, разсказываетъ эротическія сцены, гдѣ онѣ были дѣйствующими лицами и сношенія ихъ съ Осипомъ въ присутствіи другихъ „сестеръ“, смотрѣвшихъ на это,—онѣ молчатъ, злобно взглядывая на нее или отвертываясь и видимо тяготясь воспоминаніемъ объ этомъ періодѣ ихъ жизни.

Это воспоминаніе сдѣлалось для нихъ особенно тяжелымъ съ того времени, какъ Потапкинъ, признанный умалишеннымъ на распорядительномъ засѣданіи суда, былъ возвращенъ къ себѣ въ домъ, слѣдовательно признапъ дѣйствительно неотвѣтственнымъ, какъ „сумасшедшій“, безъ всякаго мученическаго вѣнца“.

Что касается характеристики психическаго состоянія второго виновника этой эпидеміи Осипа Потапкина, то лучше всего она опредѣляется содержаніемъ его письма къ директору Орловской психіатрической больницы, куда Осипъ Потапкинъ былъ отданъ на испытаніе. Изъ этого письма здѣсь приведемъ только начало, сохраняя всѣ особенности подлинника:

Заголовокъ: „1-ая Христосъ воскресъ. Я пишу самъ Святой Духъ, это писаніе отъ самаго живаго Бога присланное, и вотъ скажется, для кого оно, это писаніе, является.

„Это оно для тебя, главный врачъ и начальникъ всему каменному построенному дому и надъ тѣми, кто живетъ и кто кончины ждетъ.

Вотъ посадили сюда Іисуса въ семъ каменномъ мѣстѣ; и вотъ онъ тутъ тоже проведетъ сорокъ дней своего поста. А вотъ я, Духъ Святой, теперь говорю тебѣ, главный врачъ (пропускаются повторенія и безсвязныя вставки частицъ), чтобы ты не томилъ меня, Духа Святого, въ этомъ каменномъ гробѣ... Теперь я пишу тебѣ, Духъ Святой, чтобы ты не держалъ тутъ живаго Бога и Христа (это онъ самъ). Почитай въ этомъ святомъ писаніи, кѣмъ оно (ено письмо) и чьею мудростью написано и возьми въ свою голову, кто эту мудрость можетъ сочинить и кому она должна открыться. Вотъ слухай меня, Духа Святаго, что я тебя для твоей пользы наставлю, и что теперь нужно сдѣлать съ этимъ домомъ... (идетъ совершенно безсвязное разсужденіе)... Вотъ тебѣ приказъ отъ меня, Духа Святаго“...

Въ дальнѣйшихъ письменныхъ и устныхъ заявленіяхъ Осипа По-

тапкина еще больше безсвязности, въ которой, однако, вездѣ и всюду сквозитъ бредъ величія.

Надо только удивляться, какъ столь явныя бредовыя идеи не распознаются окружающими лицами, чему объясненіе можетъ заключаться только въ особой внушаемости этихъ лицъ, воспринимающихъ слышимое ими безъ всякой критики и разсужденія. Въ Супоневской эпидеміи, какъ, впрочемъ, и въ Малеванщинѣ, открывается, между прочимъ, въ населеніи, принимающемъ уродливыя формы новаго ученія безъ критики и соображенія, ясная дегенеративная почва, сопутствуемая малокровіемъ и истощеніемъ и даже эндемическимъ зобомъ. Но кромѣ особыхъ физическихъ условій, во всѣхъ подобнаго рода эпидеміяхъ должна, безъ сомнѣнія, играть немаловажную роль и психическая почва, характеризующаяся крайнимъ невѣжествомъ, неудовлетворенностью духовныхъ потребностей населенія, отсутствіемъ нравственныхъ руководящихъ началъ и недостаткомъ умственнаго развитія, граничащимъ съ патологическимъ слабоуміемъ Эта-то почва на ряду съ благопріятствующими физическими причинами и создаетъ условія необычайной внушаемости отдѣльныхъ лицъ населенія, воспринимающихъ на вѣру самый уродливый бредъ душевно-больныхъ.

Новогрудская эпидемія и „Павловское побоище“.

Небольшая, но также своеобразная по своимъ проявленіямъ религіозная эпидемія развилась въ недавнее время въ Новогрудскомъ уѣздѣ Минской губерніи. Одна изъ крестьянокъ всегда отличалась крайней набожностью, часто и подолгу молилась, пѣла духовныя пѣсни и отдалялась отъ подругъ. Это создало вокругъ нея ореолъ божественной благодати. Однажды по ея заявленію къ ней явилась пресвятая Богоматерь и повелѣла ей остаться навсегда дѣвою. Это возбудило окружающихъ ея подругъ, которыя, собравшись къ ней, начали вмѣстѣ усердно молиться съ пѣснопѣніями, что продолжалось въ теченіе всей ночи.

На другой день по окончаніи молитвословій всѣ вышли изъ помѣщенія, руководимыя больной, которая въ сопровожденіи всѣхъ отправляется на кладбище, гдѣ въ молитвенномъ возбужденіи распускаетъ себѣ волосы, бѣгаетъ отъ одного могильнаго креста къ другому, читаетъ молитвы, цѣлуетъ руки и ноги своихъ подругъ, приказываетъ имъ бить себя и т. п.

Возвращаясь обратно, она встрѣчаетъ на распутьи крестъ, оста-

навливается, бросается ко кресту, въ изступленіи обнимаетъ и цѣлуетъ его и то же повторяютъ за ней другія. Съ наступленіемъ вечера она повелѣваетъ всѣмъ лечь у креста и здѣсь проводится ночь. По пробужденіи всѣ отправляются дальше, произнося молитвенныя пѣснопѣнія. Одинъ изъ встрѣчныхъ мужиковъ вздумалъ спросить ихъ „что они дѣлаютъ“?, но въ отвѣтъ онъ услышалъ рѣшительный возгласъ: „отхилися сатана!“ и угрозу камнями. На дальнѣйшемъ пути ихъ встрѣчаетъ одинъ приказчикъ. Когда онъ опросилъ ихъ, куда они идутъ, больная приказала всѣмъ сопровождавшимъ ее женщинамъ сбросить съ себя платье и раздѣться до нага, что всѣми и было исполнено въ точности. Затѣмъ послѣ путешествія въ нагомъ видѣ больная повелѣла всѣмъ лечь на землю и стала плясать по ихъ голымъ спинамъ съ молитвою на устахъ. Но вѣсть уже распространилась по округѣ о странныхъ дѣйствіяхъ нѣсколькихъ крестьянокъ и въ моментъ послѣдняго неистовства больной явился деревенскій староста и препроводилъ всѣхъ въ волостное правленіе, чѣмъ и закончилась эта маленькая эпидемія.

Здѣсь можно упомянуть еще о кратковременной эпидеміи, случившейся въ Сумскомъ уѣздѣ, Харьковской губерніи, извѣстной подъ названіемъ „Павловскаго побоища“. Одинъ помѣшанный крестьянинъ, по имени Моисей Тодосіенко, явившись въ село Павловки, произвелъ религіозную смуту среди крестьянъ, вызвавъ настоящую психопатическую эпидемію, закончившуюся погромомъ церкви и поруганіемъ ея святынь. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства дѣло приняло серьезный оборотъ. Моисей Тодосіенко и его соучастники были привлечены къ суду и потерпѣли наказаніе, дальнѣйшее же развитіе эпидеміи было своевременно предупреждено.

Сектантскія сборища и эпидеміи.

Вышеуказанныя эпидеміи, безъ сомнѣнія, не составляютъ что-нибудь исключительное, не повторяющееся въ другія времена и при другихъ условіяхъ. Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо мнѣніе проф. И. А. Сикорскаго, по которому нѣчто вполнѣ аналогичное мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ сектантовъ, особенно хлыстовъ, духоборовъ и скопцовъ. Знакомясь ближе съ такъ называемыми радѣніями у хлыстовъ, нетрудно усмотрѣть въ нихъ сходственныя и даже въ извѣстномъ отношеніи тождественныя явленія съ тѣмъ, что представляетъ проявленіе большой истеріи на радѣніяхъ мале-

ванцевъ. Слѣдя за описаніемъ радѣній и плясокъ хлыстовъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣмъ же повышеніемъ душевнаго настроенія, съ развитіемъ психическаго экстаза и судорогъ того же рода, какія мы встрѣчаемъ и у малеванцевъ [1]). У хлыстовъ мы встрѣчаемъ также радѣнія и пророчества, вполнѣ напоминающія намъ вышеописанныя радѣнія малеванцевъ [2]). Равнымъ образомъ и описаніе радѣній и кружений съ прорицаніями, судорожными и обморочными припадками у скопцовъ совершенно напоминаютъ намъ явленія, наблюдавшіяся у малеванцевъ [3]).

Существуетъ даже тождество въ основныхъ вѣрованіяхъ малеванцевъ и хлыстовъ, а именно въ возможности непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ въ формѣ вхожденія Св. Духа въ человѣка во время истерическихъ конвульсій. По словамъ И. А. Сикорскаго „этого входящаго духа чувствуютъ одинаково и хлысты, и малеванцы. По мнѣнію тѣхъ и другихъ, духъ обозначается судорогами и трепетаніемъ. Весьма интересно, что даже возгласы, употребляемые въ экстазѣ малеванцами: „Ой духъ, ой духъ!“ тождественны съ хлыстовскими“. Очевидно, что какъ у малеванцевъ, такъ и у хлыстовъ радѣнія и религіозныя упражненія стоятъ въ тѣсномъ соотношеніи съ истеріей, которая, какъ мы знаемъ, благопріятствуетъ развитію галлюцинацій, судорогъ и иныхъ нервныхъ припадковъ, признаваемыхъ тѣми и другими за наитіе Св. Духа, и которая даетъ столь благопріятную почву для внушенія. Радѣнія же этихъ сектъ составляютъ весьма благопріятную почву для развитія какъ путемъ внушенія, такъ и путемъ самовнушенія истерическихъ болѣзненныхъ проявленій, признаваемыхъ божественными.

Намъ кажется, что въ этомъ взаимовнушеніи заключается не несущественная доля той притягательной силы, какую имѣютъ радѣнія для малеванцевъ, хлыстовъ и скопцовъ—этихъ представителей сектъ, имѣющихъ, несомнѣнно, патологическую основу.

Обыкновенно принимаютъ, что страсть къ этимъ радѣніямъ объясняется перспективой ожидаемаго экстаза радости. Это объясненіе, безъ сомнѣнія, имѣетъ свою реальную основу, но врядъ ли только

---

[1]) См. Кутеповъ. Секта хлыстовъ и скопцовъ. Казань, 1882 г.

[2]) Сходство увеличивается еще и тѣмъ, что иногда у хлыстовъ дѣло доходитъ даже до подчиненія идеямъ и волѣ душевно-больныхъ, какъ это было напр. въ с. Поповкахъ Сумскаго уѣзда Харьк. губ. см. Вѣстн. Евр. Ноябрь, стр. 156 и 157.

[3]) См. Кельсіевъ. Сборн. прав. распоряженій о расколѣ. 1862 г., т. 3—4.

одной перспективой ожидаемаго экстаза радости, обусловливаемаго, какъ думаютъ нѣкоторые, движеніемъ, можетъ быть объяснено неудержимое влеченіе этихъ сектантовъ къ своимъ радѣніямъ. По крайней мѣрѣ, не меньшую, если еще не большую, роль играетъ въ этомъ отношеніи на мой взглядъ то взаимовнушеніе, которое на такихъ радѣніяхъ производится отдѣльными членами другъ на друга и которое поднимаетъ чувство восторга и упоенія въ нихъ до необычайнаго напряженія, недостигаемаго при иныхъ условіяхъ отдѣльными членами. Это же взаимовнушеніе сплачиваетъ отдѣльныхъ лицъ на радѣніяхъ въ одно цѣлое, въ одну личность, живущую одной мыслью, произносящей одни и тѣ же возгласы, исполняющей одинаковые по существу жесты и тѣлодвиженія.

Естественно, что это цѣлое, являющееся источникомъ недосягаемыхъ наслажденій, столь притягательно для отдѣльныхъ членовъ, что заставляетъ ихъ, несмотря на строгій запретъ закона, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ устраивать свои радѣнія и являться на нихъ даже за десятки верстъ.

Съ другой стороны, въ этой притягательной силѣ радѣнія и молитвенныхъ собраній вышеуказанныхъ сектантовъ заключается, между прочимъ, въ значительной мѣрѣ и необычайное упорство этихъ грубыхъ сектъ, съ которыми оказывается безсильною борьба правительства и духовенства. Какъ велико влеченіе къ такимъ сборищамъ, происходящее какъ бы по невольному взаимовнушенію, показываетъ между прочимъ случай, описанный Rev. H. C. Fich'омъ въ Handbook of Kevivols, который мы приводимъ по Б. Сидису (l. c., стр. 304):

„Когда прогрессировало возрожденіе, въ одной деревнѣ, не принадлежавшей къ сектѣ, трактирщикъ клялся, что онъ никогда не пойдетъ съ безумцами на ихъ митингъ. Но, услышавъ, что тамъ пріятно поютъ, онъ обнаружилъ любопытство, сказавъ, что не зналъ этого и что могъ бы пойти послушать пѣніе, но не слова изъ проповѣди. Какъ только пропѣли гимнъ передъ проповѣдью онъ наклонился впередъ и закрылъ оба уха пальцами. Когда одинъ палецъ случайно отдѣлился отъ уха, онъ услышалъ слова: „имѣющій уши слышать, да слышитъ“, произнесенныя съ великой торжественностью, и они его чрезвычайно поразили. Онъ уже не закрылъ уха, но, чувствуя никогда неиспытанное раньше впечатлѣніе, тотчасъ отнялъ и другой палецъ и съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ продолженіе рѣчи“. Само собою разумѣется, что трактирщикъ былъ очарованъ и съ этихъ поръ, будучи привлеченъ въ число вѣрующихъ, „сталъ истинно-благочестивымъ“.

Китайская эпидемія секты И-хе-туанъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сектантскія и религіозныя эпидеміи и въ настоящее время не лишены еще важнаго политическаго значенія. Примѣромъ тому можетъ служить гигантская эпидемія секты И-хе-туанъ, которая недавно разразилась съ страшною силою въ Китаѣ, и, будучи поддержана правительствомъ изъ политическихъ видовъ, потрясла до основанія огромное государство, привлекшее къ послѣднему войска нѣсколькихъ государствъ Европы и Азіи. Подъ вліяніемъ ученія секты И-хе-туанъ, развившейся на почвѣ явленій большой истеріи и гипноза, представители этой секты получили увѣренность въ своей необычайной силѣ и неуязвимости, гдѣ и лежитъ причина огромной политической роли, которую сыграла эта секта въ недавнихъ китайскихъ событіяхъ. Вотъ какъ, напр., описываетъ проявленіе и распространеніе этой секты И-хе-туанъ д-ръ Н. Воскресенскій [1]), который имѣлъ возможность собрать свѣдѣнія объ этомъ своеобразномъ ученіи на мѣстѣ:

„Различнымъ отрядамъ союзныхъ и русскихъ войскъ не разъ приходилось встрѣчаться съ отдѣльными бандами, въ переднихъ рядахъ которыхъ шли дѣвушки и юноши совершенно невооруженные, помахивающіе своими разноцвѣтными знаменами. Первые залпы обыкновенно скашивали эти ряды, но тотъ изъ И-хе-туанъ, кто остался цѣлъ, возвращался изъ сраженія еще съ большей вѣрой въ свою неуязвимость и становился предметомъ поклоненія для другихъ; убитые и раненые считались недостаточно „просвѣтившимися". Быстрота, съ которой распространилось въ народѣ ученіе И-хе-туанъ, достойна вниманія...

На огромномъ пространствѣ трехъ провинцій населеніе было точно наэлектризовано и стоило появиться въ какой-нибудь деревушкѣ нѣсколькимъ фокусникамъ, а съ ними нѣсколькимъ мальчишкамъ, выкрикивающимъ непонятныя для народа фразы, какъ среди собравшейся толпы и внутри домовъ мужчины и женщины объявляли себя И-хе-туанъ, чувствовали „посѣщеніе Духа", дѣвушки начинали пророчествовать, нѣкоторые подвергались судорогамъ; юноши съ пѣною у рта изрекали непонятныя слова, брались за оружіе, шли волонтерами среди солдатъ. Среди послѣднихъ весьма многіе были также ярые И-хе-туанъ.

[1]) Д-ръ Н. Воскресенскій. Русскій Врачъ. № 1, 1902.

Изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, еще до прибытія настоящихъ наставниковъ и руководителей, стоустая молва переносила разсказы о невѣроятныхъ чудесахъ. Говорили, что два мальчика И-хе-туанъ, перебросивши нитку черезъ католическій храмъ въ Мукденѣ, повалили его; разсказывали, что нѣсколько человѣкъ, притронувшись стеблемъ гао-ляна къ Тьенъ-дзинской желѣзной дорогѣ, совершенно разрушили ее. Въ Гиринъ изъ Пекина пришло чуть ли не оффиціальное извѣстіе, что, благодаря присутствію въ войскахъ трехъ И-хе-туанъ близъ Таку, разрушено 27 броненосцевъ союзниковъ.

Впрочемъ, перечислить всѣ подобные циркулировавшіе въ народѣ слухи невозможно".

Ясно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло также съ эпидемическимъ распространеніемъ секты путемъ взаимовнушенія отъ одного лица къ другому, при чемъ въ самомъ характерѣ эпидеміи, какъ и слѣдовало ожидать, отразились всѣ черты восточныхъ народовъ съ ихъ склонностью ко всему легендарному и чудесному.

Канадская психопатическая эпидемія среди русскихъ духоборовъ.

Интересна также психопатическая эпидемія, охватившая недавно духоборовъ Канады и едва не кончившаяся для многихъ изъ нихъ печально. Заимствуемъ изъ газетъ описаніе, принадлежащее перу г-жи Макъ-Гаханъ, этой своеобразной эпидеміи, всполошившей не на шутку мѣстныя власти.

Нѣкто Зебровъ, объявившій себя Іоанномъ Крестителемъ, сталъ проповѣдывать походъ въ пустыню „для лицезрѣнія Христа", завѣряя всѣхъ, что зимы не должно быть и что ея нечего бояться.

„Повѣрили ли сектанты своему вожаку или поступили они въ силу собственнаго разсужденія, только изъ нѣкоторыхъ деревень они стали приходить въ однихъ холщевыхъ рубахахъ, босые и съ непокрытыми головами. Но другіе выходили одѣтые, какъ слѣдуетъ, если не въ кожаныхъ, то въ резиновыхъ сапогахъ, захвативъ съ собою и байковыя одѣяла. Деньги, кажется, были при всѣхъ и немалыя, такъ какъ въ Іорктонѣ, напримѣръ, какой-то босоногій духоборъ, по свидѣтельству многихъ присутствовавшихъ, вынулъ тугую мошну и отсчиталъ изъ нея 250 долларовъ, т. е. 500 рублей, одному изъ чиновниковъ канадскаго иммиграціоннаго вѣдомства, поручая ему купить яблоковъ, фруктовъ, хлѣба и картофеля на всю братію".

По извѣстіямъ, напечатаннымъ въ „Temps", духоборы прежде, чѣмъ отправиться „въ походъ на востокъ", отпустили на свободу весь свой домашній скотъ, не желая „притѣснять никакое живое существо".

До похода въ теченіе долгаго времени духоборы въ своихъ селеніяхъ съ удивительнымъ терпѣніемъ исполняли тяжелыя работы. Потомъ вдругъ, охваченные неудержимымъ прозелитизмомъ, бросили селенія и отправились въ проповѣднический походъ.

Телѣги, которыя были при духоборахъ, были побросаны ими въ пути, вмѣсто того они навязали на шесты байковыя одѣяла и несли такимъ образомъ дряхлыхъ стариковъ и малыхъ ребятъ. Хотя духоборы имѣли при себѣ и деньги, они побирались въ пути милостыней ради спасенія души или собирали травы и колосья.

Въ Іорктонѣ, котораго духоборы достигли 15 октября, отъ нихъ отобрали насильственно женщинъ и дѣтей, всего 1060 человѣкъ, предоставивъ мужчинамъ въ количествѣ 800 человѣкъ итти далѣе.

„Насколько можно судить, это рѣшеніе канадскихъ властей принято было духоборами съ полною покорностью: случившіеся при нихъ вожаки Подмеровъ, Дендровъ и Зебровъ, какъ передаютъ, внушили имъ, что на то воля Божія, противъ которой нельзя прати.

Не такъ легко покорились этому насилію задержанныя женщины: многія изъ нихъ на первыхъ порахъ не только сами отказывались ѣсть что-либо изъ предлагаемой пищи, но даже и плакавшимъ дѣтямъ воспрещали: лишь только кто подавалъ что какому-нибудь малышу, мать у того кусокъ изъ рукъ вырывала... Вскорѣ, однако, это изувѣрство поумѣрилось: черезъ сутки-другія духоборки не только ѣли, но и стали помогать стряпать.

Вели всѣ себя тихо, только „божественное" читали, да псалмы пѣли; двѣ женщины однако уже и тутъ, въ Іорктонѣ, впали въ сумасшествіе: одна 60-лѣтняя старуха все утверждала, что отъ нея имѣетъ родиться Христосъ Спаситель, другая безумная была потише: все что-то бормотала про себя и чертила пальцемъ на полу.

Спустя нѣсколько дней появилась еще сумасшедшая—17-лѣтняя дѣвушка, провозглашавшая себя Богородицей.

Тѣмъ временемъ мужчины шли впередъ, продолжая свои заунывные напѣвы гимновъ: по ночамъ они останавливались подъ открытымъ небомъ и многіе изъ нихъ не только ничего не ѣли, но и сна себя лишали: впереди шелъ босой, блѣдный, съ лихорадочно-горящими черными глазами, обнесенными темными кругами и черною же длинною, развѣвавшеюся по вѣтру, бородой „Іоаннъ Креститель"— Зебровъ. Этотъ, подходя къ мѣстечку Foxwarren, сталъ уже и бре-

дить на ходу—ему все представлялись видѣнія; онъ не спалъ уже четвертыя сутки и сталъ то и дѣло ловить что-то по воздуху и хвататься за что-то мерещившееся ему, взывая къ слѣдовавшимъ за нимъ духоборамъ: „Вотъ онъ Христосъ—хватайтесь за него всѣ, спасайтесь!..“

По дорогѣ къ Фоксваррену духоборы стали бросать одѣяла, платье, кошельки, обувь... Все это подбиралось слѣдовавшими за ними конными жандармами и доставлялось, куда слѣдуетъ, на храненіе. У Фоксваррена выпалъ снѣгъ и это поколебало вѣру пилигриммовъ въ своего „Іоанна Крестителя“...

Эпидемическое распространеніе мистическихъ ученій.

Быть можетъ, найдутся лица, которыя въ развитіи вышеуказанныхъ эпидемій будутъ обвинять прежде всего невѣжество грубыхъ массъ народа, культурную его отсталость. Несомнѣнно, что эти условія имѣютъ неоспоримое вліяніе на развитіе психопатическихъ эпидемій, подобныхъ вышеуказаннымъ.

Но они отражаются преимущественно на внутреннемъ содержаніи такихъ явленій.

При большемъ умственномъ развитіи, при большей культурности населенія подобнаго рода психопатическія явленія съ такимъ, если можно такъ выразиться, грубымъ содержаніемъ невозможны. Но въ другой формѣ психопатическія эпидеміи встрѣчаются и въ интеллигентной части общества.

Выше мы уже говорили о месмеризмѣ, когда-то быстро овладѣвшемъ парижскимъ обществомъ. Вотъ какъ описываютъ сцены этого Месмеровскаго леченія, въ которыхъ содержится немало поучительнаго съ точки зрѣнія, развиваемой въ этомъ сочиненіи:

„Когда возбужденное состояніе переступало извѣстныя границы, больныхъ перемѣщали въ залъ со стѣнками, обложенными матрацами; тамъ женщинъ расшнуровывали и предоставляли имъ, не причиняя себѣ боли, биться головами о мягкія стѣны. Среди этой бѣснующейся толпы, разодѣтый въ лиловые шелка, прогуливался Месмеръ и при содѣйствіи Дезлона и своихъ помощниковъ магнетизировалъ по выбору молодыхъ и красивыхъ; вооруженный длиннымъ, желѣзнымъ прутомъ, онъ прикасался имъ къ тѣлу паціентокъ, главнымъ образомъ къ больнымъ частямъ; часто, оставляя прутъ, онъ магнетизировалъ глазами, фиксируя свой взглядъ на взглядѣ больныхъ или налагая руки на подреберье и на нижнюю область живота.

Это послѣднее продолжалось иногда по цѣлымъ часамъ. Иной разъ онъ прибѣгалъ къ пассамъ, при чемъ прежде всего помѣщался въ опредѣленномъ положеніи относительно больной: садился противъ нея нога въ ногу, колѣно въ колѣно и, касаясь пальцами подвздошья, слегка перебиралъ ими по направленію къ бокамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣлось въ виду вызвать болѣе интенсивные эффекты, эти манипуляціи смѣнялись магнетизированіемъ большими токами, состоявшими въ пассахъ съ головы до ногъ и обратно до тѣхъ поръ, „пока насытившаяся возстановительнымъ флюидомъ замагнетизированная не падала въ обморокъ отъ боли или удовольствія,—двухъ ощущеній, одинаково благотворныхъ“ [1]).

„Молодыя женщины, выдержавшія чарующій кризисъ, упрашивали, чтобы ихъ вновь погрузили въ это состояніе; онѣ преслѣдовали Месмера по всей залѣ и увѣряли, что не могутъ противиться живѣйшему влеченію къ магнетизирующему ихъ субъекту“. Само собою разумѣется, что зараза Месмеризма со времени этихъ сеансовъ стала быстро распространяться въ обществѣ. „Страсть къ Месмеровскому леченію не замедлила сдѣлаться общей. Домъ на Вандамской площади оказался недостаточнымъ и Месмеръ занялъ hôtel Bullion близъ площади Bourse, гдѣ онъ построилъ четыре лохани, изъ которыхъ одна предназначалась для безплатнаго леченія бѣдныхъ. Однако Месмеръ этимъ не ограничился: онъ намагнетизировалъ дерево въ концѣ улицы де Ванду, къ которому тысячами стекались больные и привязывали себя къ нему веревкой въ надеждѣ на излеченіе“ [2]).

Нѣчто подобное, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, случилось и позднѣе съ т. наз. магнетическимъ леченіемъ. Достаточно здѣсь припомнить то увлеченіе, которое проявилось въ разныхъ центрахъ Европы и между прочимъ у насъ въ Петербургѣ въ концѣ 70-хъ годовъ, когда магнетизеръ Ганзенъ, разъѣзжая по большимъ европейскимъ центрамъ, производилъ въ своемъ родѣ „знаменитые“ сеансы магнетизма или, точнѣе, гипноза, который по его ученію былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ особой, присущей ему, магнетической силѣ. То же самое произошло и съ спиритизмомъ.

Всякій, вѣроятно, помнитъ, съ какой чудовищной силой еще такъ недавно началъ развиваться мистицизмъ въ интеллигентной части нашего общества и какъ быстро вмѣстѣ съ тѣмъ начала развиваться настоящая спиритическая эпидемія. А между тѣмъ, что такое спи-

---

[1]) L. Figuier. Histoire du merveilleux. T. III. Paris 1860.
[2]) Бине и Фере. Животный магнетизмъ. Спб. 1890, стр. 10—13.

ритизмъ и его позднѣйшее видоизмѣненіе, извѣстное подъ названіемъ теософизма? не есть ли это также своеобразное общественное явленіе, которое, если не по внутреннему содержанію, то по внѣшности родственно сектамъ хлыстовъ, духоборцевъ и малеванцевъ, допускающихъ реальное общеніе съ Св. Духомъ. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ мѣткимъ сравненіемъ, которое сдѣлано проф. И. А. Сикорскимъ:

„Вѣра спиритовъ въ духовъ, въ возможное общеніе съ ними и въ существованіе способовъ узнавать чрезъ посредство духовъ прошедшее, будущее и недоступное настоящее,—вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна съ догматикой скопцовъ, хлыстовъ и малеванцевъ.

Вѣра спиритовъ въ духовъ основывается, какъ и у сектантовъ, на фактѣ экстатическихъ состояній, въ которыхъ медіумы могутъ писать, произносить слова или дѣлать что-либо, недоступное имъ въ обыкновенныхъ состояніяхъ, и это недоступное спириты приписываютъ манипуляціямъ посторонняго духа, дѣйствующаго чрезъ организмъ медіума или инымъ путемъ.

Подобно тому, какъ хлысты и малеванцы, прорицая, произнося извѣстныя слова и дѣлая тѣлодвиженія, не сознаютъ ихъ или, по крайней мѣрѣ, не признаютъ, какъ собственныя, а напротивъ признаютъ ихъ чуждыми себѣ, совершающимися волею вошедшаго извнѣ духа, такъ же точно и пишущій или вертящій столомъ спиритъ не признаетъ этихъ дѣйствій за свои, а относитъ ихъ къ дѣйствію посторонняго духа, который управляетъ имъ, какъ простымъ орудіемъ“.

„Относя къ одной общей категоріи малеванцевъ, хлыстовъ и спиритовъ, мы не можемъ не закончить этого сравненія сопоставленіемъ скопческихъ и хлыстовскихъ прорицаній съ откровеніями спиритовъ. Если первыя большею частью лишены смысла или, по крайней мѣрѣ, не возвышаются надъ уровнемъ зауряднаго человѣческаго разума, то и все то, что успѣли сообщить спиритамъ ихъ духи, совершенно посредственно или ничтожно и по справедливому замѣчанію англійскаго мыслителя „не можетъ быть поставлено выше самой пошлой болтовни (Карпентеръ)“.

Эпидеміи свободной любви.

Въ послѣднее время въ Россіи вмѣстѣ съ революціей при переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей, между прочимъ, были подвергнуты переоцѣнкѣ и тѣ нравственныя начала, которыми регулируется половой

вопросъ въ обществѣ. Изображенія наготы человѣческаго тѣла и самая пошлая порнографія стали заполнять литературный рынокъ и даже появились спеціальные брачные журналы. Благодаря этому вліянію печати и др. причинамъ особенное развитіе началъ получать культъ „свободной любви“, приведшій, съ одной стороны, къ небывалому распространенію венерическихъ болѣзней, особенно въ большихъ центрахъ, и съ другой стороны къ настоящей „половой вакханаліи“ съ ея звѣрскими и кровавыми насиліями, описаніе которой можно найти въ статьѣ д-ра Жбанкова („Практ. Врачъ“ № 18 и 29 за 1908 г.). Среди этой половой вакханаліи, поражающей крайне уродливыми и прямо ужасающими подробностями половыхъ преступленій, заслуживаютъ вниманія настоящія эпидеміи полового характера, которыми начала особенно заражаться учащаяся молодежь. „Среди молодежи какъ высшихъ, такъ и среднихъ учебныхъ заведеній въ столицахъ и другихъ городахъ образуются кружки съ названіями опредѣляющими ихъ назначеніе: „общество огарковъ“, „лига свободной любви“, „лови моментъ“ и пр. Участвуютъ въ этихъ кружкахъ лица обоего пола. Начавшись съ бесѣдъ на половые вопросы или съ чтенія новѣйшей половой литературы съ послѣдующимъ обсужденіемъ половыхъ отношеній, эти кружки полностью или часть ихъ членовъ переходятъ въ различныхъ формахъ къ культу Бахуса и Венеры“. („Практ. врачъ № 17, стр. 309. 1908).

Въ какой мѣрѣ взгляды молодежи на свободную любовь въ періодъ русской революціи начали заявлять о себѣ открыто въ обществѣ, показываетъ, между прочимъ, одна изъ митинговыхъ резолюцій, содержаніе которой по устной передачѣ намъ одного изъ собирателей этихъ резолюцій, проникавшихъ въ то время въ печать, гласила, что беременность гимназистки и другихъ учениц средних учебныхъ заведеній не должна служить поводомъ къ исключенію изъ учебнаго заведенія, такъ какъ она представляетъ собою явленіе вполнѣ естественное, соотвѣтствующее природѣ женскаго организма.

Но и въ позднѣйшій періодъ времени культъ свободной любви въ русскомъ обществѣ, особенно среди молодежи, находилъ для себя чрезвычайно благопріятную почву, проявляясь то тамъ, то здѣсь настоящими эпидеміями полового характера, получавшими особенное развитіе въ разныхъ центрахъ преимущественно средней и южной Россіи. Объ одной такого рода эпидеміи, извѣстной подъ названіемъ „Огарки“, заявлялось уже неоднократно въ русскихъ газетахъ.

Эта эпидемія получила большое распространеніе особенно среди учащейся молодежи въ разныхъ городахъ и между прочимъ въ г.

Кіевѣ, Курскѣ и др. Одно время казалось, что, благодаря принятымъ мѣрамъ, эта эпидемія погасла, но между тѣмъ въ самое послѣднее время мы узнаемъ о новомъ появленіи этой уродливой общественной эпидеміи въ г. Минскѣ. Вотъ въ какихъ краскахъ описываетъ г. П—скій эту новую вспышку „огарковъ“ (см. „Новое Время“ № 17, 1908 г.):

Вотъ уже второй день, какъ городъ взволнованъ разоблаченіями мѣстной печати о „лигѣ свободной любви“, учрежденной учащимися нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній.

О существованіи лиги сдѣлалось извѣстнымъ мѣсяца два назадъ. Сначала ходили неясные слухи о какомъ-то „сообществѣ“, „радѣніяхъ“, но опредѣленнаго никто ничего не зналъ. Только въ послѣднее время слухи, благодаря разоблаченіямъ нѣкоторыхъ членовъ лиги, получили достовѣрный характеръ и въ общество проникли уже подробныя свѣдѣнія о характерѣ дѣятельности „сообщества“. Сдѣлавшіяся затѣмъ достояніемъ гласности, эти свѣдѣнія не могли не привести въ содроганіе отцовъ и матерей, даже теперь еще не совсѣмъ увѣренныхъ въ возможности существованія подобнаго сообщества.

Оказывается, гг. „лигисты“ имѣютъ свою собственную конспиративную квартиру, недалеко отъ центра города. На „радѣнія“ собираются ежедневно, дѣлясь при этомъ на смѣны, въ виду многочисленности членовъ и недостаточности помѣщенія для общихъ собраній. На собраніяхъ, по обыкновенію, пьянствуютъ, занимаются сальными разговорами; оканчиваются сборища поголовнымъ развратомъ, при свѣтѣ огарковъ. Членамъ лиги запрещается имѣть личныя симпатіи и въ обиходъ введены „коммунальныя начала“. При вступленіи требуется членскій взносъ въ размѣрѣ трехъ рублей.

Въ члены „лиги“ вербуются подчасъ совершенно „неопытныя“ ученицы, отъ которыхъ до вступленія скрываются истинныя цѣли лиги.

Одна изъ такихъ случайныхъ „лигистокъ“, попавъ на „радѣніе“, не выдержала, пришла въ ужасъ; съ ней сдѣлалась истерика и она съ крикомъ вырвалась изъ ужаснаго притона и дома обо всемъ видѣнномъ разсказала родителямъ. Предсѣдателемъ и учредителемъ лиги состоитъ нигдѣ неслужащій офицеръ.

Ужасно то, что предсѣдатель лиги зараженъ сифилисомъ. Вице-предсѣдательницей лиги является дочь педагога, гимназистка послѣдняго класса. Еще очень недавно одно изъ ея похожденій (амурнаго свойства) вынудило педагогическій совѣтъ гимназіи постановить рѣшеніе объ ея удаленіи изъ гимназіи. Кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ взрослыхъ, остальные члены лиги—исключительно учащаяся молодежь обоего пола съ зубоврачебными курсами во главѣ“.

Итакъ возникновеніе общественныхъ эпидемій, подобныхъ ранѣе описаннымъ, возможно и въ интеллигентномъ классѣ общества, въ которомъ однимъ изъ стимуловъ къ ихъ развитію и распространенію служитъ также внушеніе, производимое устно и печатно.

Паники среди людей и животныхъ.

Надо вообще имѣть въ виду, что психическая зараза проявляется не только распространеніемъ психопатическихъ эпидемій, но и распространеніемъ психическихъ эпидемій, которыя не могутъ считаться патологическими въ узкомъ смыслѣ слова и которыя, несомнѣнно, играли большую роль въ исторіи народовъ. Такого рода психическія эпидеміи, какъ мы видѣли, происходятъ и въ современномъ намъ обществѣ и при томъ не особенно рѣдко. Одинъ изъ яркихъ примѣровъ психическихъ эпидемій, правда кратковременнаго свойства, представляетъ то, что называется паникой. Эта психическая эпидемія развивается необыкновенно часто въ народныхъ собраніяхъ, когда, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ условій, къ массѣ лицъ прививается идея о неминуемой смертельной опасности.

Кто переживалъ вмѣстѣ съ другими панику, тотъ знаетъ, что это не есть простая трусость, которую можно побороть въ себѣ сознаніемъ долга и съ которой можно бороться убѣжденіемъ. Нѣтъ, это есть подавляющій аффектъ, развивающійся внезапно при какомъ-либо неожиданномъ впечатлѣніи угрожающаго характера и съ необычайной быстротой распространяющійся путемъ психическаго вліянія на множество лицъ; это есть нѣчто такое, что охватываетъ, подобно острѣйшей заразѣ, почти внезапно цѣлую массу лицъ чувствомъ неминуемой опасности, противъ которой совершенно безсильно убѣжденіе и которое получаетъ объясненіе только во внушеніи этой идеи, путемъ ли неожиданныхъ зрительныхъ впечатлѣній (внезапное появленіе пожара, непріятельскихъ войскъ и пр.) или путемъ слова, злонамѣренно или случайно брошеннаго въ толпу. Изъ лицъ, бывшихъ на театрѣ 1877—78 г.г. русско-турецкой войны, многія вѣроятно вспомнятъ при этомъ случаѣ о тѣхъ паникахъ, которыя неоднократно охватывали населеніе Систова во время Плевненскаго сидѣнія русской арміи.

Въ одномъ случаѣ поводомъ для мирнаго населенія Систова послужило то обстоятельство, что къ городу приближалась толпа человѣкъ въ 800 плѣнныхъ турокъ, сопровождаемыхъ русскимъ кон-

воемъ. Увидѣвъ подступающую къ городу массу съ красными фесками на головѣ и не замѣтивъ сопровождавшихъ конвойныхъ, кто-то изъ мирныхъ досужливыхъ жителей крикнулъ: „турки идутъ!" Этотъ кличъ, передаваемый изъ устъ въ уста, быстро распространился по всему городу и привелъ къ ужасной паникѣ, благодаря которой всѣ, кто могъ, бѣжали, устремляясь къ единственному понтонному мосту, перекинутому черезъ Дунай. Даже изъ лазаретовъ повыскакали раненые офицеры, поддерживаемые подъ руку сестрами милосердія. У моста произошло настоящее столпотвореніе. Дѣло, конечно, не обошлось безъ жертвъ, но къ счастью вскорѣ показалась головная часть русскаго отряда, сопровождавшаго плѣнныхъ турокъ, и эпидемія паники также быстро прекратилась, какъ и началась.

Аналогичныя явленія случались неоднократно и во время Русско-Японской войны. Надо замѣтить, что паники случались въ войскахъ различныхъ націй въ минуты крайняго напряженія военныхъ дѣйствій, когда мирное населеніе или войско одной стороны чувствуютъ себя въ состояніи, близкомъ къ опасности. Это сознаніе возможной опасности и составляетъ благопріятную почву для развитія паники. При этомъ обыкновенно имѣется какой-либо хотя бы незначительный поводъ, содержащій элементъ неожиданности и служащій внѣшнимъ толчкомъ для развитія паники. Нѣкоторые, какъ, напр. Marmont [1]), полагаютъ, что паники всегда доказываютъ ослабленіе дисциплины въ войскахъ, недовѣріе къ руководителямъ дѣла и пониженіе воинскихъ доблестей. Не отрицая значенія этихъ моментовъ, трудно однако признать, что они играютъ наиболѣе важную роль въ развитіи паники. Дѣло въ томъ, что и въ хорошо дисциплинированныхъ войскахъ случались паники, но лишь въ тѣ періоды, когда войсками овладѣвало хотя бы неясное сознаніе возможной опасности. Изъ болѣе значительныхъ паникъ, извѣстныхъ въ исторіи, можно указать на панику, развившуюся во французскихъ войскахъ предъ битвой подъ Wolmy въ 1793 году, когда 10000 солдатъ были обращены въ бѣгство 1500 смѣлыми австрійцами. Далѣе извѣстна паника, развившаяся на 2-й день битвы подъ Ваграмомъ 6-го іюля 1809 г. во французскихъ же войскахъ, и затѣмъ паника, развившаяся въ тылу французской арміи послѣ битвы при Сольферино.

Такъ какъ паника касается чувства самосохраненія, свойственнаго всѣмъ и каждому, то она развивается одинаково какъ среди интел-

[1]) Marmont. Memoires T. III, стр. 241.

лигентныхъ лицъ, такъ и среди простолюдиновъ; условіями же ея развитія должна быть неожиданность въ появленіи всѣми сознаваемой опасности, на каковой почвѣ достаточно малѣйшаго толчка, дѣйствующаго подобно внушенію, чтобы развилась паника.

Однажды мнѣ самому во время моего студенчества пришлось вмѣстѣ съ другими товарищами пережить панику, и я думаю, что хотя бы краткое описаніе этого случая нелишено извѣстнаго интереса въ связи съ разсматриваемыми нами явленіями.

Дѣло было въ теченіе зимы 1875—76 года, когда произошелъ взрывъ отъ случайнаго воспламененія 45 тысячъ пудовъ пороха на пороховомъ заводѣ близъ Петербурга. Всѣ, жившіе въ то время въ Петербургѣ, вѣроятно помнятъ тотъ страшный звукъ, который произошелъ отъ этого взрыва и отъ котораго полопались стекла во многихъ домахъ набережной Большой Невы. Мы сидѣли въ то время на лекціи покойнаго профессора В.-М. Академіи Б е с с е р а въ аудиторіи одного изъ деревянныхъ бараковъ, занятыхъ его клиникой. Вдругъ во время полнаго вниманія всей аудиторіи раздается оглушительный звукъ, потрясшій все зданіе барака до его основанія. Въ эту минуту никто не могъ понять, что такое случилось. Мнѣ показалось, что долженъ рушиться потолокъ зданія, и я, сидя впереди всѣхъ у окна, невольно поднялъ на мгновеніе голову къ потолку; тотчасъ послѣ этого я услышалъ непонятный для меня шумъ въ аудиторіи и, обернувшись, увидѣлъ, что всѣ, бывшіе въ аудиторіи, оставили скамьи и ринулись къ дверямъ, давя другъ друга и перепрыгивая по скамьямъ, профессоръ же, не имѣвъ возможности бѣжать, уткнулъ свою голову внутрь камина и такъ оставался нѣкоторое время въ неподвижности.

Увидѣвъ, что всѣ бѣгутъ, я и самъ, охваченный тѣмъ же невольнымъ импульсомъ, направился къ дверямъ, хотя проникнуть наружу, вслѣдствіе большого стѣсненія товарищей въ дверяхъ, не представлялось уже возможнымъ. Впрочемъ паника прекратилась тотчасъ же, какъ только аудиторія вполнѣ очистилась. Тогда, очнувшись, никто не зналъ, въ чемъ дѣло и никто не могъ себѣ отдать яснаго отчета, почему онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ другими. Всѣ сознавали однако, что произошло что-то такое, что, казалось, могло угрожать разрушеніемъ всего зданія. Къ счастью, все обошлось благополучно и лишь нѣкоторые пострадали при давкѣ, отдѣлавшись ушибами, вывихами рукъ и другими несерьезными поврежденіями.

Въ этомъ случаѣ причиной паники явились два момента: внезапный и сильнѣйшій стукъ, потрясшій все зданіе и вселившій ужасъ въ массу слушателей, и съ другой стороны невольный взглядъ

одного изъ слушателей къ потолку, внушившій или укрѣпившій идею о разрушеніи зданія.

Также и въ періодъ революціонныхъ движеній, когда населеніе терроризировано событіями, паника охватываетъ его при малѣйшемъ поводѣ. Такъ, въ разгаръ русской революціи въ Твери 1-го мая кто-то крикнулъ на базарѣ „караулъ!“ и этого было достаточно, чтобы началась ужасная паника: „магазины и лавки закрывались, многіе торговцы на своихъ возахъ бросились вскачь уѣзжать, бросая и теряя свои продукты, другіе бѣжали безъ оглядки... Одна баба съ испуга забѣжала въ церковь и крикнула „бунтъ“ и паника охватила всѣхъ молящихся. Произошла давка, женщины спасались въ алтарѣ, другіе бросались къ боковымъ запертымъ дверямъ, стали выбивать окна; упавшіе стѣнные часы, принятые за бомбу, еще болѣе усилили страхъ и общую давку... Еще хуже было въ Москвѣ на гуляньѣ въ Сокольникахъ: грабители и черносотенники крикнули передъ вечеромъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ „бьютъ, стрѣляютъ“—многотысячная толпа въ ужасной паникѣ бросилась бѣжать, давя другъ друга; родители растеряли своихъ дѣтей, которыхъ подобрала потомъ публика и полиція и наполнила ими участки; мелкіе торговцы метались въ своихъ балаганахъ, и жулики дѣлали свое дѣло [1])“.

Подобныя паники случаются, вообще, нерѣдко при всевозможныхъ случаяхъ, внушающихъ мысль о неминуемой опасности, и, какъ извѣстно, нерѣдко являются причиной огромныхъ бѣдствій. Всякій знаетъ, что въ театрахъ, церквахъ и въ другихъ многолюдныхъ собраніяхъ достаточно произнести слово „пожаръ!“, чтобы вызвать цѣлую эпидемію страха или панику, быстро охватывающую все собраніе и почти неминуемо приводящую къ тяжелымъ жертвамъ. Случившаяся не очень давно катастрофа на благотворительномъ базарѣ въ Парижѣ, а также въ Чикагскомъ театрѣ даетъ наглядное представленіе о тѣхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ приводитъ паника. Такъ какъ паника является слѣдствіемъ внушенной или внезапно привитой мысли о неминуемой опасности, то очевидно, что никакія разсужденія и убѣжденія не могутъ устранить паники до тѣхъ поръ, пока сама очевидность не разсѣетъ внушенной идеи.

Вотъ почему военачальники болѣе всего опасаются развитія паники въ войскахъ, обычно ведущей къ печальнымъ послѣдствіямъ. Въ зависимости отъ условій, содѣйствующихъ устраненію внушеннаго представленія о неминуемой опасности, стоитъ и продолжительность

---

[1]) Жбанковъ. Практич. врачъ № 32. 1905, стр. 633—637.

паники; иногда она является лишь кратковременною, въ другихъ случаяхъ болѣе продолжительною и, слѣдовательно, болѣе губительною.

Такъ какъ чувство самосохраненія свойственно и животнымъ, то понятно, что паника возможна и среди животнаго царства. Въ этомъ случаѣ могутъ быть приведены поразительные примѣры развитія такихъ паникъ, при извѣстныхъ условіяхъ, среди домашнихъ животныхъ, особенно лошадей. Паники эти, называемыя стампедами, приводятъ къ не менѣе печальнымъ послѣдствіямъ, нежели людская паника. Извѣстны примѣры, что цѣлыя стада домашнихъ животныхъ подъ вліяніемъ такихъ стампедъ погибали въ морѣ. О стадѣ свиней, бросающихся въ море вслѣдствіе того, что въ нихъ вселился „нечистый духъ", упоминается еще въ Евангеліи. Изъ стампедъ, случавшихся съ лошадьми, мы можемъ привести здѣсь одну, наблюдавшуюся въ Лондонѣ въ 1871 г., другую, бывшую въ Петербургѣ въ томъ же 1871 году.

Описаніе этихъ и другихъ стампедъ или паникъ было сдѣлано д-ромъ W. Lauderlindsay въ The Journal of Mental Science за янв. 1872 г. Первая паника наблюдалась 30 августа 1871 г. въ средѣ лошадей лейбгвардейскаго полка, стоявшаго лагеремъ близъ Ольдерисата. По словамъ „The Daily Telegraph", внезапный шумъ напугалъ лошадей двухъ офицеровъ и заставилъ ихъ броситься со своихъ пикетовъ; за ними послѣдовали шесть лошадей эскадрона. Потомъ паника распространилась по всей линіи; триста лошадей сорвались одновременно и бросились бѣжать по всѣмъ направленіямъ; на всѣхъ были сѣдла, а нѣкоторыя тащили веревки и кольца... бѣглецы направились почти по всѣмъ свободнымъ дорогамъ... Въ одномъ мѣстѣ лошади ударились о заставу и разбили ее на куски... Многія ударялись о столбы и другія препятствія и серьезно повредили себя. Многія пали мертвыми въ теченіе одного часа, нѣкоторыя потонули въ канавѣ, другія были пойманы искалѣченными".

Петербургскую стампеду корреспондентъ Times'а описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Полкъ гвардейскихъ Ея Величества кирасиръ въ 900 человѣкъ прибылъ на свою стоянку. Одинъ эскадронъ лошадей встревожился и побѣжалъ; за нимъ слѣдующій; волненіе охватило всѣхъ и въ одну минуту 900 лошадей помчались въ дикомъ безпорядкѣ... Въ этой паникѣ замѣчательны двѣ вещи. Во-первыхъ, лошади единодушно выбрали своимъ вождемъ большого могучаго коня, и, глядя на него и фыркая ему въ отвѣтъ, какъ бы говорили ему этимъ: après vous, что онъ въ свою очередь такъ и понималъ; онъ

ждали, пока онъ кинется впередъ, и послѣдовали за нимъ въ дикомъ смятеніи. Если я скажу вамъ, что нѣкоторыхъ нашли только на разстояніи 120 миль въ глубь Финляндіи, то вы поймете, какова была паника".

„Во вторыхъ, замѣчателенъ способъ, которымъ были остановлены нѣкоторыя изъ лошадей. Цѣлыя мили пробѣжали они сплошной массой и наконецъ приблизились подъ прямымъ угломъ къ рѣкѣ. Передъ ними былъ мостъ, на другой сторонѣ котораго находился небольшой кавалерійскій пикетъ. Лошадь-вождь, видя на другомъ концѣ моста кавалерію, не пошла на него, но кинулась въ сторону, бросилась черезъ рѣку, и всѣ 900 лошадей поплыли вмѣстѣ. Когда они выплыли и побѣжали въ безпорядкѣ, командиръ пикета придумалъ уловку: онъ приказалъ трубачу играть призывъ, что всегда играютъ передъ кормленіемъ лошадей... Всѣ старыя лошади навострили уши, сдѣлались нерѣшительными, остановились, помедлили, повернулись и побѣжали назадъ... Это спасло массу... остальныя разбились"...

Ясно, что дѣло идетъ здѣсь о явленіяхъ, совершенно аналогичныхъ тѣмъ, которыя мы видимъ и при развитіи паники у людей. Дѣло здѣсь заключается, очевидно, не въ простомъ лишь подражаніи своему вожаку, а въ настоящей эпидеміи, охватывающей всѣхъ животныхъ, при которой вся масса, какъ одинъ, устремляется въ бѣгство, пока знакомый призывный звукъ, дѣйствующій на животныхъ, не заставилъ нѣкоторыхъ прійти въ себя, благодаря чему ряды бѣгущихъ разстроились и паника быстро прекратилась.

Психическія эпидеміи во времена историческихъ народныхъ движеній.

Кромѣ астенической эпидеміи, выражающейся въ паникѣ, мы знаемъ психическія эпидеміи другого рода, выражающіяся активными явленіями и сопровождающіяся болѣе или менѣе очевиднымъ психическимъ возбужденіемъ. Такія эпидеміи подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ условій иногда охватываютъ значительную часть населенія и нерѣдко приводятъ къ событіямъ, чреватымъ огромными послѣдствіями.

Одушевленіе народныхъ массъ въ годину тяжелыхъ испытаній и фанатизмъ, охватывающій народныя массы, въ тотъ или въ другой періодъ исторіи, представляютъ собою также своего рода психическія эпидеміи, развивающіяся благодаря внушенію словомъ или иными

путями на подготовленной уже почвѣ сознанія важности переживаемыхъ событій.

Одинъ изъ яркихъ историческихъ примѣровъ такихъ психическихъ эпидемій мы видимъ въ крестовыхъ походахъ, являвшихся послѣдствіемъ несомнѣнно привитой или внушенной идеи о необходимости освобожденія Святого Гроба—идеи, такъ сильно воздѣйствовавшей на народы, благодаря необычайному развитію религіознаго мистицизма среднихъ вѣковъ. Вспомните несчастный крестовый походъ дѣтей, предводительствуемыхъ галлюцинантомъ, и вы легко уясните, какую силу пріобрѣтало въ то время внушеніе и взаимовнушеніе, находившее себѣ благопріятную почву въ господствовавшихъ въ то время религіозныхъ заблужденіяхъ, и почему оно было въ состояніи подвинуть народныя массы того времени на отдаленные и разорительные походы, требовавшіе необычайнаго напряженія силъ, волновавшіе умы европейскихъ націй около двухъ столѣтій и стоившіе имъ около семи милліоновъ людей, не считая огромныхъ денежныхъ средствъ. По словамъ Б. Сидиса [1]) „непреодолимое стремленіе влекло людей къ Святому Гробу, который очаровалъ ихъ душевный взоръ,—такъ бабочку безотчетно влечетъ къ свѣчѣ. Это стремленіе благочестивыхъ христіанъ къ Святому Гробу обнаруживалось въ пилигримствахъ, которыя сначала были рѣдки, но постепенно распространились и стали всемірной маніей. Епископы покидали свои епархіи, принцы свои владѣнія, чтобы поклониться могилѣ Христа“.

„Петръ Пустынникъ и папа Урбанъ II были героями, впервые пробившими ледъ и направившими народное движеніе на завоеваніе Святой Земли. Пламенные призывы маленькаго истощеннаго пустынника Петра сметали все передъ собою. Бредъ, царившій въ разстроенной душѣ Пустынника, сообщился его слушателямъ, и они пришли въ восторгъ, въ изступленіе отъ блестящихъ перспективъ, которыя онъ имъ открывалъ.

Между тѣмъ папа Урбанъ II созвалъ два собора одинъ за другимъ. На второмъ, Клермонтскомъ, онъ говорилъ многимъ тысячамъ народа. Его рѣчь сначала слушали въ торжественномъ молчаніи, но постепенно стали раздаваться рыданія. „Не слушайте ничего“, восклицалъ онъ, „кромѣ стоновъ Іерусалима“ и помните, что сказалъ Господь: „Кто не возьметъ креста своего и не послѣдуетъ за мною, недостоинъ меня“. „Вы воины креста; носите же на вашей груди или на вашихъ плечахъ кроваво-красный знакъ Того, Кто умеръ для спа-

---

[1]) Б. Сидисъ. Психологія внушенія, стр. 318—320.

сенія вашихъ душъ!“ Внушеніе было непреодолимо. Покидая поля и города, земледѣльцы—рабы и мелкіе торговцы выказывали большую ревность къ достиженію Святого Града. Если кто-нибудь разсудительный вмѣшивался со словами предостереженія, единственнымъ ихъ отвѣтомъ было внушеніе папы: „кто не послѣдуетъ за мною, недостоинъ меня“...

„О первомъ крестовомъ походѣ Генрихъ фонъ-Зибель говоритъ намъ, что „мы едва ли можемъ понять такое состояніе ума. Это все равно, какъ если бы теперь большая армія сѣла на воздушные шары для завоеванія нѣкотораго острова между землей и луной, на которомъ ожидали бы найти рай“. Толпы людей различныхъ расъ съ женами и дочерьми, съ дѣтьми, взятыми отъ колыбели, и со стариками на краю могилы, многіе больные и умирающіе шли отовсюду готовые, чтобы ихъ вели на завоеваніе Святой Земли. Петръ Пустынникъ, Вальтеръ Безсребренникъ и Готтшалькъ стали героями, вождями толпы, которая разсѣялась прежде, чѣмъ достигла Палестины“.

Но еще поразительнѣе крестовый походъ дѣтей. Около 1212 г. между четвертымъ и пятымъ крестовыми походами Стефанъ, мальчикъ-пастухъ, въ подражаніе старшимъ началъ проповѣдывать дѣтямъ священную войну. Онъ скоро сталъ злобой дня; люди покидали храмы, чтобы слышать его слова. Онъ даже творилъ чудеса. Призывъ Стефана къ дѣтямъ спасти Святой Гробъ возбудилъ въ нихъ стремленіе присоединиться къ нему въ святомъ паломничествѣ.

Эпидемія крестоваго похода быстро распространилась между малолѣтними. Всюду появлялись 10-ти лѣтнія, даже 8-ми лѣтнія дѣти, объявлявшія себя пророками, посланными Стефаномъ во имя Бога. Эти „пророки“ начали ходить по городамъ и деревнямъ. Подобно настоящей эпидеміи, эта манія блужданія не щадила ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ; по разсказамъ хроникеровъ, среди большихъ количествъ загипнотизированныхъ дѣтей было очень много малолѣтнихъ дѣвочекъ. Король Филиппъ Августъ, по совѣту Парижскаго университета, издалъ эдиктъ, приказывавшій дѣтямъ вернуться домой, но религіозныя внушенія были сильнѣе повелѣнія короля, и дѣти продолжали составлять свои сборища. Отцы и матери употребляли все свое вліянія, чтобы обуздать эту опасную манію странствованія, но безъ успѣха. Убѣжденія, угрозы, наказанія были столь же безполезны, какъ и приказъ короля, запоры не могли удержать дѣтей: они вырывались черезъ двери и окна и стремились занять мѣста въ проходившихъ процессіяхъ. Если же ихъ держали такъ, что убѣ-

жать невозможно, они чахли, какъ перелетныя птицы въ заточеніи".

Несчастная судьба этихъ дѣтскихъ походовъ—общеизвѣстна.

Подобнымъ же образомъ внушеніе дѣйствуетъ, очевидно, и во время всѣхъ вообще великихъ историческихъ событій, захватывающихъ народныя массы, какъ, напр., во время великой Французской революціи и во время почти всѣхъ большихъ войнъ за освобожденіе: въ древней Греціи во время персидскихъ войнъ, во Франціи во время англо-французской войны съ Жанной д'Аркъ, въ Сѣв. Америкѣ во время американской освободительной войны, въ Россіи въ 12-мъ году и пр. Эта сила именно и лежитъ въ основѣ того подъема духа, который приводитъ народы къ великимъ историческимъ подвигамъ, покрывающимъ ихъ неувядаемою славою. Во время послѣдней славянской освободительной войны Россія пережила одинъ изъ такихъ періодовъ исторіи, гдѣ наряду съ направляемой свыше волей народа было немало обаятельнаго увлеченія, значительная доля котораго должна быть приписана невольному взаимовнушенію, передаваемому путемъ печати и устнаго обсужденія событій и увлекшему еще ранѣе объявленія Русско-Турецкой войны массу русскихъ добровольцевъ на освобожденіе славянскихъ народовъ.

Въ теченіе ближайшихъ истекшихъ лѣтъ Россія сама пережила періодъ освободительнаго движенія отъ угнетающаго ее тяжелаго внутренняго режима. И въ этомъ освободительномъ движеніи, полномъ глубокаго и важнаго историческаго значенія, сила внушенія играетъ также немаловажную роль. Массовыя забастовки рабочихъ, массовыя же волненія учащихся съ прекращеніемъ занятій во всѣхъ высшихъ и части среднихъ учебныхъ заведеній и даже закрытія многихъ ученыхъ обществъ, организація интеллигенціи въ союзы, аграрные и другіе безпорядки, эпидемія политическихъ убійствъ—все это съ необычайною быстротою распространилось изъ края въ край обширнаго русскаго государства, какъ реакція противъ существующаго строя при обнаженіи его недостатковъ, ярко проявившихся въ теченіе русско-японской войны. Въ этомъ быстромъ развитіи общественныхъ событій, охватившемъ извѣстную часть населенія Россіи, сказалась вновь та титаническая сила внушенія, которая на подготовленной почвѣ побуждаетъ массы къ однороднымъ дѣйствіямъ при малѣйшемъ поводѣ. Достаточно какой-либо одной искры, двухъ-трехъ патетическихъ словъ, произнесенныхъ ораторомъ на сходкѣ или въ учебномъ собраніи, достаточно, наконецъ, нѣсколькихъ листковъ съ революціоннымъ содержаніемъ, распускаемыхъ агитаторами, чтобы возбудить волненіе въ окружающей средѣ и подвинуть

массу лицъ на рѣшенія и дѣйствія, поддерживающія въ странѣ общее возбужденіе умовъ.

Врядъ ли нужно доказывать, что въ этомъ массовомъ революціонномъ возбужденіи, на ряду съ строго обдуманными дѣйствіями однихъ лицъ, въ дѣйствіяхъ другихъ играли значительную роль внушеніе и взаимовнушеніе, находившія для себя благодарную почву въ общемъ подъемѣ народныхъ чувствъ.

Вполнѣ естественно, что зараза распространилась на дѣтей, и подростки изъ гимназистовъ и гимназистокъ имѣли свои митинги и являлись даже въ роли дѣятельныхъ ораторовъ на митингахъ взрослыхъ и агитаторами движенія въ опредѣленныхъ кругахъ, а въ послѣ-революціонный періодъ даже предводителями экспропріаторовъ.

Спекулятивныя эпидеміи.

Равнымъ образомъ и въ финансовомъ мірѣ многое совершается по внушенію, и мы можемъ здѣсь различать психическія эпидеміи какъ стеническаго или активнаго характера, такъ и астеническаго или пассивнаго характера. О нихъ, впрочемъ, здѣсь достаточно лишь упомянуть въ самыхъ общихъ чертахъ.

Къ числу стеническихъ финансовыхъ эпидемій относится извѣстная въ исторіи тюльпаноманія голландцевъ, бывшая въ 1634 г. Она выразилась страстной спекуляціей на стоимость тюльпановъ, торговля которыми будто бы обѣщала неисчерпаемыя богатства. Вслѣдствіе этого масса населенія въ разныхъ городахъ Голландіи набросилась на культуру и торговлю тюльпанами, оставивъ свои обычныя занятія. Благодаря этому, луковицы тюльпановъ получили стоимость драгоцѣнныхъ камней, ихъ покупали на вѣсъ перитовъ (менѣе одного грана), при чемъ одна луковица тюльпана вѣсомъ около 400 перитовъ оцѣнивалась въ 4400 флориновъ, за 40-же луковицъ платили по 100000 флориновъ. Нечего и говорить, что эта бѣшенная спекуляція тюльпанами, эпидемически развившаяся среди голландцевъ, вскорѣ кончилась разореніемъ тысячи семействъ.

Подобная же эпидемическая спекуляція, развившаяся около „Компаніи Миссисипи“, случилась во Франціи въ первую четверть 18 столѣтія (около 1717 г.). Компанія эта дѣйствовала подъ руководствомъ Джона Ло и временно привлекла къ себѣ огромныя денежныя средства.

Сущность этой своеобразной и въ своемъ родѣ замѣчательной фи-

нансовой эпидеміи состояла въ томъ, что Дж. Ло получилъ отъ регента Франціи полномочіе на учрежденіе компаніи съ исключительнымъ правомъ торговли на западномъ берегу р. Миссисипи. Это предпріятіе сразу окрылило надежды многихъ выгодно помѣстить свои капиталы, благодаря чему компанія Миссисипи стала быстро расширять свои предпріятія. Вскорѣ компанія получила исключительное право торговли въ Восточной Индіи и на Южномъ морѣ.

Съ этихъ поръ виды на барыши для всѣхъ оказались блестящими, и самъ Дж. Ло сулилъ прибыли въ 120%. Благодаря этому, энтузіазмъ въ финансовыхъ кругахъ и среди публики достигъ необычайныхъ размѣровъ. Когда была объявлена подписка на 30000 новыхъ акцій компаніи, то требованія достигли 300000. Какъ велико было желаніе сдѣлаться акціонеромъ компаніи, показываетъ тотъ фактъ, что, по свидѣтельству очевидцевъ, даже знатные герцоги, графы и маркизы со своими женами часами толкались вмѣстѣ съ другими въ толпѣ на улицѣ около дома Дж. Ло въ ожиданіи результатовъ. Въ концѣ концовъ требованія на акціи возрастали въ такой мѣрѣ, что признавалось возможнымъ выпустить новыхъ 300000 акцій въ 5000 ливровъ каждую для уплаты регентомъ національнаго долга Франціи, для чего была необходима сумма въ $1^1/_2$ милліарда ливровъ; послѣднее, несомнѣнно, и осуществилось бы, если бы послѣдовало разрѣшеніе правительства.

Всѣ, кто могъ, спѣшили воспользоваться реализаціей ожидавшихся громадныхъ прибылей и переполняли улицу, гдѣ помѣщалась компанія Миссисипи. Но вскорѣ наступила реакція, и акціи Миссисипи, достигшія огромной цѣнности, стали колебаться и затѣмъ быстро падать, приводя къ многочисленнымъ банкротствамъ и разоренію.

Нѣтъ надобности говорить, что финансовыхъ эпидемій въ исторіи извѣстно множество, хотя не всѣ они достигали столь крупныхъ размѣровъ. Между прочимъ въ Англіи извѣстна подобная же эпидемическая спекулятивная горячка съ т. наз. компаніей Южнаго моря, относящаяся къ 1720 году. Да вѣдь подобныя же спекулятивныя эпидеміи случаются и въ настоящее время. Не очень давно Франція пережила финансовую эпидемію съ компаніей Панамы. Къ финансовымъ эпидеміямъ астеническаго характера относятся т. наз. биржевыя паники, которыя столь многочисленны и въ наше время. Что въ этихъ эпидеміяхъ играетъ большую роль ядъ психической заразы, врядъ ли можетъ быть сомнѣніе въ глазахъ лицъ, ближе знакомыхъ съ ходомъ финансовыхъ спекуляцій.

Да и во всякой азартной игрѣ—въ игрѣ въ тотализаторъ, въ орлянку, въ карты и т. п. значительная роль выпадаетъ на долю увлеченія, которое поддерживается и развивается въ той или другой мѣрѣ своеобразнымъ микробомъ психической заразы, извѣстнымъ подъ названіемъ внушенія и взаимовнушенія. Вѣроятно, немного найдется лицъ изъ числа игроковъ, которыя, не смотря на всю свою сдержанность, не ощутили бы на себѣ дѣйствіе внушенія, съ которымъ благоразуміе часто борется безуспѣшно и должно уступить свои права, хотя бы временно, этому столь распространенному микробу, обыкновенно подкрадывающемуся къ человѣку тихо и незамѣтно.

Значеніе народныхъ сборищъ въ распространеніи психическихъ эпидемій.

Въ чемъ же кроется причина развитія подобныхъ явленій и чѣмъ обусловливается столь могущественное дѣйствіе психической инфекціи, лежащей въ основѣ психическихъ эпидемій?

Мы уже упоминали выше, что распространенію психической инфекціи, какъ и развитію обыкновенной физической заразы, способствуетъ болѣе всего извѣстная подготовленность почвы въ населеніи или въ извѣстномъ кругѣ лицъ. Другимъ важнымъ факторомъ въ этомъ случаѣ являются скопленія народныхъ массъ или народныя сборища во имя одной общей идеи, которыя сами по себѣ часто представляютъ уже результатъ психической инфекціи.

Въ этомъ случаѣ должно строго отличать простое собраніе лицъ отъ сборища лицъ, воодушевленныхъ одной и той же идеей, волнующихся одними и тѣми же чувствами, преслѣдующихъ одну и туже цѣль.

Такого рода сборища, представляющія собою въ отличіе отъ общества временныя и случайныя отношенія людей, сами собою превращаются какъ бы въ одну огромную личность, чувствующую и дѣйствующую, какъ одно цѣлое. Что въ самомъ дѣлѣ въ этомъ случаѣ связываетъ воедино массу лицъ, незнакомыхъ другъ другу, что заставляетъ биться ихъ сердца въ унисонъ одно другому, почему они дѣйствуютъ по одному и тому же плану и заявляютъ одни и тѣ же требованія? Отвѣтъ можно найти только въ одинаковомъ настроеніи и въ одной и той же идеѣ, связавшей этихъ лицъ въ одно цѣлое, въ одинъ сложный и большой организмъ. Эта идея быть можетъ вселена въ умы нѣкоторыхъ лицъ путемъ убѣжденія, но она

для многихъ лицъ въ такихъ сборищахъ, безъ сомнѣнія, является внушенной идеей. И когда подобное сборище уже сформировалось, когда оно объединилось подъ вліяніемъ одного общаго психическаго импульса, тогда въ дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ главнѣйшая руководящая роль уже выпадаетъ на долю внушенія и взаимовнушенія.

Обычнымъ проявленіемъ общественной заразы является т. наз. стадность, однимъ изъ элементовъ которой является автоматическое подражаніе, свойственное всему животному міру, но въ болѣе рѣзкой степени проявляется у животныхъ, ведущихъ общественную жизнь. У человѣка эта стадность, или автоматическое подражаніе, проявляется въ особенности тамъ, гдѣ онъ ведетъ совмѣстную жизнь, въ силу тѣхъ или другихъ условій, иногда даже чисто внѣшнихъ (семья, школа, артель и пр.). Оно выражается въ безсознательномъ заимствованіи однимъ лицомъ отъ другого мимики, жестовъ, интонаціи голоса, манеры себя держать или одѣваться, устраивать свой обиходъ, даже порядки, прически и т. п., но эта стадность, или автоматическое подражаніе не идетъ дальше совершенно безотчетной переимчивости, служащей выраженіемъ элементарныхъ проявленій психической жизни.

Особая внушаемость толпы уже давно привлекла вниманіе наблюдателей. Въ русской литературѣ извѣстный писатель Михайловскій („Герои и толпа“) ранѣе многихъ другихъ выдвинулъ и разработалъ вопросъ о психологическихъ факторахъ толпы. Главную роль онъ здѣсь отводитъ чисто автоматическому или гипнотическому подражанію. „Наклонность къ подражанію, по словамъ Михайловскаго, воспитывается тѣми же условіями, которыя опредѣляютъ автоматическое подражаніе и повиновеніе гипнотизированнаго субъекта скудностью, постоянствомъ и однообразіемъ впечатлѣній. Это значитъ и суть условія образованія того, что мы согласились называть толпой“. Въ толпѣ происходитъ утрата индивидуальности, откуда необычайная склонность къ подражанію и подчиненіе внѣшнимъ воздѣйствіямъ, какъ въ гипнозѣ. Психическими же основами этого безсознательнаго подражанія являются концентрированное вниманіе и суженіе индивидуальнаго сознанія. Само собою разумѣется, что почва для такого вліянія лежитъ въ экономическихъ условіяхъ жизни, въ политическомъ и гражданскомъ строѣ населенія и въ умственномъ и нравственномъ уровнѣ населенія. Эти именно условія и лежатъ по Михайловскому въ быстромъ развитіи магометанства, въ великомъ переселеніи народовъ, въ крестовыхъ походахъ, въ извѣстныхъ средне-

вѣковыхъ эпидеміяхъ, въ еврейскихъ погромахъ и т. п. Они различны въ каждомъ случаѣ массовыхъ движеній, но при всемъ разнообразіи условій въ нихъ есть то общее, что они создаютъ психическую готовность подражать. Это общее заключается въ монотонности и однообразіи впечатлѣній и въ общественномъ гнетѣ, приводящемъ къ обезличенію отдѣльныхъ членовъ общества.

Между прочимъ примѣры автоматической подражательности извѣстны не изъ гипноза только, но и изъ родственныхъ ему патологическихъ состояній. Особенно поучительными въ этомъ отношеніи являются случаи т. наз. эмеряченія, наблюдаемаго въ восточной Сибири. Въ этомъ состояніи дѣло идетъ о чисто автоматическомъ подражаніи всему, что происходитъ предъ даннымъ лицомъ. По словамъ д-ра Кашина, цѣлая рота солдатъ повторяла командныя слова командира, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту брань, которою онъ реагировалъ на это поведеніе солдатъ.

Нѣкоторые авторы придаютъ большое значеніе ограниченію произвольной дѣятельности. По Сидису „если что даетъ намъ яркое сознаніе нашей индивидуальности, то это навѣрное наши произвольныя движенія. Мы можемъ сказать, что индивидуальное растетъ и расширяется съ увеличеніемъ разнообразія и интенсивности его произвольной дѣятельности и обратно съ уменьшеніемъ разнообразія и интенсивности произвольныхъ движеній жизнь индивидуальнаго упадаетъ, сокращается.

Соотвѣтственно этому мы находимъ, что ограниченіе произвольныхъ движеній чрезвычайно важно для внушаемости вообще и оно тѣмъ важнѣе, что можетъ вызвать на дѣлѣ суженіе поля сознанія съ послѣдующими условіями, а это все благопріятствуетъ внушаемости.

Нигдѣ, кромѣ, быть можетъ, только одиночнаго заключенія, произвольныя движенія людей такъ не ограничены, какъ въ толпѣ, и чѣмъ толпа больше, тѣмъ больше это ограниченіе, тѣмъ ниже падаетъ индивидуальное „я“. Сила личности обратно пропорціональна числу соединенныхъ людей. Этотъ законъ вѣренъ не только для толпы, но и для высокоорганизованныхъ массъ. Въ большихъ соціальныхъ организмахъ появляются обыкновенно только очень мелкія личности. Не въ древнемъ Египтѣ, Вавилонѣ, Ассиріи, Персіи слѣдуетъ искать великихъ людей, но въ маленькихъ общинахъ древней Греціи и Іудеи“ [1]).

---

[1]) Б. Сидисъ, Психологія внушенія. Спб., 1902, стр. 299.

Нечего говорить, что послѣднее положеніе автора отличается большою условностью; но, не касаясь его, нельзя не признать, что объясненіе автора особой внушаемости толпы ограниченіемъ произвольныхъ движеній отличается большою туманностью. Авторъ самъ указываетъ на ограниченность произвольныхъ движеній въ одиночномъ заключеніи, но никто еще не доказалъ, что при одиночномъ заключеніи внушаемость наростаетъ въ болѣе или менѣе значительной степени. Вообще я не думаю, чтобы ограниченіе произвольныхъ движеній само по себѣ непосредственно обусловливало суженіе сознанія и тѣмъ способствовало большей внушаемости. Но несомнѣнно, что отсутсвіе произвольныхъ движеній располагаетъ къ пассивности вообще.

Съ другой, стороны ограниченіе волевыхъ движеній, по нашему мнѣнію, имѣетъ значеніе въ другомъ направленіи. Оно позволяетъ сосредоточить все активное вниманіе на извѣстномъ предметѣ. Въ этомъ отношеніи активное вниманіе, какъ волевой актъ, стоитъ въ обратномъ отношеніи къ другимъ волевымъ или произвольнымъ движеніямъ. Когда производится рядъ волевыхъ движеній, объ активномъ вниманіи не можетъ быть и рѣчи. Съ ограниченіемъ или прекращеніемъ произвольныхъ движеній является возможность сосредоточивать активное вниманіе на томъ или другомъ предметѣ. Но такое сосредоточеніе активнаго вниманія, какъ извѣстно, легко ведетъ къ его утомленію, а съ этимъ вмѣстѣ и наступаетъ благопріятная почва для внушаемости, т. е. для введенія идей и чувствованій при отсутствіи активнаго вниманія въ общую сферу сознанія.

Когда мы хотимъ гипнотизировать, мы поступаемъ такимъ же точно образомъ. Первоначально мы ограничиваемъ произвольныя движенія, требуемъ, чтобы человѣкъ сидѣлъ спокойно и не говорилъ ни слова; затѣмъ мы требуемъ, чтобы онъ сосредоточилъ свое вниманіе на фиксируемомъ предметѣ, на глазахъ гипнотизатора, на идеѣ о снѣ и пр.—все равно на чемъ бы то ни было, лишь бы это сосредоточеніе было возможно полнымъ, что легко достигается при ограниченіи произвольныхъ движеній. Но какъ всякій волевой актъ, такъ и сосредоточеніе вниманія не можетъ быть продолжительнымъ. Вскорѣ наступаетъ утомленіе, вниманіе постепенно ослабѣваетъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаютъ всѣ проявленія личности.

То же происходитъ и въ толпѣ. При ограниченіи произвольныхъ движеній все вниманіе устремляется на слова оратора, наступаетъ та гробовая тишина, которая страшитъ всякаго наблюдателя, когда слово оратора звучитъ въ ушахъ каждаго изъ толпы,

производя могучее вліяніе на его сознаніе. При этомъ вниманіе постепенно утомляется и наступаетъ періодъ, когда открывается обширное поле для внушенія. Спокойная толпа становится толпой возбужденной и здѣсь достаточно бросить одно недостаточно взвѣшенное слово, чтобы оно сдѣлалось искрой, приводящей къ огромному пожару.

Этому благопріятствуетъ въ особенности то обстоятельство, что въ возбужденной толпѣ имѣются всѣ условія, благопріятствующія общему взаимовнушенію, вслѣдствіе чего внушеніе, проникшее въ сознаніе нѣсколькихъ лицъ, вскорѣ, благодаря взаимовнушенію, становится общимъ достояніемъ толпы.

Вездѣ и всюду въ толпѣ мы встрѣчаемся съ общностью настроенія и чувствъ, созданной опредѣленной атмосферой идей, выдвинутыхъ общественными событіями. Эта общность настроенія и чувствъ объединяетъ прежде всего толпу, къ которой присоединяются всѣ лица, способныя переживать тѣ же чувства и тѣ же настроенія. Здѣсь происходитъ непосредственное прививаніе чувствъ и настроеній, благодаря мимикѣ и жестамъ, ко всѣмъ тѣмъ лицамъ, у которыхъ имѣется вполнѣ подготовленная почва для тѣхъ же чувствъ и настроеній.

Почему толпа движется, не зная препятствій, по одному мановенію руки своего вожака, почему она издаетъ одни и тѣ же клики, почему дѣйствуетъ въ одномъ направленіи, какъ по командѣ?

Этотъ вопросъ занималъ умы многихъ авторовъ, вызывая довольно разнорѣчивые отвѣты. Достаточно упомянуть здѣсь о работахъ Sigheli, Le Bon'a, Tarde'a, P. Janet и др. Нѣкоторые признаютъ даже существованіе какъ бы особой коллективной души. Но было бы излишне входить здѣсь въ какія-либо подробности по этому поводу. Достаточно замѣтить, что, какъ бы мы ни смотрѣли на вопросы, относящіеся до коллективной души и до особыхъ „психическихъ волнъ", распространяющихся на массу лицъ одновременно и способныхъ при извѣстныхъ условіяхъ будто бы даже къ обратному отраженію, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что въ основѣ всего лежитъ могущественное дѣйствіе въ толпѣ взаимнаго внушенія, которое возбуждаетъ у отдѣльныхъ членовъ толпы одни и тѣ же чувства, поддерживаетъ одно и то же настроеніе, укрѣпляетъ объединяющую ихъ мысль и поднимаетъ активность отдѣльныхъ членовъ до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушенію, отдѣльныя лица какъ бы наэлектризовываются, и тѣ чувства, которыя испытываютъ отдѣльныя

лица, наростаютъ до необычайной степени напряженія, дѣлая толпу существомъ могучимъ, сила котораго растетъ вмѣстѣ съ возвышеніемъ чувствъ отдѣльныхъ ея членовъ. Только этимъ путемъ, путемъ взаимовнушенія, находящаго благопріятную почву въ общемъ состояніи народныхъ массъ, можно объяснить себѣ успѣхъ тѣхъ знаменательныхъ историческихъ событій, когда нестройныя толпы народа, воодушевленныя одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженныя и дисциплинированныя войска, дѣйствовавшія безъ достаточнаго воодушевленія [1]).

Однимъ изъ примѣровъ такихъ историческихъ подвиговъ народныхъ массъ, воодушевленныхъ одной общей идеей, можетъ служить взятіе Бастиліи и отпоръ на границахъ Франціи европейскихъ войскъ, окружившихъ послѣднюю въ періодъ великой революціи.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что индивидуальность въ толпѣ не утрачиваетъ своего значенія, какъ думаютъ нѣкоторые и на чемъ справедливо настаиваетъ въ послѣднее время Аменицкій [2]). Онъ обращаетъ вниманіе на значеніе высшихъ эмоцій или т. наз. интеллектуальныхъ чувствованій въ развитіи психики отдѣльныхъ лицъ и указываетъ на особое значеніе этихъ эмоцій въ психологіи общественныхъ движеній. „Эмоціи являются въ сущности неизбѣжными спутниками всякой коллективной работы, всякаго собранія группы лицъ, сложившагося на почвѣ б. или м. однородныхъ интересовъ".

---

[1]) Въ позднѣйшее время вопросъ этотъ служилъ предметомъ обсужденія на V конгрессѣ по криминальной антропологіи въ Амстердамѣ. Докладчиками явились д-ра Jelgelsma (Quelques observations sur la psychologie des foules) и Sigheli (Le crime collectif). Оба докладчика пришли, приблизительно, къ тѣмъ же выводамъ. Д-ръ Jelgelsma высказался въ томъ смыслѣ, что въ толпѣ чувство преобладаетъ надъ разумомъ, замѣчается отсутствіе анализа и скорый переходъ отъ побужденія къ дѣйствію. Легковѣріе толпы, ея впечатлительность, нетерпѣливость и абсолютизмъ объясняются моноидеизмомъ толпы, такъ какъ чувства одного непосредственно передаются другимъ, благодаря „психической заразительности". Такимъ образомъ, дѣло сводится къ простымъ законамъ психологіи, примѣненнымъ къ толпѣ. Sigheli высказался въ томъ смыслѣ что въ дѣйствіяхъ толпы выдающееся значеніе получаетъ внушеніе, благодаря которому слово или жестъ одного человѣка съ быстротою молніи зажигаетъ толпу. Внушеніе вообще служитъ основой всѣхъ преступленій, совершаемыхъ совмѣстно двумя или нѣсколькими лицами. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся здѣсь съ тѣми же мыслями, которыя были высказаны еще въ первомъ изданіи этого сочиненія, вышедшаго много ранѣе упомянутаго конгресса.

[2]) Аменицкій, Михайловскій о толпѣ. Вѣстн. Психологіи. 1906.

Равнымъ образомъ значеніе такихъ эмоцій должно быть громадно и въ образованіи толпы, руководимой соціальными и политическими интересами, а вмѣстѣ съ этимъ отдѣльные члены толпы должны проявлять повышенную психическую дѣятельность, приводящую къ усиленному подъему личной энергіи.

Такого рода соціальная толпа, объединенная одной общей идеей, должна представлять существенное различіе отъ толпы стаднаго характера или простого сборища лицъ, составленной изъ случайныхъ элементовъ, руководимыхъ грубыми эгоистическими инстинктами. Она является прогрессивнымъ общественнымъ элементомъ. „Толпа, правда, сама по себѣ не творитъ новыхъ идей, но тѣ идеи, которыя уже созрѣли въ обществѣ и стали достояніемъ большинства, въ массовомъ движеніи пріобрѣтаютъ особую активную силу, благодаря именно усиленной эмоціональной возбудимости и повышенной двигательной энергіи. Вотъ почему участіе въ толпѣ, вызывая общій подъемъ чувствъ и настроеній, такъ благотворно отражается именно на низшихъ ея элементахъ, возвышая ихъ до общаго идейнаго уровня. Въ исторіи общественнаго движенія указываются случаи [1]), когда лица, не обнаруживавшія до того никакихъ способностей подъ вліяніемъ всеобщаго воодушевленія въ толпѣ превращались въ пламенныхъ проповѣдниковъ и даже дѣти начинали пророчествовать".

Мы держимся тѣхъ же взглядовъ на этотъ предметъ. Значеніе личности въ исторической жизни народовъ, говоримъ мы въ одномъ изъ нашихъ сочиненій [2]), ярче всего выступаетъ въ тѣ періоды, когда силою вещей ихъ соціальная дѣятельность идетъ повышеннымъ темпомъ. Какъ всякая другая сила, такъ и сила личности обнаруживается рѣзче всего при сопротивленіи, т. е. въ соперничествѣ и въ борьбѣ, а потому значеніе личности обнаруживается особенно ярко какъ въ мирномъ соперничествѣ народовъ, на почвѣ труда и культуры, такъ и въ тѣ періоды, когда для народа является необходимость борьбы со стихійными бѣдствіями или съ внѣшними врагами.

Нѣсколько иныя, но все же весьма благопріятныя условія для внушенія мы встрѣчаемъ и вообще во всякой публикѣ, отдѣльные члены которой въ противоположность толпѣ физически обособлены другъ отъ друга, но тѣмъ не менѣе находятся другъ съ другомъ въ

---

[1]) Л. Кржкивицкій. Изъ психол. общ. жизни. цит. по Войтоловскому.

[2]) Личность и условія ея развитія. Труды Кіевскаго Съѣзда Псих. въ 1904 г. Отд. изд. Риккеръ. Спб. 1905.

умственной связи, заражаясь одними и тѣми же чувствами и настроеніями. Здѣсь, очевидно, нѣтъ такихъ условій для распространенія психической инфекціи, какія мы имѣемъ, напр., въ толпѣ, какъ звукъ голоса, мимика, жесты и возгласы, иногда съ быстротою молніи зажигающіе сердца людей, но въ тоже время здѣсь имѣется между людьми болѣе или менѣе тѣсная связь, устанавливаемая однимъ и тѣмъ же зрѣлищемъ, напр., въ театрѣ, одними и тѣми же руководящими мыслями, напр., при чтеніи извѣстнаго журнала, и пр. Этихъ условій вполнѣ достаточно, чтобы образовалась та благопріятная почва, при которой путемъ внушенія и взаимовнушенія передавались отъ одного лица къ другому одни и тѣ же чувства и идеи и подготовлялись одни и тѣ же рѣшенія.

Они здѣсь, конечно, подготовляются медленнѣе, спокойнѣе, безъ тѣхъ страстныхъ порывовъ, которые мы встрѣчаемъ въ толпѣ, но это болѣе медленная психическая инфекція проникаетъ въ умы еще болѣе прочно, чѣмъ инфекція, развивавшаяся въ толпѣ, которая нерѣдко исчезаетъ лишь вмѣстѣ съ разсѣиваніемъ и самой толпы. Вмѣстѣ съ тѣмъ эта инфекція, овладѣвающая публикой, не приводитъ обыкновенно и къ столь необдуманнымъ движеніямъ, на какія способна толпа, но все же и здѣсь инфекція дѣйствуетъ часто вопреки здравому смыслу, при чемъ готовые взгляды легко принимаются на вѣру и часто подготовляются незрѣлыя рѣшенія. Сколько кумировъ было создано этимъ путемъ на театральныхъ подмосткахъ и какъ часто потомъ за простымъ увлеченіемъ слѣдовало разочарованіе. А слава народныхъ вождей развѣ не поддерживается тѣмъ же путемъ психической инфекціи среди обширной группы лицъ, связанныхъ общностью національныхъ интересовъ? И здѣсь бывали кумиры, созданные толпой и публикой, которые разбивались при первомъ же толчкѣ, требовавшемъ осуществленія народныхъ идеаловъ и стремленій.

Значеніе внушенія въ общественныхъ группахъ.

Въ большинствѣ случаевъ толпѣ нужны вожаки, которые, инстинктивно чувствуя значеніе и силу толпы, руководятъ ею, какъ искусные демагоги, гораздо болѣе силой внушенія, нежели здравымъ убѣжденіемъ. Б. Сидисъ въ своей книгѣ, вышедшей вслѣдъ за моей работой, появившейся въ переводѣ на нѣмецкій языкъ въ 1899 г. [1]), высказываетъ по этому поводу въ общемъ тѣ же

[1]) W. Bechterew. Suggestion und ihre sociale Bedentung. Leipzig. 1899.

самыя мысли, что и я. „Внушеніе, по словамъ Б. Сидиса, данное изступленной толпѣ „владыкой“, распространяется подобно пожару. Оно отражается отъ индивида къ индивиду, собираетъ силу и становится такимъ подавляющимъ, что приводитъ толпу къ бѣшеной дѣятельности, къ безумному возбужденію. Когда толпа принимаетъ внушенія и выполняетъ ихъ, волненіе возрастаетъ больше и больше. Каждое исполненное внушеніе расширяетъ и усиливаетъ эмоцію толпы. За каждымъ новымъ приступомъ слѣдуетъ болѣе сильный пароксизмъ бѣшенаго демоническаго безумія. Толпа подобна лавинѣ: чѣмъ дольше она катится, тѣмъ грознѣе и опаснѣе она становится. Внушеніе, данное героемъ, вождемъ, господиномъ момента, принимается толпой и отражается отъ человѣка къ человѣку, пока всякая голова не закружится, всякій умъ не помутится. Въ изступленной толпѣ каждый вліяетъ и подвергается вліянію, каждый внушаетъ и получаетъ внушенія, волна внушеній все растетъ, пока не достигнетъ страшной высоты“ [1]).

Вотъ почему человѣкъ, умѣющій овладѣвать вниманіемъ толпы, всегда можетъ увлечь ее на безпримѣрные подвиги, чему примѣровъ въ исторіи мы знаемъ немало. Вспомнимъ хотя бы исторію русскаго Минина, спасшаго отечество своей проповѣдью въ наиболѣе трудный для него періодъ. Его знаменитая фраза: „Заложимъ своихъ женъ и дѣтей и выкупимъ отечество!“ должна была дѣйствовать подобно сильнѣйшему внушенію на наэлектризованную уже ранѣе толпу. Какъ можно овладѣвать толпой и ея порывами, показываетъ, между прочимъ, слѣдующій разсказъ Б. Сидиса [2]):

„11 августа 1885 въ Old Orchard Me.... былъ митингъ подъ открытымъ небомъ. Нужно было сдѣлать сборъ для всемірной проповѣди евангелія. Проповѣдникъ слѣдующимъ образомъ давалъ внушенія: „Самое поразительное воспоминаніе, которое я имѣю о чужихъ странахъ, это—толпы, волны потеряннаго человѣчества, разбивающіяся непрестанно о берега вѣчности... Въ какомъ отчаяніи они, какъ нелюбимы—никакой радости, ни веселья, ни пѣсни въ ихъ религіи! Однажды я слышалъ, какъ китаецъ говорилъ, почему онъ христіанинъ. Ему казалось, что онъ брошенъ въ глубокую пропасть и нѣтъ средствъ выйти изъ нея (разсказъ). Плакали ли Вы о потерянномъ мірѣ, какъ Іисусъ плакалъ? Если нѣтъ, горе вамъ! Ваша религія только сонъ и мечта. Мы находимъ Христа испыту-

---

[1]) Б. Сидисъ, loco. cit., стр. 302 и 303.

[2]) Б. Сидисъ, loco cit., стр. 298.

ющимъ своихъ учениковъ. Возьметъ ли онъ ихъ съ собою? Возлюбленные, Онъ испытуетъ васъ сегодня. (Непрямое внушеніе). Онъ бы могъ обратить тысячу милліонеровъ, но даетъ вамъ случай спастись (внушеніе прямѣе прежняго). Довольно ли у васъ вѣры? (Здѣсь слѣдуетъ разсужденіе о вѣрѣ). Богъ не можетъ творить великихъ вещей безъ вѣры. Я вѣрю, что пришествіе Іисуса придетъ по вѣрѣ сильно вѣрующаго въ сіе... Возлюбленные, если вы даете для Бога, вы получили вѣру (внушеніе еще прямѣе). Отрокъ съ пятью хлѣбами и двумя маленькими рыбами (разсказъ)—когда все было кончено, онъ не потерялъ своихъ хлѣбовъ; осталось двѣнадцать корзинъ... О, возлюбленные, какъ оно вернется! Нѣкогда царь царей призоветъ васъ и дастъ вамъ царство славы и за то, что довѣрили Ему такъ мало! Великій вкладъ вы дѣлаете сегодня... Нѣкогда Богъ покажетъ намъ, насколько лучше Онъ помѣстилъ наши сокровища, чѣмъ мы сами". Внушеніе подѣйствовало. Со всѣхъ сторонъ потекли деньги, сотни превращались въ тысячи, въ десятки тысячъ. Толпа дала 70.000 долларовъ".

Та же самая сила внушенія дѣйствуетъ, очевидно, и въ войскахъ, ведя ихъ къ блестящимъ побѣдамъ.

Безъ сомнѣнія, дисциплина и сознаніе долга создаютъ изъ войскъ одно могучее колоссальное тѣло, но послѣднее для того, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще въ одухотворяющей силѣ и эта сила заключается во внушеніи того чувства, которое находитъ живой откликъ въ сердцахъ воюющихъ. Вотъ почему умѣнье поддержать духъ войскъ въ рѣшительную минуту составляетъ одну изъ величайшихъ заботъ знаменитыхъ полководцевъ.

Этой же силой внушенія объясняются геройскіе подвиги и самоотверженіе войскъ подъ вліяніемъ одного возбуждающаго слова своего любимаго военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успѣхъ.

Очевидно, что сила внушенія въ этихъ случаяхъ, устраняя сознаніе невозможности достигнуть цѣли, ведетъ къ результатамъ, которыхъ еще за минуту нельзя было ни предвидѣть, ни ожидать. Такимъ образомъ сила внушенія приводитъ иногда къ событіямъ, свершить которыя воля и сознаніе долга безъ соотвѣтствующаго внушенія были бы не въ состояніи.

Такъ какъ объединяющимъ элементомъ толпы вездѣ и всюду является общность чувствъ и настроенія, то они и создаютъ благопріятныя условія для внушенія и взаимовнушенія, которое дѣйствуетъ на толпу всегда непосредственно, увлекая ее на тѣ или

другія дѣйствія. По словамъ Ланге, охваченная страстью толпа принадлежитъ къ числу самыхъ могущественныхъ изъ извѣстныхъ намъ силъ природы. Бури страстей погубили больше человѣческихъ жизней, опустошили больше странъ, чѣмъ ураганы; ихъ потокъ разрушилъ больше городовъ, чѣмъ наводненія [1]).

Когда имѣется достаточно условій для того, чтобы данное внушеніе получило откликъ въ умахъ людей, послѣднее воздѣйствуетъ на народныя массы въ томъ или другомъ направленіи соотвѣтственно своему содержанію. Такъ какъ народныя массы по своей неразвитости еще содержатъ немало грубыхъ инстинктовъ и въ то же время имъ доступно сознаніе высоконравственныхъ началъ, усваиваемыхъ главнымъ образомъ благодаря религіи и воспитанію въ духѣ общей государственной идеи, то естественно, что путемъ внушенія народныя массы могутъ быть направляемы, какъ къ самымъ безнравственнымъ и жестокимъ поступкамъ, такъ и къ великимъ историческимъ подвигамъ. Поэтому то и организованныя толпы, какъ извѣстно, нерѣдко проявляютъ свою дѣятельность далеко несоотвѣтственно тѣмъ цѣлямъ, во имя которыхъ онѣ сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудилъ въ толпѣ низменные инстинкты, и толпа, объединявшаяся благодаря возвышеннымъ цѣлямъ, становится въ полномъ смыслѣ слова звѣремъ, жестокость котораго можетъ превзойти всякое вѣроятіе.

Вообще извѣстно, что возбужденная толпа способна на самые безчеловѣчные поступки, благодаря именно тому, что на мѣсто здравой логики является автоматизмъ и импульсивность, какъ прямыя слѣдствія внушенія. Современныя намъ жестокости американцевъ, расправляющихся по суду Линча съ преступниками или только лицами, подозрѣваемыми въ преступленіи, служа позоромъ для страны свободы, получаютъ тѣмъ не менѣе объясненіе въ этой импульсивности толпы, которая не знаетъ никакой пощады. Такимъ же образомъ объясняются и звѣрства, чинимыя толпой при еврейскихъ погромахъ, повторяющихся время отъ времени въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ чисто еврейское населеніе оказывается смѣшаннымъ съ христіанскимъ.

„Хотите вы типическаго примѣра преступленій толпы?“ говоритъ Тардъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій. „Революція Тэна даетъ

---

[1]) Цит. по Л. Н. Войтловскому: роль чувства въ коллективной психологіи. Юбилейный сборникъ работъ, посвященный И. А. Сикорскому. 1805.

намъ такихъ примѣровъ больше, чѣмъ нужно. Въ сентябрѣ 1789 г. въ Труа создается легенда, враждебная для мэра Гуеза: онъ скупщикъ, онъ хочетъ заставить народъ ѣсть сѣно. Гуезъ извѣстенъ своей благотворительностью. Онъ оказалъ большія услуги городу. Но что за важность! 9 сентября на трехъ возахъ мука оказалась дурною; народъ сталъ собираться и кричать: „долой мэра!" „смерть мэру!". Гуеза при выходѣ изъ суда сшибаютъ съ ногъ, бьютъ ногами и кулаками и онъ умираетъ, пораженный ударомъ деревяннаго башмака въ голову. Одна женщина бросается на поваленнаго старика, топчетъ его лицо ногами и нѣсколько разъ вонзаетъ ему ножницы въ глаза. Его тащатъ съ веревкой на шеѣ къ мосту, бросаютъ въ воду, затѣмъ вытаскиваютъ и снова волочатъ по улицамъ, по лужамъ „съ клочкомъ сѣна во рту". Послѣ этого начались грабежи и разрушеніе домовъ, причемъ у одного нотаріуса было похищено и распито болѣе шестисотъ бутылокъ вина. Въ ту же эпоху толпа поступила еще ужаснѣе въ Канѣ: майоръ Бельсонсъ былъ разорванъ на части подобно Лаперузу на островахъ Фиджи и одна женщина съѣла его сердце".

Иногда достаточно одного слова, одной мысли или даже одного мановенія руки, чтобы толпа разразилась рефлективно жесточайшимъ злодѣяніемъ, предъ которымъ блѣднѣютъ всѣ ужасы грабителей.

Вспомните сцену изъ „Войны и Міра" на дворѣ князя Ростопчина, предавшаго толпѣ для собственнаго спасенія одного изъ заключенныхъ.

Эта сцена, представляя собою яркій примѣръ вліянія внушенія на толпу, отличается поразительной художественной правдивостью и должна быть приведена здѣсь въ поясненіе сказаннаго:

— Ребята!—сказалъ Ростопчинъ металлически звонкимъ голосомъ:—этотъ человѣкъ Верещагинъ, тотъ самый мерзавецъ, отъ котораго погибла Москва.

Молодой человѣкъ въ лисьемъ тулупчикѣ стоялъ въ покорной позѣ, сложивъ кисти рукъ вмѣстѣ передъ животомъ и немного согнувшись. Исхудалое съ безпокойнымъ выраженіемъ, изуродованное бритой головой молодое лицо его было опущено внизъ. При первыхъ словахъ графа онъ медленно поднялъ голову и поглядѣлъ снизу на графа, какъ бы желая что-то сказать ему или хоть встрѣтить его взглядъ. Но Ростопчинъ не смотрѣлъ на него.

На длинной шеѣ молодого человѣка, какъ веревка, напружилась и посинѣла жила за ухомъ и вдругъ покраснѣло лицо. Всѣ глаза

были устремлены на него. Онъ посмотрѣлъ на толпу и какъ бы обнадеженный тѣмъ выраженіемъ, которое онъ прочиталъ на глазахъ людей, онъ печально улыбнулся и опять, опустивъ голову, поправился ногами на ступенькѣ.

— Онъ измѣнилъ своему Царю и Отечеству, онъ предался Бонапарту, онъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ осрамилъ имя русскаго и отъ него погибаетъ Москва,—говорилъ Ростопчинъ ровнымъ рѣзкимъ голосомъ, но вдругъ быстро взглянулъ внизъ на Верещагина, продолжавшаго стоять въ той же покорной позѣ. Какъ будто взглядъ этотъ взорвалъ его, онъ, поднявъ руку, закричалъ почти, обращаясь къ народу:—Своимъ судомъ разсправляйтесь съ нимъ! Отдаю его вамъ!

Народъ молчалъ и только все тѣснѣе и тѣснѣе нажималъ другъ на друга. Держать другъ друга, дышать въ этой зараженной духотѣ, не имѣть силы пошевелиться и ждать чего-то неизвѣстнаго, непонятнаго, страшнаго становилось невыносимо. Люди, стоявшіе въ первыхъ рядахъ, видѣвшіе и слышавшіе все то, что происходило передъ ними, всѣ съ испуганно широко раскрытыми глазами и разинутыми ртами, напрягая всѣ свои силы, удерживали на своихъ спинахъ напоръ заднихъ.

— Бей его!... Пускай погибнетъ измѣнникъ, не срамитъ имени русскаго!—закричалъ Ростопчинъ.

— Руби! Я приказываю!

Услыхавъ не слова, но гнѣвные звуки голоса Ростопчина, толпа застонала, подвинулась, но опять остановилась.

— Графъ!—проговорилъ среди опять наступившей тишины робкій, но вмѣстѣ театральный голосъ Верещагина.—Графъ, одинъ Богъ надъ нами...—сказалъ Верещагинъ, поднявъ голову, и опять налилась кровью толстая жила на его тонкой шеѣ и краска быстро выступила и сбѣжала съ его лица. Онъ не договорилъ того, что хотѣлъ сказать.

— Руби его! Я приказываю...—крикнулъ Ростопчинъ, вдругъ поблѣднѣвъ такъ же, какъ и Верещагинъ.

— Сабли вонъ! — крикнулъ офицеръ драгунамъ, самъ вынимая саблю. Другая еще сильнѣйшая волна взмыла по народу и, добѣжавъ до переднихъ рядовъ, волна эта сдвинула переднихъ и, шатая, поднесла къ самымъ ступенямъ крыльца. Высокій малый съ окаменѣлымъ выраженіемъ лица и съ остановившеюся поднятой рукой стоялъ рядомъ съ Верещагинымъ.

— Руби—прошепталъ почти офицеръ драгунамъ и одинъ изъ

солдатъ съ исказившимся злобой лицомъ ударилъ Верещагина тупымъ палашемъ по головѣ.

— А!—коротко и удивленно вскрикнулъ Верещагинъ, испуганно оглядываясь и какъ будто не понимая, зачѣмъ это было съ нимъ сдѣлано.

Такой же стонъ удивленія и ужаса пробѣжалъ по толпѣ.

О, Господи! послышалось чье-то печальное восклицаніе. Но вслѣдъ за восклицаніемъ удивленія, вырвавшимся у Верещагина, онъ жалобно вскрикнулъ отъ боли и этотъ крикъ погубилъ его. Та натянутая до высшей степени преграда человѣческаго чувства, которая держала еще толпу, порвалась мгновенно. Преступленіе было начато, необходимо было довершить его. Жалобный стонъ упрека былъ заглушенъ грознымъ и гнѣвнымъ ревомъ толпы. Какъ послѣдній девятый валъ, разбивающій корабли, взмыла изъ заднихъ рядовъ эта послѣдняя неудержимая волна, донесла до переднихъ, сбила ихъ и поглотила все. Ударившій драгунъ хотѣлъ повторить свой ударъ. Верещагинъ съ крикомъ ужаса, заслоняясь руками, бросился къ народу. Высокій малый, на котораго онъ наткнулся, вцѣпился руками въ тонкую шею Верещагина и съ дикимъ крикомъ съ нимъ вмѣстѣ упалъ подъ ноги навалившагося, ревущаго народа. Одни били и рвали Верещагина, другіе высокаго малаго. И крики задавленныхъ и тѣхъ, что старались спасти Верещагина, только возбуждали ярость толпы".

Въ поясненіе сцены слѣдуетъ замѣтить, что толпа, собравшаяся у дома Ростопчина, была уже ранѣе озлоблена и это озлобленіе путемъ послѣдовательнаго ряда внушеній было направлено Ростопчинымъ на несчастнаго Верещагина, во всякомъ случаѣ ничуть неповиннаго въ дѣлѣ гибели Москвы.

То же самое или приблизительно то же самое мы имѣемъ и въ другихъ случаяхъ преступныхъ дѣйствій толпы.

Достаточно, чтобы во время страшныхъ народныхъ эпидемій проникъ слухъ объ отравленіи водныхъ источниковъ, чтобы изступленныя толпы стали искать отравителей и грозить смертью тѣмъ изъ несчастныхъ, на которыхъ падетъ въ этомъ случаѣ хотя бы тѣнь подозрѣнія. Вспомните печальную смерть воспитанника Военно-Медицинской Академіи врача Молчанова во время народныхъ возмущеній въ одну изъ недавнихъ холерныхъ эпидемій на Волгѣ! Пущенный кѣмъ то нелѣпый слухъ объ отравленіи питьевой воды въ колодцахъ, былъ и здѣсь виною того, что толпа съ яростью набросилась на производившаго дезинфекцію несчастнаго врача, мнимаго виновника этихъ мнимыхъ

отравленій и дѣло кончилось трагически. Такъ бываетъ не только въ провинціальныхъ захолустьяхъ, но и въ такихъ центрахъ цивилизаціи, какъ Парижъ, гдѣ во времена холерныхъ эпидемій буквально повторялись тѣ же самыя кровавыя событія. При этомъ быстро образовывались сборища на набережныхъ и площадяхъ, которыя стали относиться подозрительно ко всѣмъ, кто имѣлъ въ рукахъ бутылку, флаконъ или какой-либо пакетъ, и горе тѣмъ, на которыхъ падало такое подозрѣніе по какому-либо случайному поводу. По словамъ Жиске „одинъ молодой человѣкъ, служащій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, былъ убитъ на улицѣ Сенъ-Дени по одному подозрѣнію въ томъ, что онъ хотѣлъ бросить ядъ въ чанъ одного торговца виномъ“.

Двое лицъ были преслѣдуемы толпой, подозрѣвавшей ихъ въ томъ, что они хотѣли отравить дѣтей тартинкой. Жизнь этихъ лицъ была спасена только тѣмъ, что полицейскій коммисаръ и одинъ отставной полковникъ на глазахъ всѣхъ раздѣлили между собой пресловутую тартинку и съѣли. Ярость тотчасъ же смѣнилась весельемъ и волненіе быстро улеглось.

Достойно вниманія, что подобныя же дѣйствія толпъ повторяются съ необычайной стереотипностью во всѣ времена и въ разныхъ странахъ. „Римскія толпы, обвиняющія христіанъ въ поджогахъ Рима или въ пораженіи, постигшемъ какой-нибудь легіонъ, и бросающія ихъ на растерзаніе звѣрей; средневѣковыя толпы, выставляющія противъ альбигойцевъ, противъ евреевъ, противъ какого-нибудь еретика нелѣпѣйшія обвиненія, распространенность которыхъ принимается за доказательство ихъ справедливости; нѣмецкія толпы Мюнцера во времена Реформаціи; французскія толпы Журдана во времена Террора,—всѣ онѣ и всегда представляютъ одно и то же зрѣлище“ [1]).

Какъ быстро передается внушеніе въ толпѣ, особенно уже ранѣе наэлектризованной, показываетъ примѣръ, заимствованный изъ Біанки. Въ одной деревушкѣ народъ, уже до нѣкоторой степени возбужденный, замѣтилъ при выходѣ изъ церкви нѣсколькихъ полицейскихъ, явившихся для исполненія своей службы. Этого было достаточно, чтобы дать поводъ къ общему раздраженію, начались свистки и крики, послышались зажигательные возгласы и пѣсни и не прошло много времени, какъ толпа, состоявшая изъ совершенно мирныхъ

[1]) Тардъ. Loco cit. стр. 150.

граждан, въ томъ числѣ стариковъ и дѣтей, начала бить стекла и громить все, что она могла.

Вотъ почему благородство и возвышенность религіозныхъ, политическихъ и патріотическихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ людьми, собравшимися въ толпу, по справедливому замѣчанію Тарда [1]), нисколько не препятствуетъ быстрому упадку ихъ нравственности и крайней жестокости ихъ поведенія, лишь только они начинаютъ дѣйствовать сообща [2]). Въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ направляющихъ толпу элементовъ.

До какой степени быстро, почти мгновенно, толпа по внушенію измѣняетъ свои чувства, показываетъ разсказъ Ph. de Ségur [3]) объ одной толпѣ 1791 года, которая въ окрестностяхъ Парижа преслѣдовала одного богатаго фермера, будто бы нажившагося на счетъ общества. Въ ту минуту, когда этому фермеру грозила уже смерть, кто-то изъ толпы горячо вступился за него и толпа внезапно перешла отъ крайней ярости къ не менѣе крайнему расположенію къ этому лицу. Она заставила его пѣть и плясать вмѣстѣ съ собою вокругъ дерева-свободы, тогда какъ за минуту предъ тѣмъ собирались его повѣсить на вѣтвяхъ того же самаго дерева.

Мы не касаемся здѣсь спорнаго вопроса—всегда ли обязательны для всякаго дѣйствія толпы особые вожаки, какъ думаетъ Тардъ, или же возможны и самостоятельныя дѣйствія толпы безъ всякихъ вожаковъ, какъ утверждаютъ его противники; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что дѣйствія толпы въ значительной мѣрѣ обязаны внушенію и взаимовнушенію, часто даже сводящемуся къ простому подражанію.

Такимъ образомъ въ зависимости отъ характера внушенія толпа, доступная по своему умственному уровню нравственнымъ идеаламъ христіанскаго ученія и въ то же время сохранившая въ себѣ еще остатки дикой грубости нравовъ, способна проявлять возвышенныя и благородныя стремленія или наоборотъ низменные и грубые инстинкты. Въ этомъ именно и проявляются характеристическія особенности въ дѣйствіяхъ толпы.

Не подлежитъ вообще никакому сомнѣнію, что объединенныя извѣстнымъ чувствомъ народныя массы ничуть не являются только

---

[1]) Г. Тардъ. L'opinion et la foule. Русск. перев. Спб. 1903, стр. 41.
[2]) Тардъ. Преступленія толпы. Р. П. Невр. Вѣстникъ. Т. I, вып. 1.
[3]) H. Taine. Revol. II, p. 146.

суммой составляющихъ ихъ элементовъ, какъ иногда принимаютъ, такъ какъ здѣсь дѣло не идетъ объ одномъ только случайномъ объединеніи, но о психическомъ объединеніи, поддерживаемомъ и укрѣпляемомъ главнѣйшимъ образомъ благодаря взаимовнушенію. Съ этимъ вмѣстѣ активность отдѣльныхъ элементовъ толпы усиливается до наивысшей степени и при полномъ психическомъ объединеніи вся толпа можетъ дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ, двигаясь, какъ одно огромное соціальное тѣло, объединенное однимъ общимъ настроеніемъ и одними и тѣми же чувствами и мыслями. Но какъ легко толпа приходитъ въ возбужденное состояніе, дѣлаясь въ высшей степени активною, также легко и, пожалуй, еще легче толпа впадаетъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ и въ панику, о чемъ была уже рѣчь выше. И здѣсь въ паникѣ все дѣло въ силѣ внушенія, взаимовнушенія и подражательности, а не въ логическомъ убѣжденіи,—въ автоматизмѣ, а не въ разумѣ.

Тоже самое, что мы имѣемъ въ отдѣльныхъ сформировавшихся толпахъ, мы находимъ, хотя и въ значительно меньшей мѣрѣ, и въ каждой вообще соціальной средѣ, а равно и въ большихъ обществахъ, особенно въ періоды приподнятыхъ общественныхъ настроеній.

Отдѣльные члены этой среды почти ежеминутно инфецируютъ другъ друга своими мыслями и въ зависимости отъ качества получаемой ими инфекціи волнуются возвышенными и благородными стремленіями или наоборотъ низменными и животными. Сообщества учителя и учениковъ, сообщества друзей или влюбленныхъ, развѣ они обходятся безъ взаимовнушенія? Двойныя самоубійства, дѣйствія сообща также предполагаютъ извѣстную долю взаимовнушенія. Можно сказать болѣе. Врядъ ли вообще случается какое-либо дѣяніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, врядъ ли совершается какое-либо преступленіе безъ прямого или косвеннаго вліянія постороннихъ лицъ, которое хотя и не всегда, но чаще всего дѣйствуетъ подобно внушенію.

Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ Тардомъ [1]), что „трудность состоитъ не въ томъ, чтобы отыскать собирательныя преступленія, но въ томъ, чтобы открыть преступленія, которыя не были бы таковыми, которыя нисколько не заключали бы въ себѣ пособничества или соучастія среды. Это до такой степени вѣрно,

---

[1]) Тардъ. L'opinion de foule, стр. 197.

что можно даже спросить себя существуютъ ли на самомъ дѣлѣ индивидуальныя преступленія, все равно, какъ можно задать себѣ и другой вопросъ: есть ли такія геніальныя произведенія, которыя не были бы дѣломъ коллективнымъ?".

Многіе думаютъ, что человѣкъ производитъ то или другое преступленіе исключительно по строго взвѣшеннымъ логическимъ соображеніямъ; а между тѣмъ ближайшій анализъ дѣйствій и поступковъ преступника нерѣдко открываетъ намъ, что, не смотря на многочисленныя колебанія съ его стороны, достаточно было одного подбодряющаго слова кого-либо изъ окружающихъ или примѣра, дѣйствующаго подобно внушенію, чтобы всѣ колебанія были сразу устранены и преступленіе явилось неизбѣжнымъ. Равнымъ образомъ въ организованныхъ обществахъ преступленія иногда совершаются по приказанію ихъ главы, какъ по мановенію жезла.

Вообще надо имѣть въ виду, что идеи, стремленія и поступки отдѣльныхъ лицъ не могутъ считаться чѣмъ-то вполнѣ обособленнымъ, принадлежащимъ только имъ однимъ, такъ какъ въ характерѣ этихъ идей, стремленій и поступковъ всегда сказывается въ большей или меньшей мѣрѣ и вліяніе окружающей среды.

Отсюда такъ называемое затягивающее вліяніе среды на отдѣльныхъ лицъ, которыя не въ состояніи подняться выше этой среды, выдѣлиться изъ массы. Въ обществѣ этотъ психическій микробъ, понимаемый подъ словомъ „внушеніе", является въ нѣкоторой мѣрѣ нивелирующимъ элементомъ и, смотря по тому, представляется ли отдѣльное лицо выше или ниже окружающей среды, оно отъ вліянія послѣдней дѣлается хуже или лучше, т. е. выигрываетъ или проигрываетъ. Въ этомъ нельзя не видѣть важнаго значенія внушенія, какъ условія, содѣйствующаго объединенію отдѣльныхъ лицъ въ большія общества.

Но кромѣ этой объединяющей силы, внушеніе и взаимовнушеніе, какъ мы видѣли, усиливаетъ чувства и стремленія, поднимая до необычайной степени активность народныхъ массъ. Въ этомъ заключается другое важное значеніе внушенія въ соціальной жизни народовъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что психическій микробъ въ извѣстныхъ случаяхъ оказывается не менѣе губительнымъ, нежели физическій микробъ, побуждая народы при благопріятной къ тому почвѣ къ опустошительнымъ войнамъ и взаимоистребленію, возбуждая религіозныя эпидеміи и вызывая съ другой стороны жесточайшія гоненія противъ новыхъ эпидемически распространяю-

щихся ученій. И если бы можно было сосчитать тѣ жертвы, которыя прямо или косвенно обязаны вліянію этого психическаго микроба, то врядъ ли число ихъ оказалось бы меньшимъ, нежели число жертвъ, уносимыхъ обыкновеннымъ физическимъ микробомъ во время народныхъ эпидемій.

Тѣмъ не менѣе внушеніе въ другихъ случаяхъ, какъ мы видѣли выше, способствуетъ тому, чтобы увлечь народы, какъ одно цѣлое, къ величайшимъ подвигамъ, оставляющимъ въ высшей степени яркій и величественный слѣдъ въ исторіи народовъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ уже ранѣе упомянуто, многое зависитъ отъ подготовленной почвы въ видѣ народнаго сознанія и сложившихся чувствъ и убѣжденій. Но всего этого большею частью бываетъ недостаточно для осуществленія великихъ событій и тогда немаловажная роль въ ходѣ этихъ событій выпадаетъ на долю направляющей силы. Дѣло руководителей народныхъ массъ заключается такимъ образомъ по преимуществу въ искусствѣ направлять ихъ чувства и мысли къ возвышеннымъ цѣлямъ и благороднымъ стремленіямъ.

Отсюда очевидно, что внушеніе является тѣмъ соціальнымъ факторомъ, который играетъ немаловажную роль не только въ жизни каждаго отдѣльнаго лица и въ его воспитаніи, но и въ жизни цѣлыхъ народовъ.

Какъ въ біологической жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ благопріятныхъ условій играетъ извѣстную роль микробъ физическій, будучи, благодаря своей индивидуальной организаціи и біологическимъ свойствамъ, то факторомъ полезнымъ, то вреднымъ и смертельнымъ, уносящимъ тысячи жертвъ, такъ и психическій микробъ или внушеніе въ зависимости отъ своего внутренняго содержанія, можетъ быть, факторомъ въ высшей степени полезнымъ или же вреднымъ и губительнымъ.

Можно сказать, что врядъ ли вообще совершалось въ мірѣ какое-либо изъ великихъ историческихъ событій, въ которомъ та или другая роль не выпадала бы на долю внушенія или самовнушенія. Уже многія крупныя историческія личности, какъ Жанна д'Аркъ, Магометъ, Петръ Великій, Наполеонъ I и пр., явившись яркими выразителями народныхъ стремленій и народной воли, окружались въ то же время, благодаря народной вѣрѣ въ силу ихъ генія, такимъ ореоломъ, который нерѣдко дѣйствовалъ на окружающихъ лицъ

подобно внушенію, невольно увлекая за ними массы народовъ, чѣмъ, безъ сомнѣнія, въ значительной мѣрѣ облегчалось и осуществленіе исторической миссіи, принадлежавшей имъ по праву сильнаго ума и энергіи. Мы говорили уже, что одного ободряющаго слова любимаго полководца достаточно, чтобы тотчасъ же воспрянулъ духъ солдатъ, и увлекаемые сказаннымъ словомъ люди пошли на вѣрную смерть, нерѣдко не отдавая въ томъ даже яснаго отчета.

Какъ извѣстно, еще въ недавнее время многіе были склонны отрицать совершенно роль личности въ ходѣ историческихъ событій. По нимъ личность является лишь выразителемъ взглядовъ массы, какъ бы высшимъ олицетвореніемъ данной эпохи и потому она сама по себѣ и не можетъ имѣть активнаго вліянія на ходъ историческихъ событій. Послѣднія силою вещей выдвигаютъ ту или другую личность поверхъ толпы, сами же событія идутъ своей чередой внѣ всякой зависимости отъ вліянія на нихъ отдѣльныхъ личностей.

„Великихъ людей“, говоритъ Михайловскій, „создаетъ та же среда, которая выдвигаетъ и толпу, только концентрируя и воплощая въ нихъ разрозненные бродящіе въ толпѣ силы, чувства, инстинкты, мысли, желанія“... Но и герои создаютъ вокругъ себя толпу. Они сами могутъ быть двигателями народныхъ массъ, что обычно упускается современными авторами.

При этомъ во вліяніи героевъ на толпу забываютъ о внушеніи, этой важной силѣ, которая независимо отъ силы ума и энергіи служитъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ счастливо одаренныхъ отъ природы натуръ, какъ бы созданныхъ быть руководителями народныхъ массъ. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себѣ является отраженіемъ данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событіе не можетъ осуществиться, коль скоро не имѣется для того достаточно подготовленной почвы и благопріятствующихъ условій, но также несомнѣнно и то, что въ рукахъ извѣстныхъ публицистовъ, въ рукахъ блестящихъ ораторовъ, въ рукахъ прославленныхъ демагоговъ и любимцевъ народа, въ рукахъ знаменитыхъ полководцевъ и великихъ правителей при соотвѣтственномъ богатствѣ ихъ умственныхъ способностей имѣется еще та могучая сила, которая можетъ объединять народныя массы для одной общей цѣли и которая способна увлечь ихъ на подвигъ и повести къ событіямъ, послѣдствія которыхъ отражаются на цѣломъ рядѣ грядущихъ поколѣній.

Не менѣе видная роль на долю внушенія выпадаетъ, какъ мы видѣли, и при всякомъ движеніи умовъ и въ особенности въ тѣхъ историческихъ событіяхъ, въ которыхъ активною силою являлись народныя сборища. Въ виду этого я полагаю, что внушеніе, какъ факторъ, заслуживаетъ самаго внимательнаго изученія для историка и соціолога, иначе цѣлый рядъ историческихъ и соціальныхъ явленій получаетъ неполное, недостаточное и частью даже несоотвѣтствующее освѣщеніе.